

УДК 141.333+929(494)Steiner Rudolf Joseph Lorenz  
ББК 86.391.7+87.3(4Шва)6-6 Штайнер Р.  
Р55  
Серия «Постскрипtum»

## **Риттельмайер, Фридрих**

Р 55 Встречи с Рудольфом Штайнером = Meine Lebensbegegnung mit Rudolf Steiner / Фридрих Риттельмайер; пер. с нем. П. Снегирёвой. — М: Энигма, 2011. — 240 с. — (Серия «Постскрипtum»). Данные тит. л. частично парал. нем.

Эта книга написана протестантским священником и выдающимся проповедником Фридрихом Риттельмайером (1872–1938), представителем среды, настроенной враждебно и к самому Рудольфу Штайнеру, и к его учению. Будучи человеком честным и последовательным, автор в свое время пожелал познакомиться с христианским духовидцем и основателем антропософии, чье влияние на умы приобретало все большее значение. После знакомства со Штайнером, Риттельмайер был поражен масштабом его личности и как человек добросовестный начал изучать его труды. Итогом общения со Штайнером стало вступление в Антропософское общество и создание Общины христиан, религиозной организации, которую Риттельмайер и возглавлял до самой своей кончины.

Эту книгу, рассказывающую о встречах со Штайнером, Риттельмайер счел необходимым написать, чтобы люди узнали правду, узнали «каким человеком был Рудольф Штайнер».

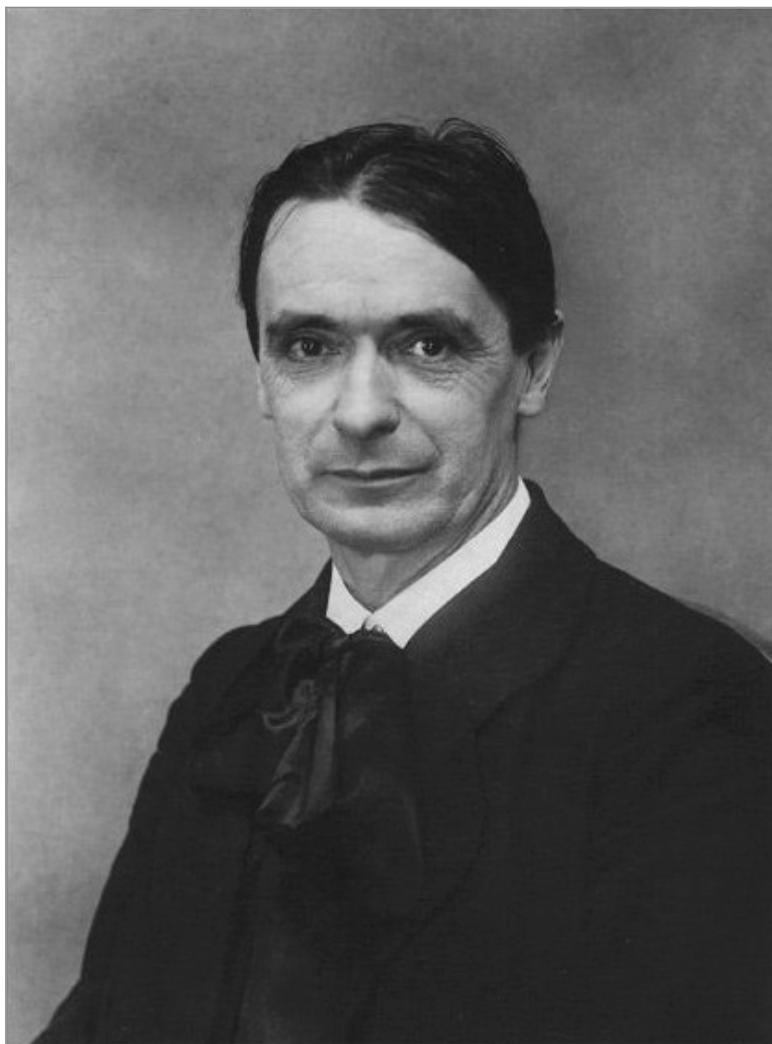
© П. Снегирёва, перевод, 2011

© В. Серебряков, художественное оформление, 2011

© ООО Издательство «Энигма», 2011

© ООО «Одди-Стиль», 2011

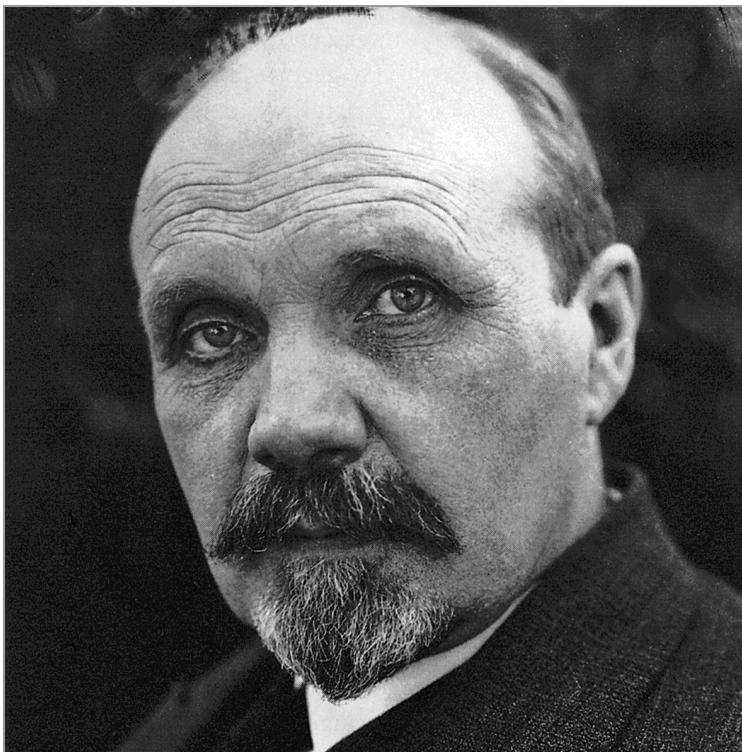
ISBN 978-5-94698-092-0



*Dr. Rudolf Steiner.*

---

К 150-летию со дня рождения



Фридрих Риттельмайер (1872-1938) — протестантский священник, выдающийся проповедник. После знакомства с Рудольфом Штайнером в 1912 г. примкнул к антропософии. В 1921 г. при его активном и непосредственном участии была организована антропософская Община христиан, руководителем которой он был вплоть до самой смерти.



## ПРЕДИСЛОВИЕ

Впервые эта книга вышла в свет в 1927 году после смерти д-ра Рудольфа Штайнера. Нужно было обладать мужеством д-ра Фридриха Риттельмайера, чтобы назвать своего героя самой значительной личностью эпохи и величайшим провозвестником духовного будущего.

Сегодня, через девять лет после смерти автора, книга уже стала историческим документом первого ряда. Встреча, о которой он повествует, оказалась судьбоносной; она вызвала к жизни тенденции развития, имеющие важнейшие перспективы для всего человечества, и знаменовала собой решительный шаг вперед, сделанный христианством в наши дни.

Представители исторически сложившегося христианства в церкви и теологии поначалу не смогли признать, что дело, которому они служат, независимо от них и с неожиданной стороны испытало принципиальное обновление и вооружилось для будущего. Грандиозные катастрофы мирового масштаба, произошедшие с момента той тихой встречи, также оказались бессильны внести в их сознание радикальные изменения и новое начало, к которому пришло христианство. Придут времена, когда наши потомки увидят и признают всю эпохальность незамеченного миром события, каким явилось образование незадолго до Первой мировой войны содружества трех личностей из окружения

Рудольфа Штайнера. Каждый из этих троих уже был мастером, как раз поэтому они и стали первопроходцами новой христианской эры. Их имена: Михаэль Бауэр<sup>1</sup>, Кристиан Моргенштерн<sup>2</sup> и Фридрих Риттельмайер. Михаэль Бауэр, самый тихий среди них, был связующим звеном, он познакомил великого поэта с великим проповедником. Его искренняя дружба и духовная близость скрасили последние годы жизни Кристиана Моргенштерна. Наряду с поздними стихотворениями и афоризмами Кристиана Моргенштерна, глубокие штудии Фридриха Риттельмайера, его многогранные наблюдения над текстом Откровения от Иоанна оказались первым творческим откликом на новое толкование

---

<sup>1</sup> Михаэль Бауэр (1871-1929) — один из первых антропософов. Получил в Бамберге педагогическое образование, затем изучал философию и естественные науки в Мюнхене. Там же познакомился с теософией. Для знакомства с подлинниками изучил санскрит и древнегреческий. Познакомившись в 1904 г. с Рудольфом Штайнером, уже в 1907 г. начал читать лекции вводного курса в теософию. По воспоминаниям Андрея Белого, Бауэр был блестящим оратором. В 1911 г. он познакомился с Ф. Риттельмайером и стал его наставником в области антропософии. В 1922 г., будучи уже серьезно болен, основал в Дорнахе Общину христиан. По воспоминаниям М. Сабашниковой, после эмиграции из России у него часто бывал Михаил Чехов. С поэтом Кристианом Моргенштерном Бауэр познакомился на курорте, где оба лечили болезнь легких, за год до его ухода из жизни в 1913 г. После смерти Моргенштерна участвовал в издании его обширного поэтического наследия, которое по большей части осталось неопубликованным при жизни поэта. (Здесь и далее, если не указано иное, — примеч. изд.)

<sup>2</sup> Кристиан Моргенштерн (1871—1914) — немецкий поэт-лирик. Большая часть его поэтического наследия была издана его женой Маргаретой Моргенштерн уже после его ухода из жизни. С Рудольфом Штайнером познакомился в Берлине в 1909 г. Рудольф Штайнер говорил, что Моргенштерн в своих последних произведениях поэтически воссоздает исследования духовной науки. После его смерти Рудольф Штайнер во всех лекциях, прочитанных им от Пасхи 1914 до Пасхи 1915 г., упоминал о посмертном существовании души Кристиана Моргенштерна. Рудольф Штайнер дал несколько эвритмических форм на юморески и стихи Моргенштерна, первый показ которых прошел в августе 1915 г.

христианства, во всей полноте раскрытое Рудольфом Штайнером. Среди этих троих, предстающих ныне перед нами в ореоле современного апостольства, Фридрих Риттельмайер направил развитие христианской церкви в русло великой новой судьбы. И эту заслугу не умаляет анафема, которой предали его клирики за защиту Рудольфа Штайнера, хотя прежде собирались поручить ему важные задания церкви.

Фридриху Риттельмайеру постоянно приходилось слышать упреки в том, что он изменил самому себе и пожертвовал многообещающей карьерой проповедника и теолога, став учеником Рудольфа Штайнера. Сегодня широкие круги его единомышленников признают, что в действительности все было иначе: историческая роль Фридриха Риттельмайера, выделяющегося из столь многих «великих» современников, состоит как раз в том, что он не наступил на горло собственной песне, не закрыл себе дорогу к высоте, на которую поднялся, доказав величие другого человека. А ведь от этого другого его отделяли бездны психологических различий. Интеллектуальные поиски, изощренная утонченность религиозного чувства и воспринятая всей душой христианская образованность мастера не помешали ему склониться как ученику перед тем, чей строжайший надындивидуальный опыт познания прежде всего поднял человечество на новую ступень мышления. Благодаря встрече с великим учителем, Фридрих Риттельмайер не только сохранил верность самому себе, но и, в сущности, нашел себя, свое человеческое предназначение. Об этом свидетельствуют его признания, но также, коль скоро мы рассматриваем дело его жизни в целом, пройденный им классический путь от брошюры «Иисус» (1912) до книги «Христос» (1936), Эпиграфом ко всей его жизни и творчеству можно было бы поставить слова: «От Иисуса ко Христу». Они, кстати, были заглавием цикла лекций, который читал Рудольф Штайнер во время их первой встречи (октябрь 1911 года).

В лице Фридриха Риттельмайера нашло своего апологета самое благородное почитание Иисуса протестантской эпохи. В честной борьбе на территории духа произошел прорыв к всеобъемлющему христианскому познанию и христианской набожности. В то же время это означало действительное и новое открытие Евангелия от Иоанна. Для Фридриха Риттельмайера теологическое мышление и душевное медитативное стремление к красоте сливались воедино. В нем, а значит, и в

человечестве созревали первые плоды на древе благочестия в духе Иоанна, которые наложат свой отпечаток на христианство будущего.

Мироощущение Фридриха Риттельмайера всегда, даже после его разрыва с евангелической церковью, после того как он возглавил Общину христиан, отличалось горячим стремлением увлечь за собой в новую жизнь как можно более широкие круги из того лагеря, откуда происходил он сам. Он ощущал себя представителем группы тех, кто внутри церковного христианства хотел идти в ногу с прогрессом. И глубоко страдал оттого, что поначалу лишь немногие из числа этого судьбоносного товарищества действительно шли вместе с ним. В конечном счете здесь разошлись пути неразлучной пары нюрнбергских борцов, какой считались он и его друг Кристиан Гейер<sup>3</sup>.

— Эта книга о встречах с Рудольфом Штайнером — документальное подтверждение усилий, затраченных на наведение моста между старыми и новыми спутниками на путях поиска истины. Ей предшествовал сборник, изданный к 60-летию Штайнера «Дело жизни Рудольфа Штайнера» (1921), который пришлось отвоевывать у тяжелой болезни. В конце концов, параллельно с автобиографией, он создал книгу «Медитация. Двенадцать писем о самовоспитании» (1929). Она написана специально для тех христиански ангажированных читателей, которые

---

<sup>3</sup> Кристиан Гейер (1862-1929) — евангелический теолог, проповедник и религиозный писатель. По сути, Кристиан Гейер и Фридрих Риттельмайер, получив приход в евангелической церкви в Нюрнберге, подняли искусство проповеди на небывалую высоту. На их богослужения стекались толпы народа, проповеди перепечатывались и передавались из рук в руки, своей активной деятельностью они возбудили интерес к христианству в дотоле нецерковном Нюрнберге. Познакомившись с Рудольфом Штайнером, Кристиан Гейер принимал активное участие в антропософской работе. Однако он не оправдал надежд Рудольфа Штайнера и не смог принять на себя наряду с Фридрихом Риттельмайером и Эмилем Бокком руководство Общиной христиан, оставшись священником в лоне протестантской церкви. Тем не менее в своих теологических произведениях он неизменно свидетельствовал, что из всех людей, с которыми ему довелось встретиться в жизни, «Рудольф Штайнер был в духовном смысле наизначительнейшим».

не сразу вступили на путь антропософии и не сразу приняли идеи Общины христиан.

Пусть описание встречи с Рудольфом Штайнером, одно из первых сочинений Фридриха Риттельмайера, выходящее в свет после войны, снова послужит осуществлению тех целей, которым он посвятил свою жизнь.

Эмиль Бок<sup>4</sup>

---

<sup>4</sup> Эмиль Бок (1895—1959) — теолог, писатель, сооснователь и эрцберленкер (1938-1959) Общины христиан. Э.Бок принадлежал к тому поколению молодежи, которое активно стремилось к религиозному обновлению, что привело к основанию в 1922 г. Общины христиан. После смерти в 1938 г. Фридриха Риттельмайера Э.Бок как его преемник стал эрцберленкером. Его главный теологический труд — семитомное издание «Статьи по истории духа человечества». Кроме того, его перу принадлежит новый перевод Нового Завета на немецкий язык и многочисленные комментарии к нему. После Второй мировой войны он читал много лекций на курсах для молодежи в целях возрождения запрещенного в годы войны Антропософского общества в Германии и начал издание в Штутгарте журнала «Сообщения об антропософской работе в Германии». Автор книги «Рудольф Штайнер. Изучение жизненного пути и жизненного труда». Кристиан Гейер (1862-1929) — евангелический теолог, проповедник и религиозный писатель. По сути, Кристиан Гейер и Фридрих Риттельмайер, получив приход в евангелической церкви в Нюрнберге, подняли искусство проповеди на небывалую высоту. На их богослужения стекались толпы народа, проповеди перепечатывались и передавались из рук в руки, своей активной деятельностью они возбудили интерес к христианству в дотоле нецерковном Нюрнберге. Познакомившись с Рудольфом Штайнером, Кристиан Гейер принимал активное участие в антропософской работе. Однако он не оправдал надежд Рудольфа Штайнера и не смог принять на себя наряду с Фридрихом Риттельмайером и Эмилем Бокком руководство Общиной христиан, оставшись священником в лоне протестантской церкви. Тем не менее в своих теологических произведениях он неизменно свидетельствовал, что из всех людей, с которыми ему довелось встретиться в жизни, «Рудольф Штайнер был в духовном смысле наизначительнейшим».



# Встречи с Рудольфом Штайнером

Эта книга ищет людей, которых интересует вопрос: каким человеком был Рудольф Штайнер? Людей, которые предпочитают услышать что-то от очевидца, чем от посторонних лиц или противников. Из этой книги они узнают, как протестант с теологическим образованием отложился от духовного мейнстрима своего времени и пришел к Рудольфу Штайнеру, какой опыт он приобрел в общении с ним. Это повествование имеет определенные границы: сугубо личная, интимная сторона отношений не касается публики, хотя подчас именно здесь влияние личности оказывается наиболее убедительным. Оккультно-духовная сторона не всегда понятна широким кругам читателей, хотя и она, в свою очередь, может произвести очень мощное впечатление. Но в обозначенных пределах я намереваюсь сказать все, что можно сказать, и меня не остановит угроза злоупотреблений сказанным со стороны моих противников. Больше того: особенно злостные нападки на личность Ру-

дольфа Штайнера в одной из влиятельных газет и побудили меня в конечном счете написать эту книгу.

Я не вел дневник моих встреч с Рудольфом Штайнером. Мне казалось нелепым отправляться на каждую беседу, говоря себе: потом все запишешь. Мне казалось, что такая установка повредит свободе, живости и предельной доверительности непосредственного общения. Поэтому я передаю слова Штайнера не буквально, даже если беру их в кавычки, чтобы отличить от своих. Я привожу их так, как они сохранились в моей памяти, и отвечаю за точность передачи содержания и смысла.

Беседы, которые мне было позволено вести с Рудольфом Штайнером, я с самого начала и до конца вел не только от своего собственного имени. Я говорил себе: лишь очень немногие люди имеют доступ к этому человеку. Но эти немногие перед всем человечеством несут ответственность и за то, о чем они спрашивают и чего взыскиют, и за то, что им было сказано в ответ и даровано. Очевидно, Рудольф Штайнер угадал и признал мою позицию, потому и рассказал мне столь многое. Он знал, что я не оставлю это себе, но в нужный час передам дальше — человечеству.

Кажется, такой час настал. Каждый, кто сегодня оглянется вокруг себя, будет потрясен тем, что человечество повсюду дошло до тех пределов, где помочь ему может только антропософия. Не проходит и дня, который не приносит бы новых тому подтверждений. Но человечество ничего не знает об этой помощи или не хочет ничего знать. Виновата в этом по большей части клевета, которая ядовитым туманом окружила основателей антропософии, чтобы сделать их не только невидимыми, но и презренными. Однако растущая нищета во всех областях, несмотря на блестящие внешние открытия, бессилие других средств помощи рано или поздно приведут человечество к антропософии. И данная книга написана для того, чтобы к выгоде человечества это случилось немного раньше. Речь не идет о лишнем аргументе в пользу антропософии, ее следует защищать по-другому, речь идет о чести ее основателя. Это тем более необходимо, чем больше появляется признаков старого разбойничьего приема: сначала убить человека, а потом ограбить. Противники Рудольфа Штайнера сделали все, чтобы духовно

умертвить его, отнять его интеллектуальное достояние и выдать за свое.

Так пусть же эта книга станет тем, чем желает стать, пусть поведаст о том, как человек из христианства современности пришел к Рудольфу Штайнеру и через него к антропософии и Общине христиан. Пусть даже мелочи и самые поверхностные беседы найдут свое место в моем повествовании, если они относятся к делу. С другой стороны, есть совершенные иные пути к Рудольфу Штайнеру. Тот факт, что люди самых разных профессий: медики, педагоги, художники, политики описывают свои дороги к антропософии, внушает надежду. Только благодаря таким дополнениям может возникнуть реальный и целостный образ Рудольфа Штайнера.





В жизни человека бывают моменты, когда ему слышится легкий колокольный звон, как будто в его судьбе наступает новое время, как будто высшие духи устремили на него свои взоры. Потому что теперь многое для него и для других зависит от того, как он поступит в роковой час.

Такой час пробил для меня в конце 1910 года, когда из одного крупного города на севере Германии я получил предложение прочесть публичную лекцию о религиозных течениях современности. Борьба за религиозное обновление всегда вызывала у меня глубокий интерес. И поскольку речь шла об обзорной лекции, я припомнил, что обычно упускал из внимания один феномен современности, к которому не испытывал симпатии. Это была теософия. Но раз уж я брался составить обзор, то обязан был рассмотреть и ее в ряду других течений. До сих пор я слабо представлял себе этот мир, мне мешало некое заведомое неприятие. Он казался грудой необоснованных утверждений, настырным и опрометчивым подсматриваньем за таинственные кулисы духовности, декадентским смешением ориентализма и христианства, отказом от серьезных интеллектуальных притязаний, чем-то скучным и расслабляющим, неприемлемым для ис-

тинного религиозного чувства, дерзким, холодным и рассчитанным на сенсацию.

Но все-таки я был обязан понять, чем же, в сущности, дорожат эти люди. Они приносили внушающие уважение жертвы. Они демонстрировали несомненную удовлетворенность жизнью. И коль скоро я занимался религиозной практикой своих современников, то стоило и к ним присмотреться внимательнее.

Поэтому я обратился к представителям различных теософских течений в Нюрнберге, где я в то время был протестантским пастором, с просьбой о встрече. Я писал, что хотел бы поговорить с ними об их деле и получить у них литературу. Вскоре в моем рабочем кабинете появился Михаэль Бауэр. Впечатление, которое произвел на меня этот человек, было неожиданным и из ряда вон выходящим. Я вдруг увидел перед собой достойного противника, борца, одушевляемого высокой идеей. Простой крестьянин по происхождению, обычный учитель начальной школы, он в поисках истины обследовал духовные миры современности: в юности разделял вольнодумные убеждения Эрнста Геккеля<sup>5</sup>, потом занимался естественными науками, изучал физику и химию. Неутолимая потребность в самосовершенствовании привела его к сочинениям швабского оккультиста Кернинга<sup>6</sup>, и Михаэль Бауэр страстно увлекся его «Упражнениями». Он пытался обрести истину, штудировав немецкую философию, особенно Геккеля, которого знал досконально и считал своим высшим философским авторитетом. Пробиваясь к источникам, он овладел не только живыми иностранными языками: английским, французским, но и латынью, и греческим, даже санскритом. В то время ему исполни-

---

<sup>5</sup> Эрнст Геккель (1834-1919) — немецкий биолог-эволюционист, сторонник дарвинизма. Сформулировал основной закон биогенеза.

<sup>6</sup> Труды Иоганна (псевд. Баптист) Кернинга, а также Бхагавадгиту Михаэль Бауэр начал изучать в 1893-1896 гг., когда учился в Мюнхенском университете. После этого он заинтересовался теософией.

лось сорок лет. Высокий рост, стройная фигура, темная борода, продолговатое, поразительно одухотворенное лицо делали его похожим на индийского гуру, странствующего по европейским большим городам. О нем говорили, что некоторые люди, проходившие мимо его сада и заметившие среди цветов высокого незнакомца, испытали потрясение, о котором помнили всю жизнь. Но самое сильное впечатление производили его глаза. В них уже не было ничего индийского. Они излучали в мир Христов свет. Никогда и ни у кого, за исключением Рудольфа Штайнера, я не видел подобного золотого света в глубинах человеческого зрака. От него исходила мудрая доброта, которая наполняла все вокруг. Он всегда был готов по достоинству оценить каждого человека, будь тот хоть совсем мальчишка, хоть великий гений. В этом взрослом мужчине жила нерушимая детская сила уважения к человеку, хотя тяжкие испытания и безоглядное перенапряжение привели его на край могилы. С этой чистой способностью он сочетал умение настоять на своем, неколебимую самостоятельность. В любом разговоре с ним вас как волна благороднейшего человеколюбия омывала гармония благоговения и свободы. И вот, когда я начал вести расспросы о теософии, счастливое стечение обстоятельств свело меня именно с Михаэлем Бауэром. Не будь его, со мной произошло бы то же, что и со многими моими современниками. Я бы прослушал одну лекцию Штайнера, чтобы «получить представление». Я бы прочел одно или несколько его сочинений, чтобы «составить суждение». Но я прошел бы мимо самого великого, что было в моем времени, не догадываясь, чего себя лишаю.

Впрочем, и другие события послужили прологом к этому судьбоносному часу. Незадолго до него я прочел лекцию на южно-германском собрании «Друзей христианского мира». Как теолог я еще чувствовал тогда свое ближайшее духовное родство с кругом этих людей, ведь они принципиально ценили методы и результаты современного научного исследования и одновре-

менно пытались завоевать свободу и правдивость для религиозной жизни будущего. О моем тогдашнем самочувствии говорит уже сама тема доклада: «Чего не хватает современной теологии?» Это единственный доклад, когда-либо прочитанный мною в большом собрании теологов. Да меня с тех пор и не приглашали в подобные собрания. В прениях выступил Эрнст Трёльч<sup>7</sup>, будущий профессор философии в Берлинском университете. К докладу он отнесся скорее одобрительно. Но заявил следующее:

— Мы в очередной раз услышали человека, который хочет вылезти вон из кожи; а как раз этого проделать невозможно.

Это меня насторожило. И в заключительном слове я сказал ему:

— Вы как раз один из тех, кто парализует нас, молодых теологов, своим вечным релятивизмом. Вы говорите, что человек не может вылезти из своей кожи. А я считаю, что человек как раз обязан вылезти из кожи вон. Я хочу вылезти и вылезу.

Трёльч снисходительно ухмыльнулся. Но позже я не раз чувствовал себя так, словно добрые гении услышали мое желание и направили мои пути туда, где человек действительно вылезает из своей кожи.

Стоит упомянуть еще одну подробность. Я долгие годы подряд повторял: «Если есть у меня просьба к судьбе, то заключается она в том, чтобы не пройти мимо самого главного, самого важного в духовном отношении, что происходит в мое время». Меньше всего я хотел бы повторить заблуждение Фридриха Великого, который был современником Гёте и не заметил его. Откуда в человеке возникают такие желания? Может быть, это

---

<sup>7</sup> Эрнст Трёльч (1865-1923) — теолог и философ, с 1894 г. профессор философии в Гейдельберге, с 1915 г. — в Берлинском университете. Известен критикой историзма и работами в области религиозной социологии. В философии религии исходил из того, что религиозное состояние является априорным переживанием, которое характерно для любой религии.

предчувствия того, чему суждено случиться? Или это смутные воспоминания о предназначении, которое нашептывает нам ангел-хранитель, отпуская нас в этот мир? Но именно это умонастроение ставили мне в вину мои «благожелатели». «Почему вы все время указываете на других? Вы и сами чего-то стоите!» Именно желание «чего-то стоить» помешало многим крупным интеллектуалам среди наших современников признать Рудольфа Штайнера. Им не хватало, подчеркиваю это, им не хватало последней воли познать истину. А еще им не хватало уверенности в себе, которая никуда не пропадает, если движется к правильной позиции в мире. Им не хватало также сознания ответственности, которое побуждает людей, одаренных без лихорадочной зависти, свободно поддерживать самого одаренного.

Итак, тогда передо мной сидел Михаэль Бауэр. Я попытался завязать разговор, с улыбкой повторив заданный вопрос тоном легкого превосходства:

— Значит, вы верите в переселение душ?

Но тут же понял, что должен оставить этот тон раз и навсегда. Открытое, одухотворенное лицо моего визави омрачила тень, и прозвучал уверенный спокойный ответ: — Я не могу иначе.

И он поведал мне в этой и последовавших за ней беседах, как искренние поиски истины каждый раз приводили его к вопросу о Христе. Он почитал Христа как Сына Божьего и носил Его в своей душе. Хотя и был вполне в курсе достижений современной науки. Этим он был обязан теософии. Даже если было бы возможно лишить его всего остального, что дала ему теософия, отнять у него это высочайшее сокровище было невозможно. Лучшим доказательством истинности его слов был сам этот человек. Здесь присутствие Христа проявлялось иначе, чем в личностях Фридриха фон Бодельшвинга<sup>8</sup> или Кристофа Блумхардта<sup>9</sup>, с

---

<sup>8</sup> Фридрих фон Бодельшвинг (1831—1910) — пастор, основатель приюта для больных и убогих, рабочих колоний для освободившихся из тюрем.

которыми я также имел возможность встречаться. Там Христос жил в глубине души и в чистом чувстве истинной веры в иной, высший мир. Здесь Христос обретался в свете ясного духа и в святая святых свободного «Я». Это было нечто более возвышенное. Блумхардт был благородный цветок протестантской набожности. Михаэль Бауэр был неожиданный посланник христианства будущего. Жизнь во Христе как вершина креативного мировоззрения, пронизательной ясности духа и высочайшей свободы личного «Я» — вот что тогда угадывалось в нем.

Позже, во время одного собрания в Берлине, мне в лицо был брошен упрек:

— У нас же есть Христос! Зачем нам Штайнер?

На это я возразил:

— Меня не удивило бы, если бы среди нас оказались люди, которые говорят себе: «Без Рудольфа Штайнера мы не обрели бы Христа».

И четверо или пятеро участников собрания с теплотой высказались в том же смысле.

Михаэль Бауэр рассказал мне также о своих попытках силою духа избавлять людей от болезней. Он достиг некоторых успехов, но отказался от этой деятельности, потому что люди попадали в психологическую зависимость от него. Новое зло казалось ему худшим, чем прежнее. Его описания этих опытов дышали чистотой и скромностью, человеческие слабости вызывали у него лишь улыбку истинной доброты. Кроме того, Михаэль Бауэр посвятил меня в свои впечатления, связанные с усопшими. Здравый смысл и спокойная живость ума, с которой он их описывал, заставили меня по-новому посмотреть на эту сферу. Для меня стало невозможным удобное отрицание или неприятие его опыта. Но самое главное заключалось в том, что в Михаэле Бауэре я

---

<sup>9</sup> Кристоф Иоганн Блумхардт — пастор, служивший духовником недалеко от Бад Боля, основавший ряд приютов, например, интернат в Эквельдене.

впервые как бы угадал Рудольфа Штайнера. Михаэль рассказал мне, что как-то раз ехал в одном купе со Штайнером и всю ночь делился с ним своими воспоминаниями об участии в кернингских экзерсисах, что сразу оценил его огромную компетенцию, что советы Штайнера освободили его от всех дурных побочных воздействий этих упражнений и вывели на дорогу здорового духовного развития. Так мы беседовали с ним о мирах, которые еще и сегодня остаются чуждыми большинству людей. Но миры эти настойчиво проникают в жизнь человечества, и со временем становятся все заметнее. У меня не было потребности сразу же «занять позицию» или взглянуть на сказанное с колокольни моих тогдашних познаний. Я просто сидел и слушал.

\*\*\*

Вот так, неожиданно, у меня в доме оказалась целая стопка теософской литературы, да еще книги американки Кэтрин Тингли<sup>10</sup> полученные от одного немецкого теософа, который по случайности тоже жил и проповедовал в Нюрнберге. Но я лишь заглянул в эти книги и со спокойной душой отложил их в сторону. Да если бы я воспринял всерьез их наивную, детскую духовность, Гегель и Фихте испепелили бы меня презрением. В теософских книгах мировой опыт духовных исканий был аккуратно распределен и уложен в старомодные шкатулки приятных чувств. Ни Анни Безант<sup>11</sup>, ни ее духовные родственники ничуть меня не тро-

---

<sup>10</sup> Кэтрин А. Тингли (1847-1929) — лидер американского теософского движения. В 1897 г. стала руководителем самостоятельного и независимого Теософского общества в Америке. Данное Общество существует и поныне под названием «Theosophical Society International (TSI)».

<sup>11</sup> Анни Безант (1847-1933) — писательница и общественный деятель, лидер теософского движения, с 1907 г. — президент Теософского общества.

нули. Здесь дух преподносился в смеси со старыми традициями и субъективными эмоциями. Над этими сочинениями висело облако какого-то нездорового, произвольного, жадного желания счастья.

Единственный, кто меня заинтересовал, был Рудольф Штайнер. Но в самом деле, разве он не был похож на романтика, свалившегося с Луны? Как можно утверждать такие неслыханные вещи? Как можно снова и снова провозглашать что-то новое? Как можно с видом бесстрастного регистратора выдвигать такие невероятные предположения? Тогда я еще не имел понятия о том, что Рудольф Штайнер, прежде чем выступить перед людьми в качестве исследователя духа, зарекомендовал себя как автор философских трудов исторического и фундаментального характера, что он прекрасно ориентировался в сфере естественнонаучных исследований. Но я сразу почувствовал, что этого человека нужно принимать всерьез. Интеллектуальная интонация его высказываний не вызвала у меня стыда перед Гегелем и Фихте.

Мне с самого начала был предоставлен доступ к докладам для узкого круга слушателей, так называемым циклам. И я первым делом занялся теми сочинениями, которые заинтриговали меня как теолога. Я исписал не один лист бумаги, помечая в них те места, где толкование Библии, предложенное Рудольфом Штайнером, казалось мне совершенно невозможным. Чувствуя свою беспомощность перед подобным «исследованием духа», я искал точку, где неопровержимо мог бы сказать: «Вот это — явная ошибка! И значит, все остальное тоже попадает под подозрение!» И что же? Нашел ли хоть один теолог такую ошибку? Я не нашел ни одной. Правда, некоторые выкладки остались для меня недоступными, даже казались невероятными. Больше всего меня поразила и даже раздражила странность, необычность, экзотичность многих утверждений. Но я не поддавался этому впечатлению, а продолжал непредвзято размышлять дальше, и тогда всплывали новые возможности истолкования трудных мест.

Во всяком случае, я должен был зачесть в пользу оратора круг слушателей, перед которыми он тогда выступал, и пробелы в конспекте лекций. Так ведь это было проще простого. И очень многие мои попытки кончились тем, что я вынужден был сказать себе: «Может быть, он и в самом деле прав!» И вот, наряду с несколькими темными местами, которые уже не слишком пугали, выстроились потрясающие новые озарения в такой полноте, что пришлось напомнить себе об осторожности и скромности. Но это ничуть не утолило моей любознательности. Прежде всего, меня как теолога заинтересовала неслыханная самостоятельность, с которой автор рассматривал Библию. Передо мной встал выбор: либо этот человек не имеет ни малейшего понятия о том, как смотрим на Библию мы, теологи, либо он постигает нечто совершенно новое! (Позже я не раз приходил к Рудольфу Штайнеру со списком уязвимых, на мой взгляд, толкований Библии. Но во время наших разговоров список так и оставался лежать в моем кармане. Куда более важным представлялось мне то, о чем я мог его спросить, что узнать. И как бы походя убеждался, что его толкования все же имеют весьма веские обоснования.) Дух Рудольфа Штайнера сказал мне: «Гляди, вот что к тебе взывает! Попробуй вжиться в этот свет по доброй воле! Если ты больше поймешь о целом, для тебя прояснится многое, что теперь вызывает твои жалобы! А если нет, разве это так уж важно? Разве не может новая духовность прийти иначе, чем путем жесткого столкновения с привычным и традиционным? К чему цепляться за спорные места в тексте Библии? Чтобы покончить с целым? Не стоит ли сначала постичь это целое, исходя из опыта своей собственной жизни и сущности?»

На моем письменном столе в то время лежала книга «Очерк тайноведения»<sup>12</sup>. Она и сейчас там лежит. Она приводила меня в

---

<sup>12</sup> «Очерк тайноведения» (ПСС. Т. 13,1909) — одна из основополагающих книг Рудольфа Штайнера.

уныние, потому что я не мог сквозь нее прорваться. Стоило немного полистать эту книгу, как у меня начиналась тошнота. Все эти «познания» застревали в моем желудке, как непереверенная пища. Так что поглощать ее приходилось с осторожностью, каждый раз всего несколько страниц, иначе мне становилось худо. Тогда я еще не нашел подходящего способа воспринимать подобные сочинения. Сегодня я знаю, что люди должны применить совсем новый способ чтения, чтобы такие труды сказали им, что они такое. На мой взгляд, незнание этого способа препятствует старшему поколению хотя бы приблизиться к Рудольфу Штайнеру. Нужно уметь читать свободно, со значительно большей непосредственностью, чем прочие сочинения, чтобы ничего опрометчиво не принять и ничего опрометчиво не отвергнуть. Нужно уметь с величайшим душевным спокойствием отстранять некоторые вещи и ждать, не тревожась о том, что ваши привычные представления начинают колебаться. Нужно уметь читать активно, непрерывно сопоставляя прочитанное с жизнью, а жизнь с прочитанным. Нужно снова и снова устраивать продолжительные перерывы, как бы вбирая в себя текст и спокойно, непредвзято и свободно вслушиваясь в собственный интеллект и собственную жизнь. Если вы этого не делаете, значит, вы предоставляете будущим поколениям открывать дух и жизнь этих книг. Сколько раз меня заставляла врасплох все та же мысль: «Какое мне дело до этих нечестивых сатурналий? А вдруг это дьявольское наваждение, которое отвлекает человека от его срочных насущных дел? Затягивает в омут вопросов, из которых он никогда не выберется?» Все будущие возражения и контраргументы моих коллег, господ теологов, я приводил себе сам в этот первый год. И моя единственная заслуга состоит в том, что я на них не остановился. Что-то во мне говорило: «Если ты сейчас отступишь, значит, ты нечестен по отношению к Неизвестному. Ты должен прежде всего спросить: „А что истинно?“ Ты не имеешь права быстро решать, какой истины ты взыскуешь, какую истину считаешь полез-

ной для мира! Научись не бросать твои насущные дела и все же медленно осваивать некий новый мир! Имей терпение дождаться, чтобы все это развилось в тебе духовно и психологически!» Я не сразу понял, что погружение в давно прошедшие стадии развития мира может усилить духовную свободу человека, его умение справляться с рутинными, будничными насущными проблемами. Благодаря этому он ощущает свое становление и учится сознательно постигать свою причастность к человечеству. Но в тот момент я мог сказать себе только одно: «Что ж, через триста лет люди будут смотреть на мир совершенно иначе, чем теперь; и если эта странная теософия обратит твое внимание на предрассудки современности, которых ты не замечаешь, то она сослужит тебе хорошую службу. Она предлагает тебе совершенно иную картину мира. Вот и попробуй искренне поддаться ее воздействию». Таково было единственное решение, которое я мог принять.

Вскоре мне стало ясно, что я не могу прочесть доклад о религиозных течениях современности, ради которого я занялся теософией. Или я должен встать и открыто заявить: «Вот нечто, чего мы еще не понимаем!» Ибо если это нечто содержит истину, тогда весь ландшафт современной духовности будет иным. Вот так я дошел до важнейшего поворотного пункта. По мере того как я вчитывался в сочинения Рудольфа Штайнера, я все чаще говорил себе: «Если этот человек прав, тогда ты со всеми твоими знаниями — малое дитя. Тогда можешь еще раз начать все сначала! Но ты никогда не достигнешь возможности все это проверить обещанными органами высших чувств! Значит, если ты вступишь все это в себя, ты навсегда останешься учеником! Тебе придется заново построить весь твой интеллект в тот самый момент, когда ты считал себя учителем людей. А ведь они тебе верили, ты был им нужен! А в этом новом знании ты никоим образом многого не достигнешь!»

Тот, кому по личному опыту знаком этот довод, услышит его и у других. Пишет, например, ученый человек книгу, где доказывает, что вся эта новая премудрость не нужна человечеству, что она всегда содержалась в религии, «но человечество не всегда хочет принимать религию всерьез». Другой ученый полагает, что всему новому можно найти давно известные исторические аналогии. Третий заявляет, что со времен Канта о «вещи в себе» нельзя узнать ничего, что все новые познания не столь важны и только ведут нас «мимо Бога» и т.п. Тот, кто имеет более тонкий слух, часто слышит в этом голос малого дитяти. Ведь дитя сердится, когда ему не разрешают проверять что-то новое; столкнувшись с чем-то новым, дитя притворяется самоуверенным, чтобы скрыть свою слабость. Точно так же ведут себя теологи. Как часто я слышал от них, что «антропософии не хватает истинного познания греха», «призыва к покаянию». И каждый раз мне хотелось спросить: а может быть, это вы не хотите приносить покаяние? Да и покаяние имеет много ипостасей. От «интеллектуального» века, от гордого своим интеллектом поколения следовало бы ожидать покаяния, честного и мужественного признания величия новых открытий и свою наивность, и незрелость. В этом и состоит испытание нашей духовности. Может быть, суд нашего времени! Где люди, которые скажут: «Все это для нас слишком ново, сначала мы должны все это переварить?!» И все-таки я нашел несколько человек, в том числе и среди университетских ученых, которые в частной беседе с глазу на глаз говорили:

— Я больше не могу возиться с этим делом. В нем можно увязнуть. И если копать глубоко, потребуются время и силы. Меня на это не хватит. Пусть уж им займется молодое поколение. А я не буду возражать априори.

Это был честный ответ, хотя и не тот, которого ждешь от радикальных исследователей истины.

Каждому, кто действительно хочет видеть Рудольфа Штайнера, можно самым серьезным образом посоветовать: пусть обра-

тит внимание на голос упрямого малого ребёнка и не позволит ему прятаться за ученостью или набожностью. Не будь этого голоса, книга «Как достичь познания высших миров?» нашла бы совсем другой прием. В ней Рудольф Штайнер ясно сказал, как он пришел к своим познаниям. Но эту книгу в принципе замалчивают. Никто не выступил и не заявил: «Я тоже испытал эти состояния. Но они — иллюзия, обман». Никто не выступил и не сказал: «Я тоже приобрел эти органы, но пришел с ними к другим результатам». Теологи благоразумно обходят решающий пункт. Или прибегают к издевке: «Ах, вы о книге „Как достичь познания высших миров?“» В свое время я сразу раздобыл ее, потому что как человек образованный интересовался в первую очередь методами исследования, с помощью которых получены столь выдающиеся результаты. Но увы! Поначалу мне все весьма понравилось. Моральные советы весьма трогательны. Ну а потом, когда пошли высшие органы, цветы лотоса: двулепестковые, шестнадцатилепестковые, десятилепестковые... В книге они так и кружатся. А у меня ничего не кружится, как ни старайся. Разве что в голове вертится какое-то мельничное колесо. И на душе остается великая безнадежность.

Я тоже сдал бы позиции, но жизнь подвела меня к новому взгляду, с другой стороны.

Вероятно, тут сыграла свою роль моя психологическая предрасположенность. Мне было чуть больше двадцати, когда я составил план своей жизни. Следующие двадцать лет я намеревался думать и писать о противниках и апостолах Иисуса и одновременно размышлять, и рассуждать о Его словах, а лет в сорок решил начать большую книгу об Иисусе. А потом пусть будет, что будет. Я надеялся, что это выяснится, когда я закончу книгу. Не будь этого юношеского замысла, вряд ли я в тридцать восемь лет стал бы готовиться к лекциям об Иисусе, которые собирался затем превратить в книгу. Но именно эта работа странным образом вдруг застопорилась, вернее, как-то странно повела себя в моем

подсознании. Я не признавался в этом самому себе, пока много позже не наступила ясность.

Ведя рутинную теологическую работу, я пытался постичь личность Иисуса, исходя из Его слов и деяний, но каждый раз наткнулся на некую непостижимую тайну. Каждый раз что-то во мне говорило: этот Иисус — не Иисус. Как ни соблюдай осторожность, как ни держи в узде критический дух, осмысливая то, что было сказано этим вождем человечества, ничего не получится, если оперировать образом мыслей и чувств современного человека. Тут загадка, которая вечно взирает на нас бездонными очами. И догмой делу не поможешь. И критикой тоже. Что, собственно, происходит с этим Иисусом? Неужто, будучи современным человеком, нельзя пробиться к реальности, которая... вот же она, перед нами? В чем следует изменить мышление и самореализацию, чтобы лучше понять ее? Перед тайного Христа вся научная теология современности обнаружила свое бессилие.

И в этом-то настроении, хотя все еще сохраняя изрядную долю скепсиса, я сказал Михаэлю Бауэру, с которым успел к тому времени подружиться:

— Зимой я читаю цикл лекций об Иисусе. Пригласите вашего главного теософского жреца, пусть он скажет то, что захочет сказать об Иисусе. А я вам обещаю, что выслушаю его совершенно непредвзято, как если бы мне предстояло начинать учебу с азов.

И действительно, в декабре 1911 года Рудольф Штайнер пришел на мою лекцию и после нее прочел свою. Она называлась «От Иисуса ко Христу». Некоторое время спустя, когда вышла в свет моя книга лекций об Иисусе, я послал ее Рудольфу Штайнеру. Меня интересовало его мнение. Образ Иисуса, сказал он, верен, и это радует. Но это образ Иисуса, и, в сущности, не образ Христа. Здесь еще многое не сказано. Было бы прекрасно, если бы вам удалось когда-нибудь очертить образ Христа.

Прошло еще много лет. И однажды, после критической лекции об образе Иисуса в современной теологии, прочитанной Рудольфом Штайнером в Берлине, я сказал ему:

— Вы столь критически судите об образе Иисуса у Вайнеля<sup>13</sup>. Разве мой образ Иисуса не подпадает под ту же критику?

— О нет, — ответил он. — Тут есть большое различие. Последователем Вайнеля является Артур Дрюс<sup>14</sup>. А в вашей книге намечаются переходы к антропософии.

Я упоминаю об этом ради исторической достоверности. В наши дни стало очевидным, что теология в стиле модерн действительно стояла на распутье: либо превратиться в выхолощенную, ненадежную историю и быстро и полностью утратить собственное христианство; либо найти новые методы исследования, более соответствующие реальностям высшего мира; либо откатиться назад в католицизм, что нынче и происходит.

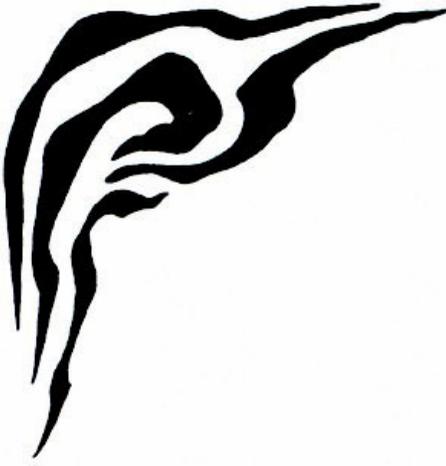
Моя судьбоносная встреча с Рудольфом Штайнером происходила, как видите, на величественном духовно-историческом фоне.

---

<sup>13</sup> Генрих Вайнель — профессор теологии Йенского университета.

<sup>14</sup> Артур Дрюс — немецкий философ, автор трудов «Христос — миф» (1910), «Легенда о святом Петре» (1924), «Возникновение христианства из гностицизма». Этот философ был самым крупным в Германии выразителем идеи о том, что Христос является мифом, что Евангелие сделало историческим существовавшего ранее мистического Иисуса, характер которого был перенят от пророков и из литературы еврейской мудрости.





Я впервые увидел Рудольфа Штайнера 28 августа 1911 года (день рождения Гёте). Я спланировал одну небольшую поездку таким образом, чтобы в воскресенье принять участие в летнем собрании теософов в Мюнхене. К тому моменту я уже полгода в свободное время читал исключительно сочинения Штайнера. Но был еще весьма далек от того, чтобы связаться с Антропософским обществом. Тем не менее мне была предоставлена возможность без всяких обязательств участвовать во всех его мероприятиях.

Войдя в зал заседаний, я был поражен царившей там атмосферой. Большинство присутствующих показались мне довольно странными типами. Особенно один субъект, излучавший какую-то мягкую эпикурейскую духовность. При виде всех этих длинноволосых мужей мне захотелось убежать прочь. Правда, позже, когда Рудольф Штайнер стал привлекать к себе все больше научно мыслящих людей, с его слушателей слетела теософская шелуха, и антураж собраний значительно улучшился. А в те ранние годы ему, видимо, многое доставляло страдания. Однако он принципиально не обращал внимания на внешность своих адеп-

тов, уважая персональную свободу каждой личности и пытаюсь постепенно воздействовать на людей изнутри.

Если же отвлечься от экзотической внешности участников заседания, то благоговейная торжественность обстановки вызывала невольную симпатию. Здесь происходил праздник. Эти мужчины и женщины радовались тому, что среди них находится человек, которого они воспринимали как исключительного, из ряда вон выходящего, вызывающего глубокое почтение собрата, как вождя человечества. Я чувствовал себя вонне происходящего, и кое-что мне претило. И в то же время мне импонировало это сильное и неподдельное восприятие личности как события мирового масштаба. Когда среди людей находится великий гений, это делает честь человечеству, придает ему некий аристократизм. Нужно пережить нечто подобное, чтобы знать, как мощно один человек может воздействовать на других одним своим присутствием. Особенно ярко это проявлялось в художественных представлениях. Участники демонстрировали свое искусство не для прессы и не для публики, но для одного человека высшего порядка, который видел их насквозь. И потому они, отрешившись от всякого тщеславия, священнодействовали перед явленным Божественным миром. Во мне забрезжило неведомое прежде предощущение искусства как искусства.

А тем временем Штайнер обратился к слушателям с короткой речью. Не могу сказать, что она произвела на меня какое-то особое впечатление. Наверное, мой слух был еще закрыт для тех значительных вещей, о которых он говорил. Мне еще предстояло преодолеть много внешних препон. Обстоятельность и велеречивость его пассажира объяснялась, как я позже узнал в одной из бесед, учетом возможностей его слушателей.

Я сидел в дальнем конце зала, полный решимости ни при каких обстоятельствах не поддаваться массовому внушению, и снова и снова спрашивал себя: за кого бы ты принял этого человека, если бы встретил его на улице? Вероятнее всего, за католическо-

го священника, говорил я себе. Но в таком случае я увидел бы не лицо, а только черную сутану, вызывающую у меня как у протестантского пастора особую неприязнь. Я радовался, что под защитой своей полной отстраненности могу без помех проверить правильность своего суждения. Интересно, размышлял я, обнаружатся ли у этого, столь почитаемого проповедника человеческие слабости, бросающие тень на содержание и смысл его проповеди? У меня был наметанный глаз на это дело, поскольку я долго жил среди знаменитых проповедников и много от них претерпел. Со всей уверенностью берусь утверждать, что те, кто упрекал Рудольфа Штайнера в таких распространенных слабостях, как тщеславие или погоня за эффектами, глубоко заблуждались. Они судили по первому впечатлению, мимолетному и недостоверному, и, оказавшись в действительной близости к его личности, теряли почву под ногами. Если существует прямая противоположность честолюбию, то это был Рудольф Штайнер. А что касается погони за дешевыми эффектами, то для них он был не только слишком совестлив, честен и порядочен, но просто слишком умен.

Итак, первое впечатление оставляло открытыми все возможности. После лекции я не без улыбки наблюдал, как лектора окружили восторженные почитатели. Он опасался сделать шаг, чтобы не наступить на ногу кому-нибудь из них. В более поздние годы люди лучше поняли, чем они ему обязаны, и сдерживали свои неуместные восторги.

Но в тот, первый, раз я сам решительно встал у него на пути. Мне было страшно интересно, что из этого выйдет. По знаку моего друга Михаэля Бауэра я поблагодарил за приглашение и попросил разрешения прийти еще раз в тот же день, вечером. Рудольф Штайнер только мельком взглянул на меня и потупил взгляд. Мне показалось, что это был его способ мысленно «фотографировать» собеседника. Он как бы делал моментальный снимок духовной сущности человека. Потом он сухо произнес: «Раз уж вы были здесь сегодня утром, можете приходить и сегодня

вечером». И двинулся дальше. Таким был мой первый разговор с ним.

Вечером, наряду с несколькими другими докладами, была прочитана лекция памяти Гёте. Гёте, каким он явился в лекции Штайнера, Гёте не поэт, но человек и мыслитель вселенского масштаба стал для меня открытием. На мой взгляд, самостоятельность, уверенность и суверенность в оценке личности Гёте придавали высокий духовный ранг личности Рудольфа Штайнера, внушали доверие к его адекватности запросам времени. Подобно Гёте, он учил смотреть на природу взором, охватывающим весь мир.

Когда знакомые мне теологи брались рассуждать о Гёте, они вытаскивали из всех углов его религиозные высказывания. А если уж кокетничали с естественными науками, то спешили «указать им границы», а своего Бога поставить в такой угол, куда не мог проникнуть свет научного исследования.

Совершенно иначе вел себя Рудольф Штайнер. Он позволил Гёте оставаться Гёте. А сам взглянул на мир глазами Гёте. А затем позволил еще большей силе влиться в эти глаза, и за миром Гёте явился еще более богатый духовный мир. И мир этот был таков, что в нем могли обитать все боги человечества, но прежде всего Бог христиан. Воистину, здесь в сферах познания царил королевский дух, правил бал интеллект, дальновидный и свободный. Рудольф Штайнер побудил естествознание расцвести таким пышным цветом, что в нем по-новому задышала и религия. Ничего похожего на мертвящее знаточество традиционной теологии. Я возвращался домой, унося с лекции счастливое предчувствие, догадку о том, что полное религиозное величие может сочетаться с самым ясным мышлением и самым свободным исследованием.





Через три месяца я отправился в Нюрнберг на лекцию Штайнера «От Иисуса ко Христу». Больше того, я уговорил моих друзей, в том числе нескольких практикующих врачей, поехать со мной. «Давайте, — предложил я, — непредвзято послушаем, не скажет ли этот человек о Христе больше того, что и сам я мог бы сказать». Лекция нас разочаровала. Резкое мое неприятие вызвали даже чисто внешние атрибуты: шуба, в которой явился Штайнер; пенсне, через которое он взирал на присутствующих; броский черный бант на шее. А я-то еще успел сказать сидевшему рядом приятелю: «Еще раз посмотрите внимательней на этого мужчину; если есть среди наших современников сверхчеловек, то это он!» Потом, после лекции, я горько подумал: «Теперь я знаю, что и этот человек не может сказать о Христе ничего удовлетворительного! Прощай, надежда на поощрение моих религиозных исканий! Никто не поддержит исследований в столь важной для меня области». Особенно оскорбительным показался мне трезвый подход к описанию физических страданий Христа: процесс выделения соли, процесс сгорания... Я еще не умел одухотворять слова Штайнера и слишком буквально воспринимал их в ключе поверхностного естествознания. Четыре года спустя, на такой же

лекции, я испытал те же чувства, хоть и не выразил их вслух. Рудольф Штайнер собственной персоной подошел ко мне после лекции и сказал:

— Я намеренно говорю об этих вещах и отдаю себе в этом полный отчет. Говори я иначе, это не зацепило бы так сильно человеческие сердца. Пусть все сказанное созревает в них лет этак пятьдесят. И тогда оно проявится в их чувствах и поступках.

И только одно впечатление от лекции в Нюрнберге было сильным и позитивным: необычайная одухотворенность мимики Рудольфа Штайнера. Его лицо стремительно изменялось, словно он каждый раз моделировал его заново. Оно казалось то юным, то морщинистым и старым, то сильным и мужественным, то женственно нежным, то сухим и трезвым, как физиономия школьного учителя, то восторженным и раскованным, как лик Диониса. Я с растущим интересом наблюдал за чередой этих изменений. Прежде мне не приходилось видеть ничего подобного. Его мимика была раз в десять подвижнее, чем у других слышанных мною ораторов. Означало ли это огромное превосходство духа над плотью? Огромную полноту духовной жизни? После лекции я попросил Рудольфа Штайнера еще об одной встрече.

И вот, когда личная встреча с Рудольфом Штайнером стала реальной перспективой, я сказал моему другу Михаэлю Бауэру:

— Как-то муторно у меня на душе. А вдруг этот человек и впрямь видит ауру?

Михаэль Бауэр только улыбнулся в ответ, мягко и удовлетворенно:

— Бог его знает.

Тут во мне зыграло ретивое.

— А мне все едино, что он там видит. Пусть смотрит на что хочет.

Подходя к отелю «Максимилиан», где тогда жил Штайнер, я еще успел подумать: «Что ж. Сегодня у тебя вон какая большая община, а у этого человека маленькая. Если он прав, то через

двадцать лет большая община будет у него, а у тебя — маленькая; но он претендует на встречи с людьми, которые спросят не об этом».

На верхнем этаже в приоткрытых дверях стоял Рудольф Штайнер, только что проводивший другого посетителя, и очень внимательно наблюдал, как я поднимаюсь по лестнице. Я никогда не встречал никого, кто умел бы наблюдать так, как он. Казалось, что он, замерев и сосредоточившись, заставляет другого как бы заново сотворить, пересоздать себя. Как будто в его душе имелся некий тонкий элемент, который он с этой целью вручал наблюдаемому субъекту. Это не было раздумьем, но скорее мысленным духовным фотографированием, в процессе которого проявлялось все становление наблюдаемого. Лишь много позже, когда Рудольф Штайнер сказал, что по походке можно многое узнать о характере человека в его предыдущих воплощениях, я получил объяснение этому следящему взгляду.

Мое первое обращение к Штайнеру было для него не слишком лестным.

— Меня мало интересуют ваши оккультные познания, — сказал я. — Я имею собственный опыт по части религии, и тут передо мной стоят бесконечные задачи. А в оккультной сфере я бездарен и вообще опасаясь за свои нервы. Но я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно дальнейшего развития человечества.

Рудольф Штайнер терпеливо слушал и вроде бы совсем спокойно наблюдал. В маленьком гостиничном номере, где было тесно даже чемодану, он сидел напротив меня, и яркий свет мешал мне следить за выражением его лица. Он сидел совершенно неподвижно, положив ногу на ногу, и только по движениям лежавшей сверху ноги можно было понять, что он меня слушает.

— Ваши познания мне непонятны, — продолжал я. — Вы всегда говорите, что они должны быть доступны человеческому разумению. Отсюда я делаю вывод, что они доступны именно вам.

Но если вам они доступны, а другим нет, то возможно, что они пришли из самого мышления, возникли подсознательно, и вам только кажется, что они обнаружены путем ясновидения.

Рудольф Штайнер возразил решительно, но без всякого раздражения:

— Могу лишь сказать, что путем простого размышления я никогда не пришел бы к тому опыту, который мне дано было пережить. Напротив, то, что я пережил, противоречило тому, что я думал. И только позже опыт подтвердил мышлению свою истинность.

Однако и это признание ничего мне не прояснило. Что, если этот человек подсознательно носит в себе двойное мышление? Одно мыслит, что оно действует, а другое действительно мыслит. Даже сейчас я считаю, что этот самый первый аргумент против Штайнера умнее и остроумнее, чем большинство доводов, выдвигаемых его противниками. Замечательно то, что Рудольф Штайнер совсем не принимал его всерьез. Он знал, что битва ведется на другой территории. Мы заговорили о переселении душ. Я сказал, что верю в загробную жизнь. Но для меня весьма сомнительно, что эту жизнь человек получит на земле. Во всяком случае, в Библии я не нашел ничего подобного.

— Нет, — сказал Штайнер. — Христианство не учит о переселении душ. Это факт, который подлежит и поддается оккультному исследованию. Приходится с этим мириться.

Снова тот же самый пренебрежительный отпор. Но вдруг он оживился:

— С чего вы взяли, что бездарны в оккультных делах? Я еще прежде хотел сказать, что здесь вы ошибаетесь. У вас хорошие способности.

И немедленно дал мне четыре совета для оккультных упражнений. Таким был его ответ на мой вопрос о дальнейшем развитии человечества. Советы показались мне довольно странными.

— Вам это чуждо, — заметил он. — Но так будет правильно.

Снова оказавшись на улице, я спросил себя: «Чего, в сущности, хочет этот человек? Неужели он пытается сделать тебя своим приверженцем?» Я прокрутил все в памяти и вынужден был сказать себе: «Нет, ничуть. А как же упражнения? Неужели ты хочешь с их помощью вступить в некий непроницаемый мир? А не попадешь ли ты в зависимость от другого лица? Быть может, это внушение? Магия? А вдруг это и есть опаснейшая попытка привлечь тебя в свою свиту?»

Я не приступал к упражнениям целый месяц. Потом чувство долга пересилило. Я сказал себе: «Ты никогда не сможешь судить об этих вещах, если их не узнаешь. А человечество, именно человечество, а не твой личный интерес сегодня требует от тебя не проходить мимо. Разве не ты хотел накопить собственный опыт, чтобы судить о дальнейшем развитии человечества? И разве не Рудольф Штайнер сразу увидел, что тебя можно убедить только на твоём личном опыте? Ведь ты уже достаточно взрослый человек, можешь чувствовать себя уверенно, если шагаешь осторожно. Во всяком случае, ты не позволишь себе действовать наобум. Никаких упражнений, пока не обнаружишь и не уловишь их смысла и жизненной необходимости. Сначала ты проникнешь в их суть собственным разумением. Будешь усваивать все на свой манер. Будешь снова и снова проверять себя и решать: действуешь ли ты из корыстных убеждений или самозабвенно стремишься идти по новому пути. Будь готов остановиться в любой момент, если дело окажется этически сомнительным или даже только духовно непрозрачным. Если поступишь так, ничего дурного с тобой не случится. И тогда ты сможешь поверить, что твоя жизнь ведет к добру».

В таком расположении духа я приступил к упражнениям и при следующей встрече сказал д-ру Штайнеру, что об ином подходе не может быть и речи. Я сказал ему, что лично я никогда не медитировал над его словами так, как говорил он, а только так, как они открывались мне с его подачи. Он вполне одобрил такой

метод и даже помог мне разработать его. Он продолжил ход моих мыслей, доведя их до вполне удовлетворительного, с моей точки зрения, завершения. И только постепенно я понял, что мои защитные меры были перестраховкой и мой собственный опыт приводил меня к формулировкам Рудольфа Штайнера как наиболее правильным.

Об упражнениях распространены самые ложные и вредные представления. Поэтому я остановлюсь на них немного подробнее<sup>15</sup>. Не нужно думать, что путем таких упражнений можно быстро подняться до высших уровней познания. В большинстве случаев так не бывает. Скорее, эти упражнения оказывают свое действие в областях, где этого сначала совсем не ожидают. Я, например, почувствовал себя намного здоровее физически. Упражнения действуют на меня как лечебная ванна или освежающая утренняя зарядка. Только более осмысленная и бодрящая. Весь организм как бы раскрепощается и ощущает гармонию. Утраченные инстинкты физического самосохранения возвращаются. Исчезают неврастенические явления. Я на собственном опыте убедился, что к истинному избавлению от неврастении приводит не расслабление, не смена впечатлений, не перемена мест, но здоровое усиление духовной активности, противопоставленное разрушающей, разлагающей, изматывающей внешней жизни. Упражнения усиливают и умственную деятельность.

---

<sup>15</sup> Не хотелось бы вдаваться в дальнейшие подробности, но сделать это необходимо, так как противники Штайнера распространяют клевету, будто упражнения приносят вред здоровью и будто я — тому пример. В действительности все обстоит как раз наоборот. Благодаря духовным упражнениям мой организм, слишком возбудимый с юности, впервые обрел подлинную радость жизни и благотворное ощущение здоровья. Это правда. Если позже мое здоровье еще раз пошатнулось, то виноват был в этом не Штайнер, а падение в горах. Полученная мною черепно-мозговая травма надолго затруднила духовные упражнения. Но сами упражнения никогда мне не вредили, они, напротив, послужили выздоровлению. Заявляю об этом публично, ибо этого требует мой долг благодарности Рудольфу Штайнеру. — примеч. автора.

Сначала я научился фиксировать моменты отвлечения, невольной мечтательности и сонливости. А спустя несколько месяцев стал уже вдвое быстрее, чем раньше, выполнять умственную работу. Другим эффектом упражнений было то, что я научился совершенно иначе, чем прежде, видеть и любить цветы и вообще все растения, тоньше наблюдать людей. Я еще не достиг высших знаний, разве что мимолетных их предчувствий, но со спокойной уверенностью продвигался по пути к духу. Никаких телесных повреждений я себе никогда не причинял, хотя я выполнял все упражнения в полную силу. То же самое говорят все, кто получил упражнения от Рудольфа Штайнера. А те, кого противники Штайнера используют в качестве контраргумента, при ближайшем рассмотрении оказываются ненадежными свидетелями. При этом следует особо подчеркнуть, что ни один из них не получал от Рудольфа Штайнера упражнений для развития высших органов познания. Такие упражнения Рудольф Штайнер давал очень и очень немногим людям. Все прочие получали духовно-моральные упражнения общего характера, афоризмы для медитаций и цитаты из Библии. Каждый, кому они известны, должен сказать себе, что они вообще не могут причинить физического вреда.

Никто не стал бы запрещать гимнастику из-за того, что некоторые гимнасты в особых обстоятельствах получают травмы. Так что если иметь в виду это сравнение, то сначала следует вспомнить, как блистательно Рудольф Штайнер проявил себя в качестве духовного воспитателя. Его советы отличались особой осторожностью и добросовестностью. В эти моменты он бывал максимально сосредоточенным и бдительным. Я часто видел его таким. Добросовестность его не имела себе равных. Все, что он предлагал, было глубоко продумано. Каждое слово, каждая интонация взвешивались с учетом тончайших духовных состояний собеседника. И выражалась эта осторожность в непосредственной человечности и доброте.

Вы можете проникнуться доверием к врачу, видя его у постели больного. И точно так же люди проникались глубоким доверием к Рудольфу Штайнеру, наблюдая, как он рекомендует свои упражнения. (Я наблюдал за этим как нельзя более пристально.)

Я беседовал с сотней людей, побывавших на приеме у Штайнера. Снова и снова приходится удивляться, сколько человеческих жизней прошло через его душу, какое участие проявлял он к ним, как уверенно и проницательно руководил ими.

Иногда меня просто изумляли рассказы людей о том, что именно посоветовал им Рудольф Штайнер, как молниеносно озарял его совет самую суть человека. Никто и никогда, даже в самой доверительной беседе, не говорил о каком-либо вреде, причиненном советами Штайнера. Все, кто последовал его советам, отзывались о нем с чувством величайшей благодарности. Они получили важнейший жизненный стимул, надежные указания пути наверх, самые глубокие душевные радости, озаряющие опыты постижения духа. Все без исключения ощущали, что надежным путем движутся к духу.

Наступила та историческая эпоха, когда человеку придется все больше заниматься своим духовным воспитанием. Оно подвергнется сверхмощному давлению извне, если не научится укреплять себя в духе. Медитация — историческое противоядие неумолимо надвигающейся неврастении. И новый культ духа и интеллекта — это сильная и целительная медитация. Человечество просто погибнет, если не научится вбирать в себя энергии, которые со временем могут влиться в него путем медитаций, то есть путем обитания во внутреннем бытии, путем опоры на духовную силу. Но эта помощь, ее стиль и масштаб, является чем-то новым, и против нее выступает старая духовность, слишком инертная или слишком трусливая, чтобы идти новыми путями. Она не отпускает человека на свободу, но тянет его назад, в Средневековье. В ней, как туча, скапливается мрачная враждебность, ядовитая ненависть, мешающая людям увидеть и воспри-

нять новое мировоззрение. А люди? Разве не сами они повинны в том, что не доверяют опытным свидетельствам тех, кто идет по новому пути, а больше верят дьявольским наветам и клевете их противников.

\*\*\*

Прошло месяцев девять, прежде чем я снова увидел Рудольфа Штайнера. Тогда меня устраивала возможность продолжать мои занятия, сохраняя свободу. Упражнения по Штайнеру приблизили меня к новому миру даже больше, чем чтение антропологических трудов. Хотя я и открыл для себя царство целительной духовности, где прежде не мог удержаться лишь к моему собственному вреду; хотя я и признал, что упражнения способствуют здоровому развитию человека и человечества, я все же испытывал необоснованный страх перед «оккультизмом». Даже если впечатления, вынесенные из духовного мира, были поначалу весьма примитивными, в них, против ожидания, не было ничего жуткого и опасного для нервной системы. Напротив, они несли свет, в котором исчезал всякий страх. Мои прежние представления о Штайнере оказались неадекватными. Зато его описания моего потенциала часто находили подтверждения совсем с другой стороны. Например, я не мог ничего себе внушить. Были упражнения, которые я пытался выполнять ежедневно, в течение долгих лет, но так и не сумел выполнить. Об этом, разумеется, невозможно рассказать во всех подробностях. Но подозрение о внушении и самовнушении, которое я, сколько мог, сохранял в себе, постепенно ушло, рассеялось, уступив место чувству безопасности и самостоятельности. Я все больше доверял медитативным упражнениям, потому что они неожиданным образом помогли мне в деле всей моей жизни — в религии. Религиозные впечатления стали чище, глубже, сильнее. За одно это я был глубоко признателен Рудольфу Штайнеру. А люди, которых я

окормлял по долгу пастыря, непосредственно воспринимали благодать, даже если не знали, откуда она исходила.

Я снова посетил Рудольфа Штайнера в Мюнхене в августе 1912 года. Он как раз проводил какое-то торжественное теософское мероприятие. Через два дня после окончания торжества, вечером, в восемь часов, мы все еще сидели в комнате ожидания, где царил атмосфера взаимоуважения и симпатии. Нас было человек десять, желавших поговорить с мэтром и ожидающих приема с полуночи. Мне рассказали, что мэтр целый день был занят общением с людьми, а ночью писал сценарии своих мистерий; рано утром он относил их в типографию, после чего сразу же начинались репетиции представления. Но Рудольф Штайнер был свеж и оживлен — ни тени усталости. Он мог обходиться без сна в течение нескольких суток, позволяя себе лишь один час отдыха. Это невероятный, но неоспоримый факт, который приходится принимать к сведению. Не учитывая этой способности, нельзя понять, как он успел совершить все то, что совершил в своей жизни. Но и этот факт нельзя объяснить, исходя из современного представления о духовности. Позже, в 1919 году, я терзался желанием хоть немного разъяснить эту загадку. И вполне поделовому стал допытываться у него, нет ли средства сократить сон и таким образом продлить рабочее время суток. Рудольф Штайнер сразу же уловил суть вопроса и точно так же, поделовому, пользуясь безличными оборотами (он всегда прибегал к ним в аналогичных ситуациях) рассказал, что именно для этого следует делать. Он был уверен, что я не употреблю во зло его информацию и не причиню вреда самому себе. Он высказался в том смысле, что бывает такая концентрация духа, такая степень сосредоточенности, которая заменяет сон и снижает потребность в отдыхе до одной восьмой части обычного времени.

— Но нельзя делать это всегда, — сказал он. — В перерывах нужно хорошо спать.

Значит, средство есть, сообразил я. Худо только то, что его не умеют применять. Я тоже никогда не умел его применять, разве что в течение нескольких секунд. Штайнер говорил об этих вещах безмятежно, деловым тоном, без тени рисовки или гордости. Никто не мог выманить у него его тайну, если сам он не желал ее открывать. Сообщая подобный жизненный факт, он каждый раз сильнейшим образом укреплял свое учение и открывал человечеству великолепные перспективы будущего.

— Пусть вас не смущают ожидающие приема люди, — сказал он, приглашая меня войти без очереди. — Мы спокойно обсудим все, что должны обсудить.

Мои вопросы снова касались прежде всего высшего развития человеческого рода. И все, что я рассказывал и спрашивал, встречало компетентную оценку эксперта. Казалось, он заранее знал все, что я скажу. А ведь я, беседуя с другими людьми, даже очень значительными, всегда утаивал многие события и переживания, привычно не надеясь найти понимание. Здесь же я мог касаться любых, самых интимных и деликатных, вещей. Все, что он отвечал, говорило об истинной человечности. Его несомненное интеллектуальное и духовное превосходство внушало мне полное доверие. Но при всем своем благоговении я мог, ничуть не стесняясь, как бы между прочим спросить:

— Так что же, теперь вы все время разглядываете мою ауру?

В течение многих лет я поддавался желанию ставить Штайнеру подобные вопросы. Они вырывались сами собой и потому давали возможность наблюдать этого человека в его тончайших проявлениях. Похоже, Рудольфу Штайнеру это нравилось, а иногда он посмеивался над этой моей манерой. И в тот раз он едва заметно улыбнулся в ответ.

— Для наблюдения за аурой нужно заранее настроиться, — произнес он благодушно. — Но в вашем случае это нетрудно.

И я прекратил расспросы, чтобы не нарваться на отпор. А три года спустя все-таки еще раз спросил об ауре. К тому времени я

успел познакомиться со многими ясновидящими, которые детально описали мне мою ауру. Сообщения двоих совпадали, но третий сообщил нечто совсем иное. Вот я и задал Рудольфу Штайнеру очередной вопрос, не сказав ничего о прочих знатоках предмета. Его ответ совпал с двумя аналогичными ответами. Когда же я рассказал ему о третьем ясновидящем, он пояснил:

— Вероятно, ваш третий респондент видел дополнительные цвета. Они иногда проникают в человека, а он и не осознает этого.

Так оно и было. Во втором случае результаты повторились: снова описания двух первых респондентов совпали с описаниями Штайнера, а третий сказал нечто противоположное.

В сборнике «Религия в истории и современности» была напечатана моя статья о деяниях Христа. Я тогда же послал ее Штайнеру. И вот теперь спросил, что в ней он считает ложным.

— Нет в ней ничего ложного. Вот взгляните.

Он с явным удовольствием вынул из стопки лист чистой бумаги и нарисовал на нем кружок:

— Это вы.

Потом старательно, с любовью нарисовал рядом еще один кружок:

— Вот это — Эрнст Геккель.

Затем на листе появился третий круг, и два маленьких оказались внутри большого.

— А вот теософия.

С тем же успехом он мог бы сказать: «А вот это — я». Я воспринял его наглядный урок без всякого юмора, ведь он понятно объяснил, чего не хватает моей статье и в чем заключается его превосходство. Но говорил он так искренне и так убедительно, так непредвзято и доходчиво, что только круглый дурак не порадовался бы этому объяснению.

\*\*\*

Когда я спустя несколько месяцев увидел Рудольфа Штайнера в Нюрнберге, я придумал нечто особенное. За время с момента предыдущей встречи я (благодаря упражнениям) все отчетливее замечал, что такая вещь, как эфирное тело, действительно существует. Оно имеет свои собственные жизненные центры, не совпадающие с телесными органами. Вероятно, они должны отличаться намного более духовными свойствами. Эфирное тело обладает своими собственными жизненными токами, и человек в определенной степени может ими овладеть. Человек может научиться воспринимать свое собственное эфирное тело. И тогда он заметит, где он сформирован хорошо, а где недоразвит. И вот теперь меня очень интересовало, видит ли Штайнер в другом человеке то же, что этот другой может узнать о себе сам. Судя по его сочинениям, Штайнер непременно должен был это уметь. А что, если он попадал в десятку не потому, что непосредственно воспринимал эфирное тело сидящего перед ним человека, а потому, что каким-то образом читал его мысли, извлекая их из его сознания?

Дома, пытаясь подстраховаться, я дотошно записывал свои ощущения и их оценки. Я зафиксировал, что именно, по моему мнению, было хорошо, а что оставляло желать лучшего. А потом выбросил из головы все мысли на этот счет. Вот теперь я и спросил Штайнера, как обстоят дела с моим эфирным телом (а сам в это время судорожно думал о других вещах). И чуть не вздрогнул от страха, когда он сразу начал описывать, точно и уверенно, как естествоиспытатель, перед которым находится объект исследования, именно то, что могло быть известно только мне самому. Но моя осторожность не унималась. Год спустя я повторил эксперимент. Тем более, что за год в моем эфирном теле многое изменилось, даже перешло в свою противоположность. Я и на этот раз подстраховался, прежде чем задать свой традиционный во-

прос. Во всех таких случаях Штайнер отвечал с готовностью и без малейших колебаний. Правда, иногда он говорил:

— Я же знаю, что вы спрашиваете из подлинного интереса к истине.

А тут он с ходу начал:

— К моему удивлению, многое изменилось; я этого не ожидал.

И снова очень точно, как естествоиспытатель, описал то, что уже прояснилось для меня. Разве что он прояснил это еще больше. Разумеется, я понимаю, что современные ученые пока не могут рассматривать подобные опыты как научные доказательства.

С другой стороны, я знаю, что молодое поколение, которому намного доступнее спиритуалистические истины, уже не совсем понимает, зачем вообще нужны подобные опыты. И все же я рад, что не опустил руки, довел опыты до конца. У меня есть все основания считать, что Рудольф Штайнер не только не чурался таких экспериментов, но радовался встрече с осторожным и испытующим личным поиском истины.

Чем чаще повторялись подобные опыты, тем быстрее улетучивалось мое заведомое недоверие. Ведь я каждый раз в таких случаях проявлял сугубую бдительность и критичность, что побуждало и обязывало меня продвигаться дальше по пути исследования.

Коль скоро я собираюсь описать, что происходило в окружении Рудольфа Штайнера, я не имею права обойти молчанием разговоры о переселении душ. Пускай нынешнее поколение сколько угодно издевается над моими рассказами, будущее поколение имеет право знать чье-то личное мнение об этом предмете. И будет за это благодарно.

В процессе дальнейших занятий антропософией я задумался о том, что с самого детства и примерно до совершеннолетия (21 год) пребывал в твердой уверенности, что уже много раз бывал на Земле. Эта мысль жила как бы своей второй жизнью наряду с

жизнью духа, которую я ощущал, как сын лютеранского пастора. Эту мысль я никогда ни с кем не обсуждал. И думал я не столько о личностях, в которых я некогда являлся на свет (это представление бывало забавным и мимолетным), сколько о временах и сообществах людей, с которыми чувствовал душевное родство. Впервые я пережил это в возрасте восьми лет, прочтя «Всемирную историю», и с тех пор ощущение родства душ то и дело навязывалось мне со всех сторон. Когда мне исполнился двадцать один год, я вполне сознательно воспринял дух времени. У меня больше не было возможности связывать свои душевные впечатления с воззрениями современности, и мысль о перевоплощении совсем угасла. Правда, я написал для «Зюддойче монатсхефте» статью, где утверждал, что идея реинкарнации (известная мне тогда только в индийско-теософском варианте) имеет преимущества конкретности и наглядности по сравнению с христианскими представлениями о загробном мире, но она все-таки несовместима с христианством, хоть и выражает потребности души, на которые стоило бы обратить внимание. Теперь этот основной вопрос снова встал во весь рост. Должен признаться, что мои христианские возражения не устояли перед доктриной перевоплощения, предложенной Штайнером. Мне было интересно, как соотнесется то, что скажет по этому поводу Штайнер, с тем, что думал об этом я сам. В ответ на мой вопрос он сразу же назвал знакомое мне историческое время, но прибавил, что не стоит вдаваться в частности:

— Такие впечатления окажутся слишком сильными и для меня, если я выражу их вслух. Хотелось бы проверить их точнее.

Я спрашивал его об эпохе, а не о какой-либо личности. Духовная деликатность, всегда возникавшая в присутствии Штайнера, подсказала мне со всей ясностью, что о личности спрашивать не следует. Но все же мне хотелось узнать у него еще кое-что, и я продолжил:

— Ваша доктрина совершенно чужда мне. Поэтому я не верю, что когда-либо, в какой-то прошлой жизни уже имел к ней какое-либо отношение.

— И не имели, — был ответ.

И он указал мне на мое христианство и на определенные свойства характера, которые видел отчетливее, чем тогда видел их я. Он прояснил мне глубинные процессы моей собственной жизни, например, угадал мой выбор первых текстов для проповеди, а ведь о нем знал только я, а Штайнер не знал ничего. В заключение нашей столь содержательной беседы, уже прощаясь, Штайнер спросил, не хочу ли я прийти на лекцию для узкого круга, которую он прочтет вечером в Теософском обществе. Вероятно, у него было право ожидать моего согласия. Но я не хотел совершать никаких шагов, кроме тех, которые сам считал необходимыми. И потому предпочел уклониться от приглашения. И снова, в очередной раз, получил возможность оценить Штайнера как человека. Он не посягнул на мою свободу, не проявил ни тени неудовольствия.

Вероятно, стоит сказать несколько слов и о том, как происходили такие беседы о перевоплощении с Рудольфом Штайнером. В нашем культурном кругу большинство людей все еще не верят в переселение душ. Идея перевоплощения кажется им бредовой, несмотря на Лессинга и Гёте. Еще большим бредом они считают утверждение, что кто-то может что-то знать о прежних воплощениях. Самая интимная информация в этой области не предназначена для публики, и потому моему рассказу не хватает живости и наглядности. Но зато я могу описать, в какой стилистике Рудольф Штайнер вел беседы о перевоплощении, ибо это — завещание человечеству, которое нельзя утаивать.

Во время бесед Штайнер ни в малейшей степени не льстил человеческому тщеславию. Напротив, было видно, что он самым тщательным образом устраняет из своих ответов все, что могло бы поощрить тщеславие собеседника. Точно так же он замыкал-

ся, если вопрос был вызван праздным любопытством. Я много раз наблюдал его в моменты, когда другие люди задавали ему вопросы.

Подобно опытному фехтовальщику, он легко отражал все попытки «вытянуть» из него ответы путем прямых или косвенных личных выпадов. Он направлял разговор в деловое русло и невинно уклонялся от сенсационных разоблачений. Если вы хоть немного ориентировались в ситуации, вы никогда не смогли бы его спросить: «Кем я был в прежней жизни?» А уж тем более поинтересоваться: «Кем был ты?» Такого вопрошателя Рудольф Штайнер умел остужать быстро и надолго. Судя по его поведению в истории, связанной с Кришнамурти<sup>16</sup>, он не признавал претензий на авторитет, основанных на прежних воплощениях, считал их самым бесполезным (в оккультном смысле) делом. В эпоху души сознательной каждый должен адресовать свое учение чувству истины, объективно присущему людям. И формировать свои убеждения, основываясь только на принципах.

Положение Рудольфа Штайнера было трудным. И оно еще более усложнялось его взглядом на исторический момент. Он полагал, что настало время, когда каждый человек обязан узнать, откуда он пришел в этот мир и где его место в этом мире. Человек не сможет больше ориентироваться в своем земном бытии, если ему не откроется маршрут его жизни, траектория, по которой он «запущен» в жизнь далеко за ее пределами. Но любое, даже полубессознательное кокетство с прежними воплощения-

---

<sup>16</sup> Кришнамурти (наст. имя Джиду Нарияна) (1895 или 1897-1986) — мальчик, воспитывавшийся в теософском кругу в Индии. С детства обладал способностью впадать в экстаз. Был объявлен в теософских кругах Индии будущим учителем Майтрейей, а последователями Анни Безант в Европе — новым воплощением Иисуса Христа. В 1910 г. Ледбиттер, исследовавший ауру мальчика, провозгласил его Учителем человечества. Глава специально созданного для него ордена «Звезда на Востоке». Позже Кришнамурти распустил орден.

ми, игривое поведение в этой сфере он называл «чумой». Он не раз пользовался этим выражением. Поэтому всякий, кто прошел духовную школу Рудольфа Штайнера, считает чем-то совершенно неприемлемым, когда ведущие епископы теософской либерально-католической церкви изображают себя перевоплощенными средневековыми святыми. И открыто пишут об этом в газетах.

Однажды я спросил его, почему люди так охотно считают себя воплощением знаменитостей. Только ли людское тщеславие служит тому причиной? Он ответил, что люди лучше представляют себе тех, с кем вместе они некогда жили, чем самих себя. Так оно происходит в обычной земной жизни. И в кругу своих знакомых Рудольф Штайнер последовательно устранял все, что вело к самолюбованию и сенсации.

Подчас меня удивляло, как мало при жизни Штайнера в Антропософском обществе говорилось о частностях перевоплощения. Во всяком случае, намного меньше, чем это характерно для людского эгоизма. Разговоры на эту тему могли бы изменить атмосферу заседаний. С другой стороны, Рудольф Штайнер направлял членов Общества к внутренней активности в сфере духа: «Вот видите, вы и сами добиваетесь успеха», «Почитайте об этом времени в энциклопедиях, обратите внимание на ваши ассоциации», «Мы еще вернемся к нашему разговору!». Меня всегда поражало, сколько тайн он носил в себе и сколько их он унес в могилу. Ни один человек не знал этого. Не только потому, что никто и никогда не сумел выманить хотя бы намек на хранимые в его сознании секреты. Ведь мог же он проговориться случайно? Но он ни разу не проговорился. Он говорил лишь то, что могло помочь, и избегал того, что могло навредить, даже в будущем. Его большие темные глаза становились еще более внимательными, строгими, бдительными. Он взвешивал каждое слово с таким сознанием ответственности, больше и чище которого нельзя вообразить. Казалось, он незаметно вступал в некий храм, где за ним наблюдают глаза высших сил. На это действие хотелось со-

звать все человечество, всех восприимчивых людей, чтобы они хотя бы увидели, что это такое.

Если доктрине перевоплощения суждено было обновление в христианском мире, то не было для нее более благородного, более добросовестного вместилища, чем интеллект Штайнера. Чем дух Штайнера. Что бы там ни говорили о самом переселении душ. Слушая, как он рассуждает об этих вопросах, я часто думал: «Допустим, нужен человек, достаточно высоконравственный, знающий кое-что о предмете, имеющий право рассуждать о нем, осознающий опасности, подстерегающие в этой области его самого и других людей, кого следовало бы избрать? Да будь я самим Провидением, я избрал бы Штайнера и не смог бы сделать лучшего выбора». Так вот: его манера, его образ действий, его освоение этой сферы — тоже священный завет, не только Антропософскому обществу, но и всему человечеству.

\*\*\*

Снова прошло полгода спокойного изучения и практического освоения антропософии, прежде чем я встретился с Рудольфом Штайнером, когда он возвращался в Штутгарт из поездки в Швейцарию. В моей памяти лучше всего сохранилась наша беседа об Евангелии от Иоанна. Помнится, я сказал, что просветляющая суть этого Евангелия открылась мне в прощальных словах Христа: везде, где речь идет о смерти, где я ожидал слова «смерть», Христос произносит слово «Отец». Рудольф Штайнер взглянул на меня с интересом:

— Вы это заметили? А мне пришлось пройти куда более длинный оккультный путь, чтобы это обнаружить. Да, тогда на такие вещи смотришь по-другому. Но вполне возможно, что те же истины можно найти на религиозном пути.

И он перевел разговор на мою статейку: «Почему мы остаемся в лоне Церкви?» Я написал ее в соавторстве с моим другом доктором Гейгером и послал Штайнеру.

— Я прочел ее, — сказал он. — Но все же не думаю, что все происходит таким именно образом.

Здесь мне следовало бы спросить: почему бы и нет? Но для этого я слишком глубоко увяз во внутри церковных баталиях и сиюминутных надеждах.

Я надеялся продвинуться в Церкви, не изменяя себе. Так я и упустил момент. Меня удержал неосознанный страх. Я опасался, что дальнейшее обсуждение этого вопроса приведет к нежелательным для меня последствиям. Я намеренно сказал себе: «Не хочу, чтобы Штайнер повлиял на мою внешнюю жизнь прежде, чем я в глубине души обрету ясность, ясное представление о его мире». Более того, я хотел бы по возможности сам найти внешнюю сторону моей жизни. И я не задал интересовавший меня вопрос, а вместо этого уклончиво заметил:

— Может быть, наши душевные желания лучше, чем наши принципы.

Штайнер сразу все понял и, как всегда в подобных случаях, переменял тему.

Прошло еще полгода. Я давно уже понял, что рано или поздно мне придется публично выступить в защиту антропософии. Я хотел быть готовым к этому часу. Ибо речь шла о ручательстве всею жизнью и, может быть, об отказе от профессии, от призвания. Для зрелого человека, на которого смотрит большая община в Германии, это нечто совсем иное, чем для юноши, восторженно вступающего в новое, привлекательное для ума и сердца дело. Я видел вокруг доверившихся мне прихожан и чувствовал свою серьезную ответственность перед ними. Большинство не пойдет за мной и испытает разочарование. Ведь когда я впервые публично затронул эту тему, я уже обгонял их на несколько лет пути. А теперь я не мог провести их за собой по всем дорогам

моих опытов. Только будучи совершенно уверенным в своей правоте, я мог думать о публичном выступлении в защиту нового мира. Но тогда в страхе содрогнется моя собственная паства. Противники антропософии любят писать о том, как безвольные, физически слабые люди поддаются под влияние изощренного гипнотизера. Однако мой случай был совсем не такой. Почти пять лет я отдавал свободное время теоретическому и прежде всего практическому изучению антропософии, принимая всерьез свою ответственность перед человечеством. А кто из моих противников, прежде чем спорить, посвятил антропософии хотя бы приблизительно столько же времени и серьезных проверок? Кто действительно занимался ею практически? Сколько раз люди с положением в обществе брали у меня антропософские книги и при этом наивно уверяли, что в ближайшее время отрецензируют их устно или в печати! Они называли очень короткие сроки. Никто не искал бесед со знатоками предмета, а некоторые прямо отказывались от них. Бывало, что рецензенты даже не дожидались присылки основополагающей литературы, которая могла бы ввести их в курс дела. И таким вот образом возникали многие ученые сочинения, которые потом были всерьез восприняты доверчивыми читателями.

Но пока что у нас на календаре был год 1913-й. Когда в начале зимы Рудольф Штайнер снова приехал в Нюрнберг, у меня уже накопилось к нему много вопросов. Беседы протекали таким образом: я целый час задавал ему вопрос за вопросом, в том порядке, в каком расположил их заранее. Он с готовностью отвечал. Меня все больше изумлял кладезь его познаний, из коего он извлекал свои ответы. А самым удивительным было то, что прежде он никогда не пытался импонировать мне своей образованностью. На этот раз ответы были развернутыми ровно настолько, насколько это было необходимо для исчерпывающего ответа. Очень редко он замечал:

— Этого я еще не исследовал.

— Могу я вас спросить, господин доктор? — начинал я.

— Спрашивайте о чем хотите, — благосклонно отвечал он.

Я задавал вопрос, затем он просил разрешения задать вопрос и адресовал его мне.

Позже я страшно сожалел, что не поставил вопросы умнее. Я бы узнал от него еще много интересного, что потом мог бы обдумать на досуге. Ибо Штайнер никогда не требовал согласия с его мнением. Он только высказывался и предоставлял вам возможность перевернуть сказанное. Случалось, что я, застигнутый врасплох его уверенными ответами, попытывался:

— Неужели вы никогда не ошибались во время ваших исследований? Неужели вам никогда не приходилось исправлять свои ошибки?

— Я никогда не говорил того, в чем не был твердо уверен.

Но я не отставал:

— Я хочу сказать, неужели вы сами — для себя — не вносили уточнений в первые впечатления и поправок в результаты исследований?

— Да, но для этого нужна была видимая причина. Если, например, я встречу вас в тумане и не узнаю, значит, туман — это факт, который также нужно учитывать.

Однако я все не сдавался:

— Неужели же вам никогда не приходилось говорить себе потом: «Здесь я совершил ошибку?»

На мгновение он задумался:

— Приходилось, — сказал он. — Я иногда ошибался в людях. Порой жизнь делает с людьми такое... То, чего нельзя знать заранее.

Однажды наш разговор коснулся такой важной темы, что я удивленно спросил:

— Если дело обстоит так, почему вы не расскажете это людям?

— Потому что сегодня у человечества нет ни умения, ни готовности, ни средства выслушать и воспринять подобные истины.

Он произнес это спокойно, без тени бахвальства, не становясь в трагическую позу. Значит, ему были ведомы истины, для постижения которых человечеству предстояло пройти долгий путь воспитания, достичь зрелости, чтобы подвергнуть их необходимой проверке. С годами во мне крепла убежденность, что Рудольф Штайнер носил в себе многие серьезные знания, о которых никогда не сказал ни слова никому, даже самым близким и доверенным людям. Он всегда говорил как воспитатель и никогда как глашатай. Иначе и быть не могло. Насколько высоко он ценил человечество, не обращая внимания на удары (на них оно не скупилось), настолько же и щадил его. И предавал гласности лишь то, что оно в данный момент худо-бедно сумело бы вынести.

Моя тогдашняя встреча с Рудольфом Штайнером кончилась тем, что он снова спросил:

— Не хотите ли сегодня вечером прийти в Теософское общество на мою лекцию для узкого круга? — И, чтобы облегчить мне согласие, добавил: — Я расскажу кое-что о юности Иисуса. То, чего нет в Евангелиях.

— Неужели вы дерзнете на такое? — спросил я.

— Неужели вы полагаете, что это дерзость? — отвечал он. — Таков мой долг. Такова воля духовного мира. Человечеству пора больше узнать об этом. Рано или поздно выяснится, для чего это было нужно.

Я никогда ни в земной, ни в загробной жизни не забуду тот вечер. В узком, темном «сдвоенном» зале тогдашнего Теософского общества на Зальцбахерштрассе собралось более ста человек. Там сидела горстка верных последователей, которых объединил вокруг себя Михаэль Бауэр: несколько «сильных духом» университетских интеллектуалов и несколько человек из нюрнбергского круга. (Несмотря на высокий уровень духовности, глу-

бину и занимательность, лекции Бауэра не нашли широкого отклика в среде нюрнбергской интеллигенции.) Кроме них, присутствовало несколько приезжих антропософов из окрестностей и несколько почитателей Штайнера, сопровождавших его, куда бы он ни поехал. Такова была публика, собравшаяся в помещении, похожем на катакомбу, и ожидавшая услышать нечто из ряда выходящее. Перед нами стоял Рудольф Штайнер (я сидел в первом ряду и мог наблюдать за каждым нюансом его мимики) и рассказывал о детстве и отрочестве Иисуса. Его взгляд, минуя аудиторию, устремлялся немного вверх, к тем образам и картинам, которые он ясно видел и крепко удерживал перед собой. Он рисовал эти картины с величайшей нежностью, с особой, бросающейся в глаза зоркостью и осторожностью. Время от времени он прерывал рассказ замечанием типа: «Не помню точно, в том ли порядке происходили события, но, кажется, все так и было» Или: «Я нигде не мог найти названия этой местности, но в том, что оно стерлось из памяти, есть некий смысл». Благоговение, с которым это говорилось, не имело в себе ничего от несвободы. Он стоял, выпрямившись во весь рост перед Сверхъестественным. В зале витала чистая духовность. Никаких посторонних эмоций, только безупречно чистые чувства, источаемые негибаемым, сильным духом Штайнера. Он рассказывал, как подросток Иисус после истории в Иерусалимском храме вернулся в Назарет, где в последующие годы узрел все величие некогда явленного Откровения Божьего, о котором говорится в Ветхом Завете. Но одновременно в Нем нарастало страдание, ибо тогдашней современности до всего этого не было дела. Оно жило в Нем, «это страдание, сильнее которого не видано в человечестве». Но именно потому, что страдание таилось в душе, оно смогло чудесным образом Его облагородить...

Здесь не место пересказывать все, о чем поведал нам Рудольф Штайнер за те несколько вечеров в Теософском обществе.

Он говорил о «Пятом Евангелии»<sup>17</sup>, навеки занесенном в память утонченной духовности. Эти записи могут быть прочитаны еще и сегодня, но лишь теми, кто достигнет полноты просветления.

Я никогда не забуду устремленный в прошлое взгляд Штайнера. Его зоркая, бдительная духовность излучала такую чистоту, такую убедительную правдивость и скромность, что все мы, сидевшие в зале, ощущали себя свидетелями величайшего события в истории человечества. Иногда казалось, что внутри него тихо струится влага. Или сверкает жидкое золото. И вдруг мне пришла в голову мысль, которую я лелеял с детства: «Если после смерти я вступлю в горний мир, пусть будет мне дано несколько лет спокойно, просветленным взором наблюдать жизнь Иисуса». Я снова и снова пытался осознать всю эту неслыханную ситуацию. С улицы доносился звон проезжавших мимо трамваев, а в доме стоял человек, утверждавший, что видит перед собой картины прошлого, и рассуждавший о них как о чем-то само собой разумеющемся. «Где ты?» — то и дело спрашивал я себя. Любая непредвзятая человеческая оценка оратора зафиксировала бы нечто из ряда вон выходящее, нечто уникальное, неординарное, исключительное. Здоровье? Вот оно, говорит само за себя. Психическое отклонение? Даже мысль о нем была бы ложью и клеветой. Мне ли этого не знать, ведь я как пастор повидал немало душевнобольных. Моральная чистота? В этой атмосфере все дышало ею. Самоотдача? Ниспосланный Богом дар? Он выглядел бы только так, а не иначе. Но тогда что это было? Бескорыстие? Если спросить, как должен выглядеть чистый, ниспосланный Богом дар? Да только так, и никак иначе. Но тогда чем это было? Началом судьбоносного человеческого величия? Вестью из горнего мира, пришедшей в нужный час? Наши потомки, люди позднейших столетий вряд ли смогут понять, что мы тогда испытали.

---

<sup>17</sup> Лекции о «Пятом Евангелии» Рудольф Штайнер читал с октября 1913 г. На лекциях в Христиании (Осло) присутствовал Андрей Белый и подробно описал свои впечатления о них в «Воспоминаниях о Штейнере».

И к таким потрясающим событиям нас вывели прямым из материализма. Уже сегодня подрастает поколение, для которого подобные марш-броски не составят трудностей. А для нас это прозвучало как мощные удары молотом по всему мирозданию, в котором мы обретались. Я только и мог сказать себе: «Даже если все окажется неправдой, это, по крайней мере, самый интересный роман об Иисусе, который ты когда-либо слышал. А если признаться, то и самый правдоподобный, несмотря на некоторые непостижимые моменты. Нужно быть благодарным за возможность присутствовать при таком событии. Во всяком случае, оно дает самую здоровую и животворную пищу для размышлений».

Но если, после столь сильного главного впечатления, я еще мог сохранять духовное равновесие, то чуть не потерял его после лекции. Рудольф Штайнер сошел с кафедры, подошел ко мне и сказал:

— Ну, не знаю, как это подействовало на вас.

В его устремленном на меня взгляде читался вопрос. Это было сказано так дружелюбно и скромно, прозвучало — после его вдохновенной речи — так неожиданно, что у меня нашелся лишь самый банальный ответ.

— Мне нужно все это обдумать, — пробормотал я.

И все-таки в тот момент моими устами, должно быть, говорило человечество. Я был так смущен, что в ту же ночь написал письмо Штайнеру. Я просил у него извинения за то, что не смог сразу определить свою позицию, хоть и испытал глубокое потрясение. Если он прав, думал я, то перед нами — уникальный духовный дар. И следует быть благодарными за то, как он был нам преподнесен.

Я много раз просил Рудольфа Штайнера продолжить рассказы из цикла «Хроника Акаши». Я был твердо уверен, что картины жизни Христа, развернутые пред его ясновидящим интеллектом, послужат мощным стимулом духовной активности человечества,

встанут в один ряд с Евангелиями. Во время Первой мировой войны Рудольф Штайнер отвечал на это так:

— Астральный мир, духовная атмосфера (ноосфера), окружающая Землю, сейчас слишком взбудоражена для подобных исследований.

После войны он писал, что в данный моменту человечества есть более насущные, более животрепещущие задачи. Он видел рост нищеты и предлагал пути выхода из экономического кризиса. Он видел наступление голода и закладывал основы нового сельского хозяйства. Он видел деградацию господствующего научного материализма и ориентировал своих учеников на естествознание в новом духе. Он видел тяжелое положение подрастающей молодежи и разрабатывал новую систему воспитания. Он видел беспомощность современной медицины, особенно в области душевных болезней и заболеваний мозга, и предлагал использовать для исцеления достижения гуманитарных наук. Он видел религиозно-моральное одичание и помогал дезориентированным людям обрести надежную религиозную опору. И вот он ушел от нас, а мы обрели лишь фрагменты того, что было открыто его духу как озаряющая путь человечества жизнь Христа. Но наше поколение и не заслужило иной участи. Мы отвергли его первые дары, отказались отвечать на великий вопрос, заданный человечеству. Мы чудовищно исказили его образ, издевательски сопровождая его фото в иллюстрированных журналах подписью «Новый евангелист?». И никто из признанных религиозных авторитетов не желал ни знать, ни проверять на опыте, какой дар из горнего мира нес нам этот человек.

Рудольф Штайнер позже рассказал мне о своих исследованиях Хроники Акаши. Тогда-то я и получил представление о той строгости, с которой он проверял свои способности и сохранял в безопасности свои результаты. Он говорил, например, что никогда не изучал по Библии феномены воскресения из мертвых, а натолкнулся на них в ходе своего исследования. В детстве его

послали учиться в школу за границу (австрийско-венгерскую). Его отец, имевший репутацию вольнодумца, спокойно относился к тому, что сын прогуливает уроки Закона Божьего. Так Рудольф Штайнер смог поставить эксперимент: все, что произошло после смерти Христа, он сначала узнал из гуманитарных источников. И только потом, открыв Библию, убедился, что сообщения Евангелий во всех подробностях совпадают с картинами и образами, возникшими в его воображении. Разве что в Евангелия, какими они предстают перед нами сегодня, из-за недопонимания просочился материалистический привкус. Этот оттенок материализма проявляется, например, в том, как переданы речи Христа в Эммаусе. Некоторые библейские темы Рудольф Штайнер штудировал, видимо, долгие годы, прежде чем проронить о них хоть слово. В процессе штудий ему не хватало подробностей, которых он не мог отыскать в тексте Писания. Его исследования часто бывали просьбами, обращенными к горнему миру, и они не всегда исполнялись. Разумеется, рассказывая об этом, я не привожу доказательств. Просто сообщаю субъективные факты, раскрывающие самый дух подобного исследования. Подлинно духовное исследование не ставит себе целью заменить, например, догматически усвоенный Новый Завет, столь же догматически воспринятой Хроникой Акаши. В этом случае она опиралась бы на духовные дарования одного-единственного лица. Провидение и здесь дало человечеству возможность произвести непредвзятую проверку и всеми доступными средствами подтвердить достоверность сообщений из источников высшего порядка. Только бы само человечество не отторгло их из-за предрассудков, или самодовольства, или трусости, или лени.

Сегодня человечество все еще упорствует в своем невежестве и пренебрежении. Не желает ничего знать о судьбоносных событиях прошлого и будущего. Пусть многое в этом духовном поиске отложено в долгий ящик, рано или поздно найдутся другие способы просвещения, другие пути продвижения вперед.

Я двадцать лет кряду выслушивал мнения протестантских теологов как с ортодоксальной, так и с либеральной стороны. Надеюсь, это позволяет мне составить собственное суждение о том, стоит ли принимать всерьез суждения Рудольфа Штайнера, который даже не прошел теологической школы: «Такова воля духовного мира. Пусть человечество узнает о Нем больше, чем знало до сих пор. Позже выяснится, зачем это нужно».

Когда я беру в руки все более скучные и беспомощные описания жизни Иисуса, сделанные теологами, и сравниваю их с сочинениями Рудольфа Штайнера, я понимаю, что значит эта «воля духовного мира». Но теология живет себе дальше как ни в чем не бывало...

\*\*\*

Теперь я хочу рассказать кое-что о том, как ожесточенное противоборство с новой духовностью повлияло на всех верующих. Я делаю это потому, что для меня самого исчезли определенные духовные границы, но также стали видны и определенные источники ошибок. Пусть мой рассказ поможет другим людям занять позицию в этом конфликте.

В те годы мне однажды приснилось, что я спрашиваю Штайнера: «А какими, собственно говоря, были ваши прежние воплощения?» И он отвечает: «Пифагор и Менандр». Я проснулся, а сон так и стоял у меня перед глазами. Я спросил себя: имеет ли он какое-то познавательное значение? Пифагор — это еще понятно, хоть я и не думал о нем перед сном. Но кто такой Менандр? Я порылся в энциклопедическом словаре и нашел двух Менандров. Один из них был комедиографом, другой — оратором. И оба жили в эпоху, близкую к эпохе Пифагора. Это не слишком согласовалось с другими антропософскими представлениями. Может быть, подумал я, речь идет о царе Милинде, который имел достопамятный разговор с Буддой? Через несколько

недель я встретился со Штайнером и рассказал ему о своем сне. Сначала он спросил меня о времени моего сна, и я назвал ему время с возможной точностью.

— Мои воплощения здесь ни при чем, — сказал он. — Но в ту ночь я очень интенсивно занимался Пифагором и Менандром, не только в научном плане.

— Какого Менандра вы имеете в виду?

Мне было интересно, знает ли он обоих, известных мне только по энциклопедическому словарю.

— Лингвиста. Я как раз занимался одной языковой проблемой и искал у него цитату.

Маленькая эта история наводит на размышления. Первая моя мысль была о том, как легко вкрадываются ошибки в подобные опыты. Ведь выстраивался очевидный ряд: Штайнер, Пифагор, Менандр. Но я предварил его вопросом о прежних воплощениях. А вопрос возник из любопытства, из комплекса интересов, который я почти подсознательно носил в себе. И все переживание, благодаря моему интересу, стало достаточно сильным, чтобы его, как в зеркале, отразило сознание. Когда же я *post factum* рассмотрел событие в целом, я смог ясно различить специфику обеих сфер: сферы интересов и объективной сферы, и задать таким образом первые масштабы, чтобы отличить истинные события духа от ложных. Подобные опыты помогли мне понять, что имел в виду Рудольф Штайнер, когда указывал: никто не сможет извлечь надежных впечатлений из духовного мира, пока не пройдет мимо «стражей порога». То есть научится полностью обозревать свою душевную обстановку и улавливать поступающие из нее импульсы. В сущности, оба «стража порога», которые столь многим кажутся столь странными, суть не что иное, как христианские ориентиры: покаяние и вера. Разве что на более высоком уровне переживания.

Другой опыт вводит в язык духовного мира. Мне снилось, что передо мной стоит Рудольф Штайнер и настойчиво уговаривает:

«Скажите „А“!» Когда я спросил у него, что это значит, выяснилось, что он желал мне научиться более реально воспринимать мимолетные духовные впечатления.

— При этом, — пояснил он, — в духовном мире звучит «А».

В то время об антропософской фонетике еще не было известно ничего. Я воспринял некую реальность, но не понял ее языка. Сколько же важных намеков и сигналов мы могли бы извлечь из наших вещей сновидений! А они пропадают втуне из-за того, что мы не знаем тамошнего языка.

— Но почему, — спросил я, — в моем сне вы были блондином?

— Вы взяли цвет волос у самого себя. Вам не хватило энергии, чтобы пробиться к правильному представлению.

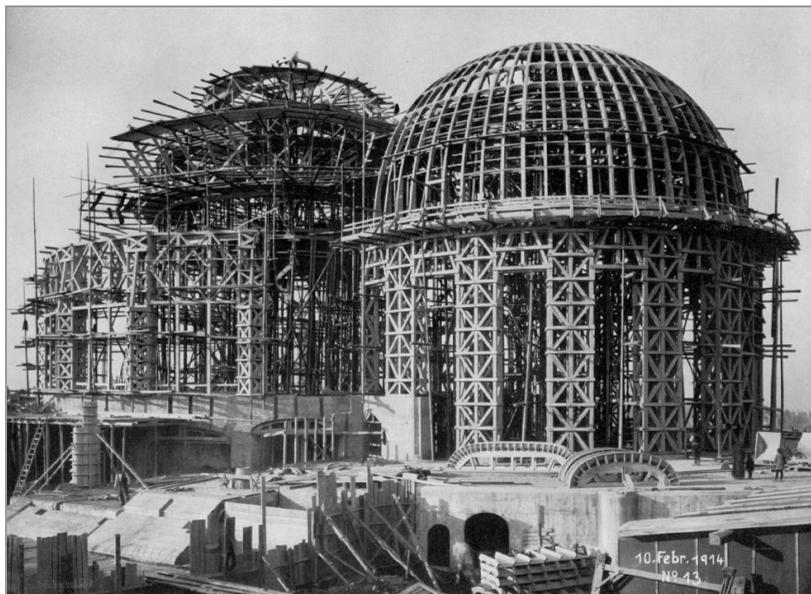
Каждый его ответ звучал компетентно, внушал уверенность в главном и мелочах. Вот человек, думал я всегда, для которого эти опыты — дом родной.

Может быть, достаточно примеров? Но поскольку речь зашла о сновидениях, которые все же не просто сновидения, расскажу еще один сюжет, полезный для понимания других опытов. За семь лет до основания Общины христиан я видел во сне, что поднимаюсь на высокую гору, в какой-то момент останавливаюсь и вижу слева селение. И будто бы это — община Иоганна Мюллера. Но дорога ведет меня все дальше, не в селение, а мимо него. И мне нужно идти направо, нужно лезть в гору. Я бросаю участливый взгляд на общину Иоганна Мюллера<sup>18</sup> и начинаю подъем. А на вершине стоит церковь. Я, как сейчас, вижу ее пе-

---

<sup>18</sup> Иоганн Мюллер (1864-1949) — теолог либерального толка, работавший в замке Майнберг и в Эльмау. Долгие годы был связан с Фридрихом Риттельмайером. Теологически обосновал ранние размышления Риттельмайера об облике Иисуса, изложенные им в четырех лекциях «Jesus» (1911). В 1918 г., после нападок Мюллера на учение Рудольфа Штайнера, между ними произошел разрыв.

ред собой: церковь с высоченной, уходящей ввысь колокольней. Я понимаю, что она была построена Рудольфом Штайнером, и продолжаю подъем. И идти мне не легко, но и не трудно. В моем ночном сновидении не только отразилась реальность момента, которую я никогда бы не воспринял таким образом в состоянии бодрствования, но и проступили очертания будущего. Как это странно. И как замечательно.





Прошло больше года, прежде чем я снова увидел Рудольфа Штайнера. Началась мировая война, и каждый выполнял свои непосредственные обязанности. Беседа в феврале 1915 года в отеле «Дойчер Хоф» в Нюрнберге отличалась особой значительностью. Штайнер сразу заговорил о войне.

— Я рад был услышать, что вы оцениваете события так же, как я, — сказал он.

— Что вы имеете в виду? — спросил я неуверенно. — Я незнаком с вашей оценкой.

— Я не об этом, — сказал он. — Я о том, что вы обладаете сильной духовной чувствительностью к тому, что происходит в действительности.

Его похвала немного смутила меня, и я продолжил:

— Господин доктор, вы находите мою деятельность теперь, во время войны, в чем-то неправильной? В чем именно? Я хотел бы знать ваше мнение.

Этот вопрос вырвался у меня сам собой. Мне необходимо было разобраться в будничных делах моей общины, и моих обычных знаний для этого не хватало. Я апеллировал к его сверхъестественной интуитивной мудрости. То, что происходило

с моей паствой, не интересовало даже «Нюрнбергских антропософов» (как они называли себя теперь, после окончательного разрыва с Теософским обществом).

Он сразу принял вызов.

— Не стоит говорить людям: «Вы неправы, когда ненавидите англичан», — сказал он. — Это только раздражает их. Лучше сказать: «Вы вовсе не ненавидите англичан, если вы настоящие немцы». Немец не борется с личностью, он борется за правое дело.

Здесь и в самом деле было слабое место моей тогдашней деятельности. Моя неспособность к ненависти вызывала неудовольствие общины. Конечно, прихожане по-другому выражали свои чувства, но их возмущало, что я их не разделяю. А мне никак не удавалось представить позитивные идеалы настолько великими и ценными, чтобы люди не поддавались эмоциям.

Но это было слабым пунктом всех духовных пастырей Германии во время мировой войны. Они не сумели придать борьбе за существование немецкого народа духовное содержание, которое активизировало бы его лучшие силы. Даже Фридрих Науман<sup>19</sup>, которого так почитали священники младшего поколения, не устоял в тот исторический час. Вот тогда-то я понял цель стремлений Рудольфа Штайнера. В первый год войны мне попались в руки его Берлинские лекции<sup>20</sup>. Опираясь на величайшие имена истории немецкого духа, на Гёте и Шиллера, Фихте и Гегеля, он пытался внушить своим соотечественникам сознание все-

---

<sup>19</sup> Фридрих Науман (1860-1919) — пастор, видный германский политический деятель.

<sup>20</sup> Во время Первой мировой войны Рудольф Штайнер прочитал ряд лекций, в которых обращал внимание на духовную задачу немецкого народа. Во время лекций в воюющих странах он медитативно обращался к павшим на полях сражений и к живым, воюющим на боевых рубежах. В Берлине с 01.09.1914 по 18.07.1916 г. он прочитал более 40 лекций (ПСС. Т. 157,157а, 166,167,169).

мирной духовной миссии немцев. Берлинские лекции вполне заслуживают особого издания. Если судить по тому впечатлению, какое они произвели на меня, в них есть то, что может наполнить юные немецкие сердца неподдельным восторгом, придать им нравственную устойчивость, воспламенить в них духовное величие, из коего только и может родиться истинная немецкая энергия. Все в этих лекциях выдержало проверку временем. Благородный пламень, зажженный этими лекциями (открытыми и для узкого круга), был одним из прекраснейших даров Рудольфа Штайнера. Ему ведома роль Германии среди других народов, ему свойствен мудрый взгляд на действительность и на проявление высшей воли. Это придает Штайнеру мощную чистую энергию. Шла война, и беспокойные вспышки национализма разгорались священным пламенем, которое несло свет — и поглощало жертву. Но немцы слушали Чемберлена, слушали Трауба<sup>21</sup> и не слышали Штайнера. Горько думать, что его идеи не нашли знающих и тонко чувствующих интерпретаторов, не были транслированы воюющему народу, не стали основой патриотического воспитания.

Я никогда не слышал, чтобы Штайнер жаловался на непонимание. На то, что его игнорировали. Его любовь ко всему немецкому, зрячая и порожденная умом и сердцем, всегда оставалась неизменной, без тени личной обиды. Но его противники сумели распространить утверждение, будто он, Рудольф Штайнер, больше всех виновен в том, что немцы потерпели поражение в битве на Марне<sup>22</sup> и тем самым в мировой войне. Во время по-

---

<sup>21</sup> Готфрид Трауб (1869—1959) — пастор, в 1920 г. во время Капповского путча был в составе объявленного путчистами правительства министром культов.

<sup>22</sup> Битва на Марне состоялась 5-12 сентября 1914 г. Англо-французские войска под командованием генерала Ж. Жоффра остановили наступление германской армии (нач. генштаба Х. фон Мольтке) на реке Марна между Парижем и Верденом, а затем вынудили их к отходу, сорвав план быстрого разгрома

ездки в Кобленц он встречался и беседовал с шефом генштаба фон Мольтке<sup>23</sup>, который не был членом Антропософского общества и всего-то прослушал несколько лекций Штайнера. Разговор их был кратким, приватным и не касался военных вещей. Это все. Какой дух благотворнее для Германии? Тот ли, что способен на подобные обвинения или дух лекций Штайнера? Пусть об этом судят потомки.

Во время нашей встречи в феврале 1915 года мы говорили с ним об отношении к признанной современной науке. Я почему-то чувствовал себя ответственным за то, чтобы феномен Штайнера не пропал втуне. Чтобы о нем узнали те, кому общество доверило и поручило исследовать истину. Жизнь сводила и сталкивала меня со многими университетскими профессорами. Я перебрал в уме их имена и остановил свой выбор на Освальде Кюльпе<sup>24</sup>. С ним меня не связывали близкие человеческие отношения.

---

Франции. Остановка германского наступления на Западном фронте означала крах стратегии наступления и заставила немецкую армию перейти к осаде. «Чудо на Марне», как называют эту битву французы, остановило немецкие войска в 30 км от Парижа и привело к затяжной окопной войне на всей линии фронта от Северного моря до Швейцарии.

<sup>23</sup> Хельмут фон Мольтке (1848-1916) — генерал-фельдмаршал, адъютант Вильгельма II Гогенцоллерна. С 1904 г. его жена, Элиза фон Мольтке, активно посещала лекции Рудольфа Штайнера в Теософском обществе и была его ученицей. Хельмут фон Мольтке был лично знаком с Рудольфом Штайнером с 1904 г. Незадолго до битвы на Марне по просьбе супругов Мольтке Рудольф Штайнер посетил их. Позже из-за этой встречи Рудольфу Штайнеру приписали влияние на исход битвы. Но сам Штайнер говорил, что тогда речь шла исключительно о личных обстоятельствах. Руольф Штайнер считал своим долгом не говорить с Мольтке о политических военных делах, а укрепить в нем сознание его сопричастности судьбе Средней Европы и обратить его взгляд на духовную задачу Германии. И хотя Мольтке не стал членом Антропософского общества он присутствовал на лекциях для всех членов Общества.

<sup>24</sup> Освальд Кюльпе (1862-1915) — психолог и философ, представитель направления критического реализма. В 1894-1909 гг. профессор философии в Вюрцбурге, с 1912 — в Мюнхенском университете.

Но все, кто знал Освальда Кюльпе, согласятся, что в тогдашней Германии вряд ли нашелся бы профессор философии, столь же образованный, психологически подготовленный, порядочный, лишенный предрассудков, искренний и человечный. Знакомство с ним производило незабываемое впечатление. Я еще раньше спрашивал Рудольфа Штайнера, готов ли он когда-нибудь вместе со мной отправиться к Кюльпе, чтобы тот задал ему свои вопросы. Я бы мог устроить их встречу. Я имел в виду не обычный психологический эксперимент, а нечто совсем другое. Опыт состоял бы в том, чтобы один из самых независимых и свободомыслящих представителей современной науки столкнулся с исключительными способностями Рудольфа Штайнера. В свободной беседе они могли бы говорить о поиске научных методов непредвзятого исследования феномена Штайнера. Во мне жила убежденность: Рудольф Штайнер должен при жизни продемонстрировать свои дарования нынешней науке. Их спор имел бы огромное значение для всего человечества. Рудольф Штайнер не возражал против эксперимента. Он только и сказал:

— Заранее предупреждаю, что дело это весьма сложное. Мысль набожного человека, например, имеет голубую окраску. Но и страстная мечта банкира о деньгах тоже голубого цвета.

— Тогда в чем же различие? — спросил я.

— В конфигурации целого.

Отсюда следует, что Рудольф Штайнер был готов к экспериментам. Но он не желал, чтобы первый встречный естествоиспытатель подвергал его «проверке» в своем институте и при этом обращался с ним как с преступником. Он предпочитал иметь дело с любознательным, открытым для дискуссии ученым и вместе с ним искать ответа на вопрос: какими методами наука может подходить к исследованию загадочных феноменов.

Тогда, в Нюрнберге, Штайнер в очередной раз решительно выразил готовность вместе со мной посетить Кюльпе.

— По вашей рекомендации, — сказал он, — я еще раз просмотрел работу Кюльпе «Введение в философию». Не думаю, что он с его «реализмом» действительно интересуется делом. Аура слишком бледная. Но я сообщу вам, когда снова буду в Мюнхене. И тогда мы проведем эксперимент.

После этого я отправился к Кюльпе, который был в то время профессором на кафедре философии в Мюнхенском университете. Я рассказал ему о моих встречах со Штайнером, передал самые важные книги и попросил его, в интересах науки и антропософии, заняться этим делом. Кюльпе любезно ответил:

— Если бы не вы, я бы не стал этим интересоваться. Но теперь я прочту рекомендованные вами книги.

Примерно через полгода пришло письмо от Штайнера: он находился в Мюнхене и был готов к разговору. Я попросил Кюльпе назначить день и час, но тот отказался от встречи. Дескать, он прочел книги и пришел к выводу, что тут поверхностным обсуждением ничего не достигнешь, что необходимо основательное изучение вопроса, что у него много других дел, что он не обязан этим заниматься, что вероятность каких-то результатов слишком мала. Мне ничего не оставалось, как только сообщить о его отказе Штайнеру. Это была единственная попытка завязать диалог, имевшая некоторые шансы на успех. Но в данном случае отступил не Штайнер.

Отношение официальной науки к Штайнеру — это отдельная песня. Ученые мужи писали толстые книги о средневековой мистике. Они ездили в Индию и интересовались йогой. Но не замечали, не видели рядом с собой великого человека в центре европейского культурного мира, который мог бы дать им самое живое представление о мистиках прошлого и далеких йогогах. Они напряженно вглядывались в микроскопы и телескопы, исследовали каждого жучка и каждую комету. Но никого не заинтересовал редчайший человеческий феномен, гений, который находился так близко и мог бы прояснить столь многое о самом важном

— самом человеке. Насколько мне известно, за всю жизнь Рудольфа Штайнера никогда не бывало такого, чтобы к нему пришел известный ученый и сказал: «Вы пишете удивительные, странные вещи, могу я в связи с этим задать вам несколько вопросов?» Ученые мужи не желали принимать его всерьез. Или не хотели отрываться от основной работы. Или боялись скомпрометировать себя связью с неизвестным и неопознанным предметом. В лучшем случае ожидали, что Рудольф Штайнер придет к ним сам и попросит произвести проверку, чтобы получить признание. В своих книгах он достаточно громко настаивал на испытании. Но коль скоро это не подействовало, любой дальнейший шаг был бы для него унижительным.

И вот теперь науке остается возня вокруг ясновидящей из Кенигсберга или художника-моменталиста из Нюрнберга. Это только уводит науку в темные просторы сверхсознания, для исследования которых у нее нет методов. А в случае Рудольфа Штайнера о трансе не могло быть и речи. Вы заглядывали в свободный, ясный мир сверхсознания, а не в темные бездны грез и сновидений. Разница примерно такая же, как между пугающим сверканьем ночной ракеты и сияющим дневным светом.

Кстати, с годами я сам стал замечать определенное развитие личности Рудольфа Штайнера. Поначалу мне еще казалось, что, принимая людей, искавших его совета, он предлагал им сесть так, чтобы лучи света не били ему в глаза. Когда он переходил к духовному рассмотрению, вы замечали некоторое самоискажение, часто связанное с опусканием взгляда. Потом вы вспоминали, что в своих книгах он советует освободить физическое тело собеседника от внушений, чтобы иметь перед собой «высшие члены сущности». Позже я замечал это все меньше и наконец вообще перестал замечать. Казалось, он научился очень легко вступать в высшее состояние сознания или, скорее, свободно и естественно видеть перед собой оба состояния сознания: сферу чувственного восприятия и сферу духовного восприятия. В пер-

вые годы нашего знакомства он вроде бы испытывал затруднения в начале разговора, не сразу находил нужные слова. Тогда я говорил себе, что ему требуется несколько секунд для переключения из духовной сферы в чисто физическую данность. Он искал подходящее слово, ошибался и запинаясь. Но быстро справлялся с этим затруднением. В более поздние годы это происходило все реже. Раньше во время лекций у слушателей иногда складывалось впечатление, что его отвлекает некое духовное наблюдение и он в такие моменты начинает медленно строить длинные округлые фразы. В более поздние годы по его взгляду, стремительно менявшему выражение, легко было понять, что в нем происходит нечто из ряда вон выходящее, необычайное, чрезвычайное. Такое, что не поддается словесному выражению. Но физическое и духовное движения происходили уже не параллельно, а скорее гармонично, в одном живом ритме. Думая о том, как быстро он прошел огромный путь развития, я прихожу к выводу, что все мы прочие позорно от него отстали.

Человечество имеет право знать об этих наблюдениях, и я не стану их утаивать. Но их надежность следует подтвердить наблюдениями других людей.

Кюльпе после этой истории неожиданно рано скончался. В доверительной беседе Рудольф Штайнер рассказал мне, что никогда не встречал человека, который после своей смерти так сильно стремился уйти от старого образа мыслей. Отказ Кюльпе от встречи не помешал Штайнеру проявить дружеское участие к посмертной судьбе этого человека.

Тогда, весной 1915 года, в беседе со Штайнером мы затронули еще одну тему. Медитируя о словах Христа, я заметил сильное воздействие Его слов на плоть. Как будто эти слова сказали: «Если нам следует в тебе жить, то прежде мы должны устроиться». Интимный духовный субстрат, стоящий за материальной телесностью как ее строитель, вошел в сознание. Его изменения стали ощутимыми. Медитация о словах Христа может привести к силь-

ным физическим ощущениям, вплоть до острой физической боли. Потом возникает сознание исцеления, и только испытав его, вы предугадываете, что значит действительное здоровье. Эти опыты навели меня на мысль, нельзя ли, опираясь на медитацию о Христовых словах, сказать что-нибудь о том, как, собственно, выглядел Христос. Тогда следовало бы на определенных границах вашей телесности как бы наблюдать, в чем Христос должен быть другим, чем вы сами. Что, если Христовы слова более или менее поясняют, как должно выглядеть тело, в котором они могли бы жить? И слова других великих людей, по моему убеждению, могли бы использоваться для такой медитации, что вызвали бы аналогичные ощущения, хоть и менее сильные.

Не вдаваясь в подробности об этих наблюдениях, я спросил Рудольфа Штайнера:

— Возможно ли путем простой медитации на слова Христа представить себе, как Он выглядел?

— Ну и как Он, по-вашему, выглядел? — спокойно ответил Штайнер вопросом на вопрос.

Выслушав мое описание, Рудольф Штайнер привел его, так сказать, в ясность. Тот же образ возникал во время его лекций. Лоб не похож на лоб современного мыслителя, но на этом челе — изумление перед глубокими тайнами бытия; взгляд не устремлен на людей, но уходит в себя, в жар самопожертвования; рот выглядит так, словно никогда не служил для еды, но испокон веков вещал Божественные истины.

— Значит, вам известно, как выглядел Христос? — спросил я. — Почему же не сделать этот образ доступным человечеству?

— Конечно, — ответил Рудольф Штайнер. — Поэтому я заказал одной художнице<sup>25</sup> в Дорнахе написать портрет Христа по моим указаниям.

---

<sup>25</sup> Имеется в виду Эдит Мэрион (1872-1924) — английский скульптор и художник-портретист, ученица Рудольфа Штайнера, работавшая под его руководством над скульптурной группой «Представитель человечества между Люци-

В эту минуту я твердо решил, что при первой возможности отправлюсь в Дорнах, чтобы испытать на себе воздействие этого образа. Но я все еще не собирался вступить в Антропософское общество. Рудольф Штайнер никогда не заговаривал со мной об этом. Он всегда проявлял огромное радушие, понимая, что у меня имеются немаловажные причины для сдержанности.

---

фером и Ариманом», руководитель секции изобразительных искусств в Гётеануме.



В разгаре лета 1915 года, когда из близкого Эльзаса доносился грохот канонады, а по вечерам над ландшафтом играли прожекторы, я сидел в Дорнахе перед изображением Христа. Это был бюст из пластилина, смоделированный в конце концов самим Рудольфом Штайнером. Он предупредил скульпторшу, и она в любое время впускала меня в свою мастерскую и разрешала сидеть перед этим изображением. Я пользовался разрешением, стараясь не мешать хозяйке мастерской. Медитируя перед бюстом, я вживался в Евангелия. Иногда я сравнивал изображение с Евангелиями, иногда Евангелия с изображением Христа. А потом обсуждал свои впечатления с Рудольфом Штайнером.

— Но я не вижу в этом портрете семитских черт, — говорил я.

— Вы ошибаетесь, — был ответ. — Линия рта и подбородка — семитские, а верхняя часть лица — арийская.

— Так, значит, Чемберлен и прочие правы, когда утверждают, что в Христе есть нечто арийское?

— Конечно. В Нем есть оба начала.

В своих лекциях Штайнер развивал мысль о том, что в далеком прошлом берут свое начало два ниспосланных свыше человеческого потока. Один возник в среде арийских народов, которым суждено искать Божественное Откровение во внешних сферах бытия. Другой сохраняется семитскими народами, которые обращены к Божественному Откровению своей внутренней сутью. Оба эти течения соединяются в

христианстве. Именно это и отразилось в смоделированном Штайнером образе Христа.

— Я долго рассматривал этот бюст и вполне допускаю, что так выглядел Христос Евангелий. Но все-таки одного мне не хватает: выражения доброты.

— Тут вы совершенно правы, — ответил Штайнер. — Я пытался изобразить Христа в момент искушения. Но доброту вообще не удастся передать в скульптуре, из-за отсутствия глаз. Поэтому я попытался вложить выражение доброты в жест поднятой левой руки. Когда-нибудь люди поймут, что под впечатлением этой доброты Люцифер добровольно бросается в бездну.

И он рассказал мне, почему смоделировал этот бюст. Ему стоило больших усилий признаться самому себе, что в Христе Микеланджело проступают черты Люцифера. Поэтому он дерзнул создать новый образ Христа, больше соответствующий действительности, открытой его духовному взору.

Еще один гротескный эпизод рисует Штайнера совсем с другой стороны. Однажды в Дорнахе мне нанес визит чудаковатый швейцарский теолог. Его интересовала антропософия, и он хотел побеседовать со Штайнером. Тот не возражал:

— Пусть приходит вместе с вами ко мне в Мастерскую. Я и ему покажу бюст Христа.

Когда Штайнер принял нас в мастерской и снял покрывало со скульптуры, гость некоторое время молчал, а потом благодушно заметил:

— Я нахожу здесь сходство с немецким кронпринцем.

Черт возьми, подумал я. Интересно, что скажет на это Штайнер?

— Вот как? — ничуть не обидевшись, произнес тот. — Вы находите? И в чем же вы находите сходство?

И беседа, приняв спокойный и дружеский оборот, завершилась естественно и без эксцессов. В такие моменты, когда дальнейшие объяснения казались ему бесперспективными, Рудольф Штайнер умел надевать на себя некую шапку-невидимку. Внешне он сохранял любезность, но свою внутреннюю суть прятал от собеседника в такой тайник, куда не было доступа посторонним. Швейцарец, разумеется, полагал, что сказал нам, немцам, нечто весьма приятное. Я никогда не обсуждал со

Штайнером это происшествие. А он никогда больше не спрашивал меня об этом теологе.

Глядеть на Христа вот так, совершенно объективно, вместе со Штайнером — это было прекрасно. Поначалу и для меня в статуе было нечто чуждое, но, преодолев отчуждение, я уже не мог представить себе Христа иначе. Эта фигура Христа, такая возвышенная, благородная, священная в своей чистоте, намного превосходит все другие изображения. И вдруг я вспомнил, сколько раз мечтал о том, чтобы узнать, как выглядел Христос: ведь это намного усилило бы впечатление от Его слов. Почему же я этого не знаю? И вот опять мои желания были услышаны ангелами. Я припомнил, как часто и как мучительно пытался я постичь слова Христа, и эпизод в Дорнахе показался мне воистину Божественной наградой за все мои тихие старания. А потом я подумал: «Почему мне дано увидеть изображение Христа именно теперь? Имеет ли это значение? Может быть, само мое желание увидеть лик Христа — это тоска по времени, которое любит видимое и обладает для этого особым даром? Оно взыскует полноты человеческих свойств и стремится ее достичь. Что, если дорнахский эпизод — момент выхода времени из материальной сферы в сферу духа? Что, если теперь время может совершенно по-новому понимать дух? Что, если время предсказало: „Я вернусь и буду жить с вами?“» Здесь, перед бюстом Христа в Дорнахе, мои собственные многолетние искания полностью совпали с той помощью, которую могла оказать им антропософия.

Беседы со Штайнером тогда, в Дорнахе, касались, естественно, и совсем других предметов. Прежде всего, мировой войны.

— Можно ли, собственно говоря, знать, каков будет исход мировой войны? — спросил я.

— Вообще-то можно, — ответил он. — Но тогда следовало бы дистанцироваться от всякого соучастия в событиях. А то получается, что мы оккультными методами исследуем эти вещи, а потом позволяем нашему знанию влиять на собственные поступки.

И он с привычной для него тщательностью начертил на листке бумаги карту. Бельгия и северофранцузское побережье были на ней заштрихованы как сфера английского влияния. Еще была заштрихована восточная часть Средиземноморья и Босфор.

— В настоящий момент они сражаются за Россию, но это майя, иллюзия, — заметил он.

Германия на его чертеже уменьшилась на востоке, а на западе потеряла Эльзас и Лотарингию. И именно так выглядела карта после мировой войны. Разве что Германия и немецкая Австрия были объединены.

— Я уверен, — заметил Штайнер, — что такая карта существовала в Англии с начала девяностых годов. Быть может, и раньше. Я еще этого не исследовал. Так оно и будет, если все сложится по воле противников Германии.

Но мне все-таки казалось, что Штайнер тогда ожидал лучшего исхода для Германии. После окончания войны он однажды сказал мне:

— То, что произошло, не обязательно должно было произойти. Но раз так случилось, значит, в этом была необходимость.

Через полгода после разговора в Дорнахе, примерно в мае 1916 года, я задал ему вопрос обо всех имевших тогда широкое хождение прорицаниях. Например, прачка одного генерала в Мюнхене предсказала, что в мае будет заключен мир.

— Эти люди что-то видят, — сказал Рудольф Штайнер. — В ближайшие месяцы дела в сфере духа действительно обстоят так, что может наступить мир. Но наши прорицатели не принимают в расчет разного рода противодействия. Потому-то их предсказания и не сбываются.

Разумеется, разговоры в Дорнахе касались и сугубо личных проблем. И он снова изумил меня, сообщив нечто совершенно правильное обо мне самом.

— Как чудесно, что вы это видите, — вырвалось у меня. Уж слишком сильное потрясение испытал я в тот момент. Но при этом я вполне соображал, о чем говорю. Я хотел видеть, как он среагирует на мое восторженное восклицание.

— Чудесно? — В его голосе прозвучало дружелюбие, но и явное возражение. — Чудеса здесь ни при чем. Такие вещи либо видишь, либо нет. А то, что я знаю, что нынче необходимо христианству... это, ну да, Божья милость.

Душевное движение, которым были продиктованы его слова, проявилось так непритязательно, так свободно и уверенно, что ничего бо-

лее человеческого и прекрасного я не могу себе представить. Подобные сцены снова и снова заставляли меня врасплох. Его исключительность и человечность снова и снова возносили меня на какую-то немислимую высоту. Возможно, есть внутренняя логика в том, что как раз во время этой беседы он сказал:

— Если заглянуть в себя поглубже, открываются вещи, о которых вообще не хочется говорить.

В его словах звучали искренность и скромность, ни тени сентиментальности, самобичевания или тайного самодовольства. Только и можно было сказать: «Вот человек перед Богом. Вот человек, который видит себя в ясном свете и все-таки себя не теряет». В такой сцене присутствует все, что возвеличило протестантизм: самопознание и ощущение Божьей благодати. Но это лишь основа, установка, из коей возникла жизнь, исполненная Откровения. Рудольф Штайнер говорил со мной так искренне не потому, что перед ним сидел протестантский теолог. Таким действительно было его самосознание. Он с самого начала ощущал свою миссию как служение христианству, воспринимал ее как милость, ниспосланную свыше. Глубокое целомудрие не позволяло ему упоминать об этом чаще, чем того требовала необходимость.

Однажды я спросил его:

— Вы всегда думали о Христе так, как думаете сейчас? Даже в то время, когда занимались естествознанием?

— Я помню, что уже лет в двадцать пять в одной беседе я говорил о Нем точно так же. Однако потом мысль о Христе на время отступила, и мне пришлось идти к Нему через все это. Такова была кармическая необходимость.

— Как случилось, что вы, кому столь многое было известно и раньше, до сорока лет хранили молчание об оккультных вещах?

— Сначала мне пришлось завоевать определенное положение в этом мире. О моих теперешних сочинениях можно сказать: бред сумасшедшего. Но ведь есть и мои прежние труды. Их нельзя игнорировать. Кроме того, нужно было ясно обозначить вещи, происходившие во мне, вплоть до формулировок. И только потом говорить о них вслух. Это было нелегко. Признаюсь честно, требовалось мужество, чтобы заговорить об этих вещах публично. Пришлось набираться смелости.

— Вы верите, что антропософия — не просто сильный удар по нашей культуре? Вы верите, что она действительно может пробиться как некая новая культура?

Он воспринял мой вопрос очень серьезно.

— Если человечество не примет того, что предлагается ему сейчас, то ему придется ждать еще сто лет, — сказал он.

Казалось, в эту минуту он испытывал глубокое душевное волнение. Не просто печаль, но предчувствие грозного Суда. Он не сказал больше ничего. Никогда в жизни не приходилось мне видеть, чтобы у человека так долго дрожала душа.

\*\*\*

Где-то в конце 1915 — начале 1916 года я получил запрос из Берлина. Мне предлагали занять выборный сан священника «Новой церкви»<sup>26</sup> и спрашивали моего согласия.

Вероятно, они неверно представляли себе мой образ мыслей. Я написал им об этом. Я писал, что в последние годы сблизился с антропософским движением, что не собираюсь проповедовать антропософию с амвона, что в моих проповедях речь идет о христианстве. Но я оставлял за собой свободу публичных выступлений в защиту антропо-

---

<sup>26</sup> В 1916 г. Риттельмайер был призван в Берлин на наиболее влиятельную протестантскую кафедру Германии в «Новую церковь». Своими проповедями он снискал себе известность, у него были тысячи почитателей. В течение двух лет он не только проповедовал в Берлине, но и выезжал с миссиями в Скандинавские страны, был членом немецкой секции экуменического совета. Ему прочили блестящую карьеру. В результате травмы, полученной в 1918 г., он оказался почти на год прикован к постели. А выздоровев, мечтал связать себя с движением религиозного обновления, активно набравшим силу в то время. Но и будучи пастором Общины христиан с 1922 г., он не утратил своего значения в религиозной жизни Германии: благодаря его личности и авторитету деятельность Общины христиан в Германии была запрещена лишь 9 июня 1941 г. То есть уже после его смерти, притом что Антропософское общество, к которому он принадлежал — и не скрывал этого, — было запрещено в 1935 г. Фридриху Риттельмайеру приходилось вступать в изнурительные переговоры с гестапо, чтобы Община христиан могла продолжать свое существование.

софии, а также, например, свободу вступить в Антропософское общество. Далее я написал, что было бы хорошо, если бы на кафедре берлинской «Новой церкви» стоял антропософски ориентированный священник, однако те, кто приглашают меня занять эту кафедру, вряд ли разделяют мое мнение, поэтому я считаю своим долгом заявить о нем публично. Из Берлина мне ответили, что подтверждают свое приглашение. Для меня очень важно подчеркнуть это обстоятельство. Позже люди часто говорили, что прежний Риттельмайер вполне их устраивал, но позднего Риттельмайера они отвергают. А между тем начиная с 1912 года они вместе со мной, не ведая того, сидели за столом антропософии. Антропософия присутствовала там не столько в обсуждаемых частностях, сколько в той внутренней уверенности, с которой говорилось о высшем мире; в энергии, усиленной внутренними стимулами, в новом отношении к христианству.

И только теперь вопрос о вступлении в Антропософское общество приобрел для меня непосредственную актуальность. Было совершенно ясно: если я сейчас не вступаю в Общество, но вступлю в него позже, это будет не вступление, а переход, ренегатство, измена моим избирателям и общине. Если бы вступление было связано с признанием каких-то догм или теологических постулатов, оно было бы для меня невозможным. Я с большим трудом, еще будучи в лоне церкви, отстоял свою свободу от догматизма. Но вступление всего лишь означало, что я признаю важность гуманитарных исследований, проводимых в духе Рудольфа Штайнера, и право на их проведение. Именно это предполагала новая программа Антропософского общества, озвученная под Рождество 1923 года. От меня требовалось не априорное признание, но принятие всерьез и усвоение гуманитарных истин. А что касается отвергаемого и оклеветанного Рудольфа Штайнера, то встать на его сторону требовал от меня простой долг честности и порядочности.





Итак, теперь возник повод для критической проверки всего моего отношения к антропософии. Пора было принимать определенное решение. А как, собственно, можно понять, действительно ли новая духовность, с ее притязаниями, зиждется на истине? Что, если она — грандиозное заблуждение? Лично мне, чтобы устранить сомнения, необходимо было как можно лучше разглядеть человека, который провозглашал это новое. Я не упустил ни одной возможности составить свое суждение о Рудольфе Штайнере. Мне повезло: как человек я был знаком со многими выдающимися людьми; как пастырь и духовник я сталкивался со многими судьбами и характерами. Так что я мог вполне доверять своему суждению.

В частности, я полагал, что, если в сверхчувственной сфере имеет место склонность к фантазированию и самообману, она непременно обнаружится и в человеческом общении, и в отношении к жизненным реалиям. В противном случае мы столкнулись бы с таким странным и невероятным раздвоением личности, которое не встречается даже у самых рафинированных душевнобольных — или у прямо-таки дьявольских мошенников. Однако я все больше убеждался, что Рудольф Штайнер уверенно и ясно замечает и постигает мельчайшие мелочи жизни. Его поразительное знание человеческой природы каждый раз повергало меня в изумление. Он практически никогда не ошибался в людях, разве что иногда переоценивал их потенциал. Он адресовался к луч-

шему в людях, улавливал самые слабые встречные импульсы. Ему необходимо было поручить своим приверженцам высочайшие миссии, но возложить их было не на кого. Поэтому он выбирал лучших и уповал на лучшее, но, возможно, результаты его не слишком радовали. Так что в каждом таком случае следовало говорить не об ошибке Штайнера, но об осечке его последователя.

\*\*\*

В одном я был твердо уверен: если в самой глубине души человека присутствует высокомерная самооценка и стремление к власти, то долго скрывать это в обыденной жизни невозможно. Я не раз разочаровывался в знаменитостях, когда замечал, что сквозь дыру в их мантии пророка проглядывает гордыня. Какое-то слово, намек, интонация, с которой они говорят о себе, внезапно выдает всю бездну их тщеславия. Ничего подобного ни разу я не замечал в Штайнере. Да, я знаю, такое высказывание с моей стороны может вызвать обвинения в «отвратительном славословии». Или, по крайней мере, в ослеплении. И все-таки, когда вы воочию видели Рудольфа Штайнера, вы, в сущности, получали новые понятия и представления обо всех человеческих добродетелях. Ибо он никогда не выставлял себя напоказ, даже в самом приватном разговоре. Напротив: он прятался там, где мог бы вызвать восхищение, и хотел в определенной степени, чтобы собеседник нашел его.

Общаясь с людьми незначительными, с теми, кто при всем желании не смог бы его понять, он всегда отвечал им точно, обдуманно, вплоть до слова и интонации, но без всякой «дипломатии». Наблюдая это, вы получали новое представление о том, что такое истинная доброта и честность. Я никогда не видел, чтобы внешние преимущества собеседника мешали ему говорить правду и поступать так, как он считал нужным. Он никогда не заискивал перед людьми влиятельными, никогда не пытался извлечь из них пользу или покрасоваться перед ними. Однажды я наблюдал, как он отказал в приеме человеку, который мог быть ему весьма полезным. Я выразил свое сожаление, но он возразил:

— Я не хочу никого использовать.

Почитание со стороны дам портит почти всех популярных ораторов. Оно приводит к фальшивым интонациям в речи, к фальшивым нюансам в самооценке. Отношение Рудольфа Штайнера к своим почитательницам вызывало удивление. Оно отличалось прямо-таки изумительной чистотой. Он не разрушал почитания. Ибо знал, что оно — основа многих высоких чувств. Но он не позволял себе издевательской жесткости. И не терпел никаких тайных вздыханий. Он умудрялся окружать себя людьми, которые почитали его без восторженного обожения.

Я мог бы развить эту тему. Но одни в этом не нуждаются, а другие этого не выносят. Достаточно сказать: чем больше вы узнавали Рудольфа Штайнера, тем с большим доверием относились к его делу. Многое в нем казалось мне странным и чуждым, он был человек совсем другого склада. Именно поэтому я чувствовал себя свободным выносить собственное суждение.

Чтобы внести ясность в вопрос об антропософии, следует говорить не только о личности Рудольфа Штайнера и доверии к нему, но и о его способности ясновидения. Для чего мне придется сослаться на примеры конкретных частных лиц. Было нелегко сочетать деликатное отношение к человеку, порой весьма крупному, с правомерной любознательностью и исследовательским интересом. Штайнер всегда соглашался с таким моим подходом. Он никогда ни прямо, ни косвенно не отвергал и даже не корректировал его. Разумеется, здесь я могу рассказать далеко не все, что мне известно. Но многолетний опыт моих наблюдений все больше устранял всякое сомнение в его высших способностях. Это, конечно же, не является доказательством его непогрешимости и не исключает повторных проверок каждого нового опыта, в том числе и будущими исследователями. И все же первые принципиальные вопросы были сняты, что позволило изменить отношение к истинам, добываемым гуманитарной наукой. Доверие к способностям Штайнера в области ясновидения возрастало медленно, но верно, и не было подорвано никаким, пусть самым незначительным событием.

Дальнейшим и самым крупным шагом в освоении антропософии была моя попытка получить результаты с помощью ее методов. Антропософскому движению всегда предъявляется упрек: у вас есть единственный человек, который видит все эти вещи. А что, если это

всего лишь добрая старая гностика? Для начала предъявите нам нескольких ясновидящих, которые одновременно видят одно и то же. Тогда и поговорим. Но я считаю такие речи попыткой увильнуть от действительной проверки. Разумеется, воспринимать все это умеет лишь один-единственный человек. Никто из тех, кого я знал, не может сравниться со Штайнером. Но разве не может один человек быть намного впереди своего времени? Разве это такой уж необычайный и неслыханный случай в мировой истории? Ведь был же Аристотель? Августин? Гёте? Нельзя опровергнуть великого гения, ссылаясь на то, что ему нет равных. Никто не утверждает, что видел кого-то, равного Рудольфу Штайнеру. Это лишний раз доказывает, что роль внушения в антропософии чрезвычайно мала. Конечно, есть антропософы, которые на собственном опыте познакомились с тем, о чем говорит Рудольф Штайнер. К их числу принадлежал теперь и я. Почти во всех областях, о которых говорил Рудольф Штайнер, у меня имелись скромные начальные знания. Но каждый шаг в сфере собственного опыта делает человека свободным. И эта самостоятельно добытая свобода позволяла мне смотреть на Штайнера со стороны. И кто же мог теперь открыть мне дальнейший путь? Я ведь освоил лишь начала антропософии, получил представление о том, что такое высшие качества человеческого характера, воображение, вдохновение, интуиция, небесные иерархии. Традиционная, официальная наука не имела об этом ни малейшего понятия. То, что мы узнавали об Индии, либо попадало к нам через филологов, которые не имели личного опыта в этой области, либо через теософов, которые слишком отвлекались от современности. Оставался только Рудольф Штайнер. Каждое из его сообщений можно было связать с собственным, пусть начальным, опытом и, следовательно, проверить.

Еще один шаг в сторону антропософии состоял в том, что я попытался проследить ее влияние на жизнь. Чтобы не оставаться в сфере абстрактного, но попасть в сферу духовно-жизненную, я попробовал жить так, словно она права. Ведь ничего не нужно усваивать через силу, но только таким образом, какой подходит человеку. И тогда он сразу заметит оздоравливающее влияние антропософии. Впервые у меня действительно возникло ощущение, что дух и природа находятся в правильном соотношении. Сначала для меня стало очевидным все

убожество бездуховного материализма, охватившего и христианство. И я почувствовал себя действительно здоровым и действительно человеком. Человек может жить по-настоящему, только будучи гражданином двух миров. Имея над собой великий иной мир, человек может стать его обитателем со своими особыми задачами. И только тогда он вполне осознает свое человеческое достоинство.

\*\*\*

Последнее усилие состояло в том, чтобы испытать антропософию на ее адекватность действительности и мышлению, то есть тому, что вообще можно знать и мыслить. Чтобы прийти ей на помощь, сравнивая ее с реальностью, постигаемой другим опытом. При этом часто оказывалось, что поначалу антропософию воспринимали слишком грубо или слишком абстрактно, через призму множества предрассудков. В мои намерения не входит подробно указывать все пути к ее постижению. Но берусь утверждать, что никто из ее противников не приложил и десятой части тех усилий, которые приложил я, прежде чем примкнуть к антропософскому движению. Когда дело касалось настоящего испытания антропософии, ее противники действовали по-дилетантски, предвзято и трусливо. Принято, например, считать, что все, о чем говорит ясновидящий, нужно принимать на веру. Это предрассудок, препятствующий изучению феномена. Нельзя ничего принимать на веру, но нельзя и ничего отвергать без проверки; нужно спокойно допускать различные степени вероятности явлений; свободно строить гипотезы там, где другим нечего сказать; спокойно ждать, пока жизнь и размышления подскажут ответы на вопросы. Если люди сумеют решиться на такой подход, появится возможность постепенно добиться ясности. И выиграть битву за антропософию.

Во всяком случае, я тогда впервые увидел, что такое «мировоззрение». Нельзя же, в самом деле, считать мировоззрением слепую привязанность Эрнста Геккеля к природе или худосочные духовные изречения Рудольфа Эйкена<sup>27</sup>? Даже чисто эстетически штайнерианская

---

<sup>27</sup> Рудольф Эйкен (1846-1926) — немецкий новоидеалистический философ, последователь И. Фихте.

картина мироздания, охватывающая дух и материю, представляет собой нечто грандиозное. Зная хоть что-нибудь об истории, как раз и следует поставить вопрос: где и в какие моменты своей духовной истории человечество уже переживало опыт, подобный опыту Штайнера? Мы знаем имена Аристотеля и Фомы Аквинского. Но здесь, в случае Рудольфа Штайнера, мы имеем нечто большее — соединение обоих великих гениев в одном. Чистый дух целого, многообразная проверка на практике, озаряющее пояснение сотни частных, грандиозное сцепление составных частей, здравый учет природы и связь ее с духовным миром, живая полнота духа в отношении ко всему натуральному... Если бы приложить это все к реальной жизни, то с таким мировоззрением можно было бы жить. Лично я хотел бы оставаться со Христом, с тем, что душой знал о Христе, и смотреть на прочее как на дело вторичное. И христианство, как я его понимаю, тоже могло бы жить с таким мировоззрением. И обрело бы ясность и огромную силу.

Примерно таким было мое настроение, когда я встал перед вопросом, следует ли мне вступить в Антропософское общество.

До сих пор я никогда ни с кем не обсуждал эту проблему, тем более со Штайнером.

Разве что Михаэль Бауэр сказал мне в начале нашего знакомства, что я могу принимать участие во всех мероприятиях, не присоединяясь к Обществу. Теперь я сам обратился с моим вопросом к Штайнеру. Я сказал, что хотел бы вступить в Антропософское общество, но не буду этого делать, если он предпочитает, чтобы я публично выступал в защиту Общества, не состоя в нем. Штайнер ответил:

— Состоите вы в Обществе или нет, не играет роли. Все равно на вас будут нападать.

Вот и все, о чем мы говорили с ним в этой связи. Разве не трагедия, что этот человек считался насильником, гипнотизером, колдуном, искусителем, магом, мистиком, Крысоловом — совратителем современников. А ведь в его обществе так свободно, так легко дышалось и мечталось о будущем. Это непонимание обернулось мучительной трагедией человечества. Разумеется, некоторые из его приверженцев испытывали психологический шок. Антропологические истины часто профанировались. Многие последователи шли за вождем вслепую. Это и есть

трагизм, который таит в себе величие. Каждый великий гений обречен на личную трагедию. Но Рудольф Штайнер всегда давал понять, что ценит людей, способных на свободное и уверенное противостояние его авторитету. Его радовало даже своеобразие, если оно не было вызовом делу. Меня всегда изумляло его умение примирять настоятельную деловую необходимость с уважением к свободе личности. Если он оказывался перед выбором, то неизменно делал выбор в пользу свободы. Ибо он считал, что человечество не построит будущего, если будет возводить его на средневековом фундаменте.

В середине 1916 года я прочитал первую проповедь в Берлине. На следующий день я нанес визит Штайнеру и с удивлением узнал, что он присутствовал на проповеди. Он отозвался о ней благожелательно:

— Я всегда испытываю при этом особые чувства. Органная музыка перед началом проповеди здесь ни при чем. Когда вы потом заговорили, люди еще были разобщены. Но постепенно ваша проповедь объединила их. И в конце возник единый эфирный образ. Вот что было прекрасно. Я рад, что видел это. Я буду приходить чаще, хочу посмотреть, как все это будет развиваться.

В его словах были слышны участие и радость, которые, открыли для меня счастливую перспективу деятельности в Берлине. Но Штайнеру не удалось исполнить свое намерение. Вскоре он посвятил все свое время и силы поискам духовного решения мирового кризиса. Так что я видел его только дважды на церемониях погребения членов Антропософского общества, которые проводил по его рекомендации. После похорон я оба раза задавал ему вопросы. Меня заинтересовало его замечание об «эфирном образе». В обоих случаях у меня лично складывалось впечатление, что нельзя преодолеть равнодушие множества чужих, чуждых друг другу участников траурной церемонии. Их еще как-то трогают берлинские «надгробные речи», эти похвалы усопшему, но религиозные истины их не волнуют. В первом случае Штайнер сказал:

— Среди слушателей возникло несколько эфирных островков. Но это и все.

Во второй раз он сказал:

— С теми, кто непосредственно испытывал страдание, вы установили хороший контакт.

Вообще, я почти не разговаривал со Штайнером о моем пасторском призвании. Я хотел честно и свободно разобраться с самим собой и с антропософскими идеями и стимулами. Уже в юности, будучи молодым теологом, я отдавал себе отчет, что в любой день что-нибудь может помешать моей деятельности евангелического проповедника. Я был готов к этому моменту, и сознание мое было всегда начеку. Но Штайнер никогда не влиял на меня ни прямо, ни косвенно, путем внушения. Мое стремление к свободе немедленно дало бы мне знать об этом. Мне казалось, что он по-своему поддерживал и поощрял меня. Например, когда он говорил о «субстанции», которая имеется в наличии, и о «хороших результатах медитации», которые проявляются в проповеди. Однажды, кажется в 1917 году, я встретил его по дороге на лекцию, и мы прошли вместе несколько шагов. Тогда он сказал:

— Я должен ограничить свою жизненную задачу оккультными делами. Дела религиозные — ваша задача.

Я воспринял эти слова как поощрение, как пожелание продолжать свой путь. Сегодня, оглядываясь назад, я жалею, что снова упустил момент, не задал дальнейших вопросов.

Первая лекция Штайнера для узкого круга, которую я слышал после своего переселения в Берлин, произвела на меня сильнейшее впечатление. Он говорил о Христе в небольшом, изящно обставленном зале Антропософского общества на Гайсбергштрассе. У меня было чувство, что здесь говорят о Христе в присутствии Христа. И здесь было не просто почитание, но благоговейное свободное лицезрение находящегося совсем близко Христа, чье присутствие как бы само собой рождало в человеческом существе благороднейшую молитву. Эта лекция не имела ничего общего с проповедью и ни в малейшей степени не походила на молитву. Это было чисто научное сообщение о фактах высшего мира, добытых исследованием. Оно адресовалось всем, кто мог им воспользоваться. Тем более мощное впечатление производило зрелище человека, которому реальность Христа придает истинное достоинство. Перед нами стоял не священник и не пророк. Перед нами стоял мудрец, постигающий действительность. И позволяющий нам увидеть эту действительность сквозь него, через него, его глазами. Любой, не испорченный предрассудками человек, мог почувствовать, что стоит в свете истины. Тот, кто стоял перед нами, рассказывал о некоем мире,

где обретался он сам. А бесчисленные проповеди о Христе, которые я когда-либо слышал, исчезали где-то на заднем плане, погружались в тень.

— Мы говорим то, что знаем, и показываем то, что видели.

Передо мною было новое благовещение Христа. Наступала новая эра Христа. Поначалу засияли лишь первые, предвещающие ее утренние лучи. Об этом и шла речь в лекции. В словах лектора не было эгоистического желания дожить до обетованного времени. Он просто провозглашал, что оно придет. Те, кому довелось при этом присутствовать, больше не сомневались, что видят перед собой слугу Христа, облеченного Его полномочием.

\*\*\*

В течение двух зимних полугодий — 1916-1917 и 1917-1918 годов — я имел возможность посещать лекции Штайнера, иногда одну, иногда две, три, четыре в неделю. Мне удавалось наносить ему визиты, хоть я и не злоупотреблял этой возможностью. Но, главное, почти после каждой лекции я беседовал с ним в кафе при Антропософском обществе. Обычно он появлялся там, ответив на вопросы слушателей, и некоторое время отдыхал, уютно расположившись в пустеющем зале. В такие часы можно было в непосредственной близости наблюдать за его поведением в непринужденной обстановке. Он с готовностью вступал в разговор и участливо выслушивал все, что сообщали ему собеседники.

Иногда эти часы в некотором смысле тяготили меня. Я чувствовал, что Штайнер еще не исчерпал тему лекции и охотно продолжил бы ее обсуждение. Он даже начинал такой разговор. Но разговора часто не получалось. Мы боялись сказать какую-нибудь глупость и причинить ему боль своим непониманием. Но боялись обидеть его и молчанием. Для нас это было непросто: быстро и уверенно сориентироваться в новых мирах. Мы чувствовали трагизм одиночества этого великого человека, которому нельзя было помочь. Рудольф Штайнер никогда не показывал нам своего разочарования и с благодушным терпением сносил нашу неуклюжесть. Можно себе представить, как иногда стесняло нас его дружелюбие. Однажды на лекции он объявил, что в ближайшее

время не сможет проводить индивидуальные беседы. Но сразу после лекции заглянул в кафе и заметил:

— То, что я только что сказал, ближайших друзей не касается.

Я смутился и сделал вид, что не расслышал. Он с легким нажимом повторил эти слова и внимательно смотрел на меня, пока не убедился, что я его понял.



Теперь, чтобы не терять нити повествования, стоит описать несколько случаев, произошедших в те годы.

В сущности, в то время общественность еще не проявляла большого интереса к Штайнеру. Его самые значительные труды были к тому времени написаны. Круг их читателей далеко не ограничивался членами Антропософского общества. Но никто из людей, имевших авторитет в глазах публики, не обмолвился об этих трудах ни единым словом. Его публикации приговорили к смерти путем замалчивания. Разве что Кристиан Моргенштерн добровольно и убежденно высказал свою приверженность Рудольфу Штайнеру — и не был услышан. Кто станет воспринимать всерьез мировоззрение поэта? Следует напомнить, что и Штайнер сознательно отказался от всех способов коммерческой рекламы. Он не рассылал экземпляры своих книг на рецензии, не заказывал критических статей, не помещал объявлений в газетах и журналах. Рудольф Штайнер сделал ставку на то, что его труды будут признаны благодаря их ценности, и эта его чистая вера в силу духа — прямая противоположность назойливой рекламе, в злоупотреблении которой его упрекают противники. Даже если его друзья совершили ошибку в эпоху «трехчленности»<sup>28</sup>, сам Рудольф Штайнер ничем себя не запят-

---

<sup>28</sup> Речь идет об идее трехчленности социального организма, такой социальной структуры, где три важнейшие сферы — духовно-культурная, политическая и

нал. Как современник и участник событий могу сказать: нельзя смелее и решительней верить в силу духа, чем верил в нее он. И пусть кто-нибудь попробует доказать обратное!

Тогда-то я понял, что настала моя очередь, что если есть надежда быть услышанным, я должен высказаться — пусть в самом узком кругу. Чего стоит весь твой авторитет, если в решающий, поворотный момент человеческой истории ты не можешь бросить на чашу весов свое слово!

И вот после встречи в 1915 году в Дорнахе я опубликовал первую статью в журнале «Христианство и современность»<sup>29</sup>. Статья называлась «Дорнах и Эльмау». В течение двадцати лет, с 1895 до 1915 года, я следил за творческой судьбой Иоганна Мюллера. Я выступал в его защиту уже тогда, когда ни консистория, ни теологический факультет еще не принимали его всерьез. Не отрицаю, что в то время я ожидал от него большего, чем ему удалось осуществить. Его опыт ощущения в себе высшего человеческого «Я», его указание на высшую реальность и на орган ее постижения вызывали предчувствие новой эпохи в религии. Но как раз поэтому, как раз потому, что я ожидал от Мюллера слишком многого, я крайне осторожно относился к Рудольфу Штайнеру. После поездки в Дорнах я почувствовал, что мне необходимо съездить в Эльмау к Иоганну Мюллеру, чтобы провести живые сравнения, прочертить уверенные духовные линии, привести в полную ясность внутренние противоречия. И эта моя первая статья об Иоганне Мюллере и Рудольфе Штайнере была всего лишь пробой пера.

---

экономическая — развиваются на принципах автономности, т.е., например, исключено непосредственное участие политических властей в экономике и культуре. В 1917-1923 гг. Рудольф Штайнер прочитал несколько серий лекций на эту тему и предпринимал попытки осуществить идею социальной трехчленности, в личных встречах разъясняя значительным политикам ее важность для выхода из послевоенного кризиса. (См. также: Штайнер Р. Трехчленность социального организма, демоны Запада и Востока и новое восприятие Христа. Ереван: Лонгин, 2010.)

<sup>29</sup> Ежемесячный журнал «Христианство и современность» (Christentum und Gegenwart), издававшийся Ф. Риттельмайером с 1910 г., сыграл не последнюю роль в распространении его проповедей и идей по всей Германии. Благодаря этой деятельности он снискал популярность далеко за пределами Нюрнберга.

Журнал «Kunstwart» («Куратор») показался мне подходящим изданием для обращения к общественности. К тому времени я уже опубликовал в нем несколько небольших религиозных сочинений и пользовался некоторым авторитетом. Мне было важно только одно: чтобы публика начала наконец замечать антропософию и принимать ее всерьез. О моем намерении Штайнер узнал только перед публикацией, когда я попросил разрешения прочесть ему статью, чтобы избежать неточностей. Он охотно согласился. Во время чтения я внимательно следил за его реакцией. Он слушал совершенно беспристрастно, спокойно, не выражая никакой особой заинтересованности. Статья заканчивалась фразой, которая должна была пробить брешь в глухой стене молчания: «Однажды в веймарский дом Ницше, чей разум уже угас, явился молодой человек, которого Ницше не узнал. Наверное, его спокойные, широко открытые глаза смотрели куда-то мимо, в пустоту. Куда? Может быть, он искал в этой пустоте своего сверхчеловека? Может быть, будущие поколения вспомнят эту встречу как странный символ человеческой истории?»

Прочтя эти строки, я пристально поглядел на Штайнера. А он, к моему изумлению, с некоторым любопытством спросил:

— И кто этот молодой человек?

— Да ведь это вы, господин доктор! — воскликнул я.

— Ах так, — промолвил он. — Это было не в Веймаре, это было в Наумбурге.

Из-за географической ошибки он даже не заметил, что речь шла о нем самом. И только когда ошибка была исправлена, он спокойно занял свое почетное место в истории. Такова была его совершенная непринужденность и одновременно совершенная уверенность в себе. Если секунда за секундой наблюдать движение ресниц, можно, в общем-то, сказать, что происходит в человеке. Мне показалось, что хор духов прошептал: «Воистину, так оно и есть! И тот, кому ты это сказал, и есть истина!» Но с тою же легкостью и свободой, с какой Рудольф Штайнер воспринял свой исторический титул, он тут же переменял тему. Его лицо, обычно такое бледное, что, казалось, было видно, как под смуглой кожей струится кровь, едва заметно просветлело, и он сказал задумчиво:

— Ваша статья — поступок. Написав ее, вы в самом деле рисковали. Вам этого не простят. Но статью-то уже не спрячешь.

Редакционный совет журнал «Kunstwart» все-таки решил ее печатать, но при условии, что я вычеркну все начало. Но даже и в таком изуродованном виде она, насколько я знаю, была воспринята многими как веха, указывающая путь к антропософии.

Вскоре после этого я засел за статью для журнала «Christliche Welt» («Христианский мир»), для которого уже писал прежде. Чтобы лучше сориентироваться в материале, я попросил Штайнера рассказать мне кое-что из его биографии.

— Приходите, — отозвался он. — Расскажу все подробно.

Когда я пришел, он спросил:

— Вы не будете возражать, если я приглашу мою супругу?

Его рассказ продолжался намного дольше часа, и я старался как можно реже прерывать его своими вопросами. Он рассказал, что уже в ранней юности обнаружил в себе склонность к ясновидению, когда одна знакомая дама сообщила ему о собственной смерти прежде, чем об этом стало известно от других лиц. Впрочем, биография Штайнера уже вышла из печати, и в ней сказано все, что он сам хотел сообщить общественности. Кроме того, можно прочесть книгу «Мой жизненный путь»<sup>30</sup>, где изложено, пусть не так доверительно и детально, все, что он мне тогда рассказал. На меня произвел сильное впечатление его рассказ о своих учителях. Выдающиеся люди духа, интеллектуалы, совершенно неизвестные широкой публике, пересекали его жизненный путь в нужном месте и в нужный час, помогали распознать и развить его способности. В известной степени они открывали ему его жизненное призвание, патронировали его миссию. И хотя Рудольф Штайнер не сформулировал этого прямо, все равно возникало ощущение, что такая жизнь была предначертана свыше, что в нужный момент появлялись неожиданные помощники, что все было predetermined и складывалось как бы само собой. Осуществлялся некий проект, некое предприятие, которое мудро и компетентно вмешивается в историю человечества. Внешний мир не имеет об этом понятия. Жизнь лидера,

---

<sup>30</sup> Незавершенная автобиография Рудольфа Штайнера. Имеется русский перевод. Штайнер Р. Мой жизненный путь. М.: Эвидентис, 2002.

предводителя всего человечества имеет свою миссию в высшей сфере. Это произведение искусства, над которым совместно трудятся ангелы и люди. Странно было слышать из его собственных уст слова о том, что такие тайные вожди человечества действительно существуют, что они прозорливо и властно распоряжаются историей человечества. Если вы помните о вмешательстве Неведомого в жизнь Якоба Бёме<sup>31</sup>, о появлении «друга Божьего»<sup>32</sup> в жизни Таулера<sup>33</sup>, то можете составить представление о тогдашнем рассказе Штайнера. Я никогда не забуду, как восторженно отозвался Штайнер об одном из своих наставников: «Очень крупная, очень значительная личность!» Казалось, говоря это, он долго смотрел вслед своему учителю. И в его взгляде было то почтение, какое один великий мудрец питает к другому великому мудрецу.

Мастер спас его однажды — в тот самый момент, когда ученик готов был совершить «поступок, грозивший ему гибелью». На мой вопрос, жив ли еще один из его учителей и видится ли с ним Штайнер, я услышал ответ: «Мне это не нужно». Он обладал способностью в любой момент устанавливать духовный контакт с тем или иным челове-

---

<sup>31</sup> Якоб Бёме (1575-1624) — немецкий философ-мистик. В 1610 г. описал свои озарения в книге «Аврора, или Утренняя заря в восхождении».

<sup>32</sup> «Божий друг» из Оберланда — некий «мирянин», или «друг Божий», пришедший к «учителю» (Иоганну Таулеру), проникнутому истиной, но только рассудочно, для того чтобы познакомить «учителя» со своим способом постижения истины как «жизнью в духе». И тогда «учитель» стал «живым в духе» и более не поучал паству, а вводил в новую жизнь. Научные споры о том, существовал ли на самом деле этот «мирянин», закончились ничем. История о нем изложена в «Книге учителя», напечатанной вместе со старейшими изданиями проповедей Таулера. (См. подробнее в кн.: Штайнер Р. Мистика на заре духовной жизни нового времени. Ереван: Ной, 1993.)

<sup>33</sup> Иоганн Таулер (ок. 1300-1361) — монах-доминиканец, ученик Мейстера Экхарта. Исповедник и проповедник в Страсбурге и Базеле. Был связан с кругом набожных людей, называвших себя «друзьями Божьими», добровольно отказавшимися от богатства, жившими в общине по принятым ими, практически монастырским правилам.

ком. Внешнее присутствие собеседника не было столь важным. Как-то во время одного разговора я не удержался от вопроса:

— А где теперь обретаются призванные свыше люди, которые, подобно вам, посвятили себя человечеству?

— Теперь все зависит от того, воспримет ли, уловит ли человечество путем мышления высшие истины. Может быть, встретив сегодня таких посвященных, вы не найдете в них того, что ищете. Они сделали свое дело прежде, в более ранних воплощениях. А теперь нужно одухотворить мышление человека.

— А вы не чувствуете себя одиноким, выполняя свое жизненное предназначение? — спросил я, вспомнив о дистанции, отделяющей его от нас, всех прочих.

— Я не чувствую себя одиноким, — спокойно возразил он.

Вот и все, что я хотел рассказать о тех моментах, когда мне было позволено заглянуть за кулисы такой жизни.

Напомню еще о моей статье «Теософия Рудольфа Штайнера» в журнале «Christliche Welt». Штайнер просил меня с благодарностью упомянуть в ней Людвига Лейстнера<sup>34</sup>, который развивал идеи, близкие к теософским. Я сделал к статье соответствующее примечание. Когда статья вышла в свет, Штайнер сказал:

— Если в наше время существует хотя бы пять таких перьев, как ваше, мы пробьемся!

В его словах звучала радость. Ему понравился сдержанный тон статьи, которая опять-таки требовала от людей только одного: принимать всерьез и проверять. Но когда появилась враждебная мне статья Иоганна Мюллера, в которой он весьма эмоционально и настойчиво предостерегал против антропософии, Штайнер действительно очень огорчился.

— Наконец-то удалось публично сделать хоть что-то для антропософии. И вот является этот человек и снова все уничтожает.

— Я напишу еще одну статью против него, — сказал я.

— В самом деле? Вы собираетесь ее написать?

---

<sup>34</sup> Людвиг Лейстнер (1845-1896) — немецкий литературовед, автор книги «Загадка сфинкса».

Казалось, он не слишком надеялся на успех. Полемическая статья против полемической статьи — самое неблагодарное дело. Она уже никому не интересна. В чем я и имел случай убедиться на примере моей второй статьи против Мюллера.

Отлично помню, что в то время Штайнер как бы повысил меня в ранге. Его одобрение выражалось не столько в словах, сколько в доверительной манере обращения.

— Раз уж вы написали такую хорошую статью, можете приводить на мои лекции для узкого круга любого человека по вашему выбору, не спрашивая моего позволения.

Так что я смог проложить путь к антропософии многим моим берлинским друзьям, таким как Рудольф фон Кошуцкий<sup>35</sup>, Эмиль Бок, Эберхард Куррас<sup>36</sup>. Были и другие, которых антропософия не привлекла. Штайнер каждый раз предвидел и предсказывал их реакцию с поразительной точностью:

— Не думаю, что такой-то к нам присоединится. Ему помешает его интеллектуализм.

---

<sup>35</sup> Рудольф фон Кошуцкий (1866-1954) — один из основателей Общины христиан. Во время Первой мировой войны работал корреспондентом. Его полные юмора и жизнелюбия публикации всегда вызывали интерес у читателей. В 1916 г. познакомился с Фридрихом Риттельмайером, затем, в 1917 г., — с Рудольфом Штайнером. Потомственный крестьянин, он с энтузиазмом воспринял идею биодинамического сельского хозяйства и помогал его становлению. В 1921 г. познакомился с группой молодежи, выступавшей за религиозное обновление. Прослушал теологические лекции Рудольфа Штайнера и стал основателем Общины христиан. Написал ряд книг.

<sup>36</sup> Др. Эберхард Куррас (1897-1981) — один из основателей Общины христиан. В сентябре 1917 г. вместе с сокурсником по Берлинскому университету Эмилем Бокком попал на лекции Рудольфа Штайнера о Мартине Лютере и стал заниматься антропософией. Позже оба они оказались в рядах молодежи, ратовавшей за религиозное обновление, в 1922 году участвовали в основании Общины христиан. Впоследствии Эберхард Куррас читал антропософские лекции, в которых делился своими тонкими наблюдениями, проводил курсы на семинаре священников Общины, написал ряд книг.

К моему удивлению, в одной из своих публичных лекций он упомянул ту самую мою статью в журнале «Christliche Welt», которая сегодня кажется мне ничем не примечательной. После лекции он спросил:

— Вы не сердитесь, что я упомянул вас? Так оно должно быть, коль скоро мы теперь сотрудничаем.

Это разумелось само собой и делало мне честь, но он все-таки как бы попросил моего согласия.

В то время я написал еще одну статью: «Макс Дессуар<sup>37</sup> и Рудольф Штайнер». В своей книге «По ту сторону души» берлинский ученый Дессуар затронул именно те области, в которых Штайнер ориентировался как никто другой. Статью-то я написал, но предстояло еще найти журнал, который согласится ее напечатать. Вот когда мне стало ясно, насколько важным было для Штайнера публичное непредвзятое высказывание об антропософии. Он немедленно назвал мне полдюжины журналов, которые могли бы поместить мою статью. Он считал, что это было бы «хорошо». В частности, он тогда назвал журнал «Preussische Jahrbücher» («Прусские ежегодники»). Я принес им свою статью, но потерпел полную неудачу. По мнению редакции, статья слишком заостряла внимание на противоречиях между Дессуаром и Штайнером; дескать, читателя значительно больше интересует, в чем они согласны друг с другом. А главное, что может сказать о Рудольфе Штайнере такой великий интеллектual, как Дессуар. Если я соглашусь переделать статью в этом ключе, заявили мне в редакции, они ее напечатают. Я понял, что дело безнадежное.

Мне все-таки удалось опубликовать эту статью в «Süddeutsche Monatshefte» («Южно-германские ежемесячники»), но потом для меня как приверженца Штайнера двери всех редакций закрылись. Еще недавно меня с радостью принимали во всех журналах, а теперь лишили слова, не говоря уж о заказах на статьи по антропософии, в которой я уже разбирался как эксперт.

Не хочу описывать здесь все подробности бойкота. Да это и неинтересно. Приведу лишь один характерный пример. Фридрих Гогар-

---

<sup>37</sup> Макс Дессуар (1867-1947) — немецкий эстетик и психолог, профессор Берлинского университета.

тен<sup>38</sup>, которого тогда вся Германия возносила до небес как нового пророка, опубликовал во «Frankfurter Zeitung» ехидную и некомпетентную статью о Штайнере. Моя же деловая полемическая статья была отвергнута с таким обоснованием: «Мы неоднократно помещали материалы о Штайнере и будем впредь заниматься этой проблемой. Но не требуйте от нас такого ее освещения, которое противоречит точке зрения редакции. Разумеется, мы весьма толерантны, но не настолько же, чтобы пересматривать свои убеждения». А с того момента, как идея трехчленности всколыхнула против Штайнера политические и экономические страсти, на него обрушился град полемических сочинений. Одни его хвалили, другие проклинали, третьи предавали анафеме и его, и его друзей. Общественное мнение вынесло ему не подлежащий обжалованию обвинительный приговор. Ведь общественное мнение всегда непогрешимо. Как римский папа.

Череда этих событий завершилась книгой «Дело жизни Рудольфа Штайнера». Мне не давали покоя его слова: «Если теперь найдется хоть пятеро...» Я хотел найти этих пятерых (или больше) единомышленников и объединить для совместной акции в пользу Рудольфа Штайнера. Внешний повод для проведения акции давало его шестидесятилетие. Пусть человечество в этот день снимет с себя часть вины перед ним.

В то время я был очень болен и свою часть книги диктовал на одре болезни, не зная, встану ли с него. Оставить воспоминания о Штайнере значило для меня выполнить свой долг перед человечеством, и я спешил продиктовать текст как свое завещание. О том, как воспринял Штайнер столь лестные отзывы, можно судить по тем строкам, которые я цитирую ниже. Это, в общем-то, единственное, о чем мы со Штайнером говорили в связи с книгой.

---

<sup>38</sup> Фридрих Гогартен (1887-?) — теолог, с 1933 г. профессор в Гёттингене, ученик Э. Трёльча. Представитель реализма веры, отклоняющего всякое «философское толкование человеческой экзистенции».

«...От имени антропософского движения я сердечно благодарю Вас за Вашу книгу. Она, без сомнения, составлена так, что не останется без внимания в кругу тех, кому предназначена. Сказанное в ней по существу дела, безотносительно к моей особе, станет известно миру и принесет неизмеримое благо человечеству. Судьбе было угодно возложить на меня участие во всем, что происходит вокруг антропософии и благодаря ей. Как бы ни гневались мои противники, я не могу поступать иначе. Наше время таково, что как раз правота вызывает самую злобную враждебность. Ваш очерк о моих суждениях, высказанных во время войны, был, разумеется, вполне оправданным. Но он отзывается во многом, что теперь предпринимают мои противники. Только они не могут это сказать и должны говорить нечто иное, часто самим себе, но в большинстве случаев другим. То же самое произойдет и со многими суждениями Вашей книги. Она вызовет гнев и раздражение в самых широких кругах. Но вы не должны опускать руки. Эта книга возникла в ответ на вопрос: что должен думать современный теологически образованный и религиозно искренний человек об антропософии? Таково мое впечатление, которое, к слову сказать, сложилось в момент, не слишком для книги благоприятный. Потому что с тех пор, как книга через вас (за что я вам сердечно благодарен) попала в мои руки, у меня совершенно не осталось времени на творческую работу. В сущности, антропософское движение еще только начинает оказывать воздействие. Главная забота состоит в том, чтобы организовать, сформировать само движение. Меня все сильнее волнует эта проблема. Например, курс лекций, который я прочел для здешних врачей, — станет ли он началом антропософского подхода к медицине? То, о чем я им рассказал, лишь первичные элементы, а то, что должно за этим последовать, подобно высоченной башне. Задачи встают огромные, а времени на все не хватает. Это всего лишь объективное описание фактического положения вещей. Иначе и быть не может. Пусть мои замечания не покажутся вам горьким вздохом разочарования. Я говорю о том, что должно произойти. Я не жалею о том, что столь многое не происходит.

Дорогой мой, уважаемый доктор, вы тоже опубликовали книгу в неблагоприятное для вас время. Но болезнь доставила вам досуг, и вы сделали книгу намного лучше, чем в добрые времена, когда у вас было

полно сил и мужества, но вы были слишком перегружены работой. Поэтому я еще раз благодарю вас от имени движения.

Искренне Ваш Р. Ш.»

Три года спустя, на одном из заседаний Рудольф Штайнер сказал, что выход в свет этой книги «сильнее всего повлиял на знакомство общественности с антропософией». Те, кто работали над книгой, могли ею гордиться.

Большое и неожиданное впечатление произвел на меня Штайнер во время Первой мировой войны. Пока шла война, каждая его лекция для узкого круга начиналась с фронтовых сводок об участвующих в боях и павших на поле битвы. Он всегда сам произносил вступительное слово, в котором жила энергия мысленной помощи. Он создавал свои формулы-медитации, стремясь духовно поддержать воюющих, санитаров, тех, кто оставался дома.

О его лекциях в первый год войны я уже говорил. В более поздние годы он больше не читал таких лекций. Я как-то спросил его о причине, и он ответил:

— Теперь мне пришлось бы сказать то, о чем говорить я не имею права.

Вот почему он пытался помочь страждущим другим способом. Он следил за событиями с таким живым участием, сообщал такие подробности, что впору было спросить себя: неужели он прочел все это в газетах? Или видел воочию? Когда он рассказывал о людях на войне, вы словно видели все своими глазами. Всемирная миссия средневропейского духа — вот идея, которая захватила и пронизала его до глубины души. И больше всего на свете он боялся ее профанации. Он боялся, что ее заболтают прежде, чем осуществить. Его любовь к германской мировой миссии была сопряжена с надеждой и заботой. В этой любви не было восторженности, но в ней присутствовал дух. Само собой разумеется, что о других народах никогда не было сказано ни одного несправедливого, тем более враждебного слова. Штайнер не был узколобым националистом, но не был и твердолобым пацифистом. Эпоха пацифизма, считал он, это эпоха великих войн. Но он заложил основы для сосуществования народов в будущем. В стране, где проис-

ходили заседания Лиги Наций, возник Гётеанум<sup>39</sup>, проект, в котором во время войны сотрудничали более двенадцати стран.

В июле 1918 года американский президент Вильсон провозгласил свою программу «14 пунктов». Для Штайнера она означала новый этап его участия в войне:

— Теперь духовное слово должно прозвучать из уст Центральной Европы. Если этого не произойдет, мы поддадимся программе Вильсона. Он намного опаснее, чем думают в Германии. Эти четырнадцать пунктов погубят Центральную Европу. Нужно возразить американцам с тех духовных позиций, которые правильны для Европы. Иначе американцы победят.

Еще перед последним наступлением он сказал одному моему другу:

— Вильсон принесет Центральной Европе великое несчастье — и ничего не достигнет.

Если уж там, за океаном, полагал он, выдвигают духовные аргументы, то и здесь, в Европе, должен сказать свое слово дух. И в этом он чувствовал свое призвание. Как раз тогда он однажды после лекции рассказал, как энергично в западных странах используются оккультные средства, предлагаемые разного рода профанами.

— Если ложный оккультизм действует так активно, то, может быть, оккультизм настоящий тоже должен сыграть свою роль? — спросил я.

— Да, — сказал он. — Вот я и пытаюсь, даже теперь, сделать что-то в этом направлении.

— Что же должно произойти?

— Должны произойти события двоякого рода. Во-первых, пора ясно и открыто предать гласности то, что способствовало началу войны. Час за часом. Заверения Бетмана здесь не помогут. Им можно верить, а можно и не верить. Но если объяснить все, что тогда произошло, на-

---

<sup>39</sup> Деревянное здание первого Гётеанума (1914-1922) строилось в Дорнахе как центр Антропософского общества и место постановки драм-мистерий Рудольфа Штайнера. Здание сгорело в результате поджога в новогоднюю ночь с 1922 на 1923 г. Затем на этом месте было построено бетонное здание второго Гётеанума, где находится руководство Антропософского общества и Высшей школы духовной науки.

звать вещи своими именами, мир увидит, что Германия не была столь изощренной и коварной, какой ее считают, что ее вина не столь велика. Но это лишь одна сторона дела. Дальше необходимо обсудить будущие отношения между странами Центральной Европы. Необходимо принять в расчет исторически сложившуюся ситуацию, сформулировать правила и организовать ответственный порядок, при котором можно жить. Если бы это произошло, мир увидел бы, что политики Антанты, хоть и не скажут ничего вслух, но немедленно изменят свой курс. Вот увидите: в Центральной Европе существует духовная власть, с которой не так-то легко расправиться. Европейские государственные деятели должны бояться, что их собственные народы разберутся в том, что происходит наверху, и потребуют своей доли военных трофеев. Сейчас нужно действовать решительно и великодушно. Народы Австрии оценили бы великодушие. Если у нас в самом деле возможно такое, то нам нет резона заключать союз с Россией. Немецкие рабочие тоже могли бы вернуть свое доверие государству, если оно прежде всех даст им настоящую свободу. Народы Антанты почувствовали бы это и смогли бы сказать себе: «Мы ошибались; оттуда, из Германии, с нами говорит грядущее время; мы должны в этом разобраться».

Только так удалось бы благополучно выйти из мировой войны.

Вскоре после этого разговора Рудольф Штайнер дал мне машинописную копию рукописи, которую он с помощью друзей пытался передать ведущим государственным деятелям Германии и Австрии. Менее всего он руководствовался при этом личным честолюбием. Ведь он знал, как помочь делу. Разве имел он право молчать?

Когда я спросил, чем могу быть полезным в этом деле, он ответил:

— Теперь статьи в журналах не играют роли. Все решают государственные мужи, стоящие у власти. Нужно поглядеть, какие здесь открываются возможности.

В то время антропософы, в том числе и я, писали письма влиятельным политикам, предупреждая их о серьезности ситуации. К сожалению, все было напрасно. Я много раз видел, каким измотанным возвращался Штайнер после бесед с этими государственными мужами. Один сказал ему:

- Может, вы и правы. Но ко мне обратились не по адресу.
- Но ведь вы обязаны сделать это по долгу службы.

— Вы предлагаете предать гласности все действия, события и процессы, которые привели к войне. Но это приведет к отречению кайзера.

— Тогда пусть оно произойдет. Лучше теперь, чем позже, — ответил Штайнер.

Однажды я встретил его страшно возбужденным, с газетой в руках.

— Этот Бетман-Гельвег<sup>40</sup> снова выступал с идиотской речью. Она отодвинет заключение мира еще на полгода. Ни единого конкретного слова о Бельгии. Все бесполезно. Помогает только политическое деяние.

В мое сознание глубоко врезался один разговор, который мы вели со Штайнером у него в кабинете где-то в первой половине 1917 года. Уже произошло знаменитое отступление Гинденбурга<sup>41</sup>. Все в Германии восхищались стратегической дальновзоркостью новых вождей. А что, собственно, думал об этом Штайнер?

— Ведь это же просто счастье, — начал я. — Теперь у нас есть и Гинденбург и Людендорф<sup>42</sup>.

Лицо Штайнера оставалось неподвижным и непроницаемым.

— Ну что ж, — медленно произнес он. — Гинденбург — старый человек. Ему удалось это дело на Мазурских озерах. Вы же знаете, главный в этом деле — начальник генерального штаба.

---

<sup>40</sup> В Германии с августа 1916 г. с переходом главного командования в руки генералов Гинденбурга и Людендорфа вся власть фактически перешла к военным. Канцлерство Бетман-Гельвега закончилось 14 июля 1917 г., Михаэлиса — 1 ноября 1917 г., Гертлинга — 30 сентября 1918 г.

<sup>41</sup> Пауль фон Гинденбург (1847-1934) — военный и политический деятель, президент Германской республики с 1925 по 1934 г. По убеждениям монархист. С 1914 г. был главнокомандующим на Восточном фронте, с 1916 г. — начальник генштаба, фактически главнокомандующий германской армии.

<sup>42</sup> Эрих фон Людендорф (1865-1937) — германский генерал. В 1914-1916 гг. начальник генштаба на Восточном фронте, затем первый генерал-квартирмейстер при Гинденбурге. В 1924 г. депутат рейхстага. Один из идеологов германского милитаризма. Активный поборник развертывания новой мировой войны, автор концепции «тотальной войны».

Вообще-то говоря, я тогда этого не знал, но продолжал спрашивать:

— Значит, Людендорф теперь — счастье для Германии?

Но в этот момент во мне уже шевельнулось сомнение. Штайнер посмотрел на меня задумчиво и серьезно.

— Иметь таких генералов — не в интересах Германии! — промолвил он.

— Что вы хотите этим сказать? — поразился я.

— Ну что, оба они теперь дали задний ход, понесли такие потери. Тот, кто может оценить, что они означают для будущего Германии, может сказать только одно: иметь таких генералов — не в интересах Германии.

Вот когда я испытал настоящий шок. Вспоминая сегодня тот разговор, я думаю: Кто в тогдашней Германии столь же ясно провидел будущее? Я каждую неделю беседовал тогда с учеными из университетских кругов. Их считали духовными вождями интеллектуальной элиты. Какими же они оказались наивными слепцами по сравнению со Штайнером! Его не обманули и военные успехи высшего германского командования. Он вовсе не считал их такими уж значительными. Но он также полагал, что эта война не предоставляет полководцам возможности принятия великих стратегических решений. В этой войне, в отличие от прежних войн, все зависело от материалов и массы. А сколько политических перегибов допустили наши военачальники! Штайнер совершенно справедливо говорил:

— На них даже злиться не стоит. Они делают хоть что-то. А другие вообще ничего не делают.

В середине 1917 года произошло странное событие, о котором я хочу здесь рассказать, так как оно представляет интерес для историков. Когда Кюльман<sup>43</sup> ушел в отставку, Штайнер начал свою лекцию так:

— Вы всегда хотели узнать о предсказаниях, которые потом сбылись. Ну вот, кое-что я вам расскажу. Я вспомнил о том, что дух генерал-фельдмаршала Мольтке (не начальника генерального штаба, а его дяди) пытается теперь добиться заключения мирного договора. Так вот: прочтем речь Кюльмана. Кюльман неоднократно цитирует старого

---

<sup>43</sup> Рихард фон Кюльман — секретарь по внешнеполитическим делам.

Мольтке. Дело в том, что Кюльман обещал в своей речи ничего не говорить о мире. После речи к Кюльману подходят люди (не буду называть их имена) и упрекают в том, что он не сдержал обещания. На это Кюльман отвечает, что сам не знает, как это вышло.

И Штайнер, не опуская шокирующих подробностей, описал физическое состояние Кюльмана: в то утро тот находился в подавленном и сумеречном состоянии души и был особенно подвержен сверхчувственным воздействиям. Они-то и вызвали его злополучную речь.

Летом 1917 года я снова встретил Штайнера с газетой. Он всегда следил за прессой самых разных направлений.

— Вы уже прочли о мирной акции римского папы? — спросил я.

— И что теперь, по-вашему, произойдет? — спросил Штайнер.

— Ну, я думаю, что эта новая мирная акция еще больше усилит усталость от войны. Вот, пожалуй, и все.

— Вы недооцениваете влияние папы, — возразил он.

В этом вопросе Штайнер немного ошибался. Он связывал с папой ожидания более оптимистичные, чем те, что сбылись. Но теперь мы знаем, что в принципе он был прав. Сегодня известно, что в тот момент возникла серьезная возможность заключения мира. Если бы рейхстаг был правильно сориентирован в ситуации, все могло произойти совсем иначе.

Когда рейхсканцлером стал Михаэлис, я высказался, вопреки общему мнению, в том смысле, что и Михаэлис на этом посту — человек неподходящий.

— Неподходящий, — согласился Штайнер. — Но самое лучшее в нем то, что он хотя бы временно занимает то место, на которое явится другой, еще менее подходящий.

— И кто же это? — полюбопытствовал я.

— Гертлинг, — был ответ. И когда позднее Гертлинг все-таки стал рейхсканцлером, доктор Штайнер сказал: — Вот это уже преступление — иметь таких рейхсканцлеров.

Правительство Керенского было свергнуто.

— И теперь мы заключим мир с Россией?

Рудольф Штайнер покачал головой.

— Мир с Россией нужно было заключать самое позднее в августе 1917 года. Теперь уже слишком поздно.

Крутой поворот 1917-1918 годов огорчил Штайнера. Его оценка событий становилась все безнадежнее.

— Мир нужно было заключать в 1916 году. В 1917 году мир еще был возможен, при условии осуществления щедрой и великодушной духовной программы. В 1918 году мир уже вообще нельзя заключить. Конечно, внешнее заключение мира рано или поздно произойдет. Но это будет не такой мир, какой заключали прежде. Война продолжится, только в другой форме.

Я вспоминаю одно из высказываний Штайнера в начале войны: «В 1916 году война закончится». Эти слова сбылись, хоть и не так, как мы тогда думали.

Штайнер чрезвычайно серьезно относился к опасности с Востока.

— И эти горе-политики воображают, что они переправят большевизм в Россию, перевезут через Германию в закрытом вагоне большевистских вождей, а большевизм остановится на границах их страны?

Мир, заключенный в Брест-Литовске, глубоко взволновал Штайнера. Никогда прежде я не видел его в таком возбужденном состоянии. Я встретил его на улице, когда он шел читать свою лекцию.

— Что вы думаете об этом мирном соглашении? — спросил он.

— Оно мне совсем, совсем не нравится, — сказал я. — Но теперь у нас, по крайней мере, есть хоть какой-то проблеск на востоке. И может быть, после заключения всеобщего мира удастся загладить теперешние бесчинства военных.

— Этот договор ужасен, — сказал Штайнер. — Просто ужасен. Когда-нибудь вы увидите, как это воздействует на умерших. И как раз на тех, кто близок нам и сам участвовал в событиях. Это как взрыв! Это отбрасывает их назад. Ужасно! Все теперь действительно летит в хаос!

И с этого момента Штайнер, кажется, утратил всякую надежду на сколько-нибудь приемлемый исход войны.

Весеннее наступление 1918 года пробудило во многих немцах, да и во мне новые надежды. Штайнер не питал их ни секунды.

— Как вы думаете, — спросил я, — мы дойдем до Кале?

— Дойдем, конечно, — отвечал Штайнер. — Но я не вижу, чем это нам поможет. Таким образом война не закончится.

Это замечание насчет Кале было второй промашкой Штайнера во время войны. Я не собираюсь о ней умалчивать, но она не значит ниче-

го по сравнению с потрясающей ясностью его взгляда. Он фиксировал сотни вещей, на которые никто тогда не обращал внимания. Я не замалчиваю и не приукрашиваю ничего существенного. Каждый читатель может составить собственное суждение о том, выдержали ли познания Штайнера испытание последующих лет.

Что я вижу сегодня, оглядываясь на те годы? Четырнадцать пунктов Вильсона, меры, которые необходимо было принять в немецкой ситуации, возможности заключения мира, личности лидеров, значение отдельных эпизодов, развитие событий в России. По сравнению с политической проницательностью Штайнера все остальные эксперты, с которыми я беседовал, и даже весьма высокопоставленные, кажутся мне слепцами, лунатиками, грезящими наяву. Штайнер на самом деле видел и понимал, что следует делать. Все прочие, без исключения, пробирались сквозь события ощупью. В первые месяцы 1917 года, когда Рудольф Штайнер появился на общественной сцене, он произвел очень странное впечатление. Из мрака неизвестности выступает некий человек. Он отправляется к государственным деятелям Центральной Европы и указывает им путь к спасению. Сегодня ясно видно, что указанный им путь был единственным. Деятели его выслушивают и даже в чем-то с ним соглашаются. Но ни у кого не нашлось ни силы, ни отваги, чтобы совершить подвиг спасения. Рудольф Штайнер не желал ничего для себя лично. Он согласился бы оставаться в тени и бескорыстно помогать людям на ответственных постах. Но для помощи нужны двое: тот, кто помогает, и тот, кто позволяет себе помочь. Люди верующие могли бы сказать: это как усиление молитвы, если в ней участвует тысяча молящихся. Помощник явился, но помощь не была принята.

Можно себе представить, что почувствовали те, кто испытал нечто подобное во время войны, когда и после войны Штайнер сделал еще одну попытку прийти на помощь людям. Общественность и теперь придирается к каждому неудачному слову того или иного последователя Штайнера. Но она не знает, каково пришлось тем, кто со страхом говорил себе: «Его не выслушали в первый раз. Его не слушают и во второй раз. А потом будет поздно. Мы опоздаем на много лет, может быть, на много десятилетий».

Я не был рядом со Штайнером, когда наступила катастрофа. Я не виделся с ним с конца июля 1918 года до сентября 1919 года. То, о чем

он тогда говорил, сохранилось в публикациях и воспоминаниях других людей. Здесь я рассказываю только о том, что пережил сам.

Когда мы встретились в Берлине в сентябре 1919 года, Штайнер рассказал мне, что его выступление перед собранием рабочих вызвало энергичный протест в кругах интеллигенции. На это он мог возразить только одно: говори он так, как того хотели эти интеллигенты, рабочие вообще ничего не поняли бы. Во время одной беседы с берлинскими рабочими я увидел Штайнера в новом ракурсе: как всегда, он был на чеку, быстро реагировал на вопросы, но одновременно был оживлен и энергичен. Его аргументы сражали наповал противоречивших ему слушателей. Одного мелкого рабочего вождя, который, не разбираясь в деталях, но весьма самоуверенно, вылез со своими мелкими лозунгами, Штайнер отделал так, что тот покинул зал и за дверью расплакался.

Выступать против него — мало радости. Но смотреть на него — одно удовольствие.

Зато в частной беседе он держался миролюбиво. Например, по дороге на лекцию он рассказывал мне об Индии. Я спросил его, возможно ли, ради экономии времени, выполнять несколько духовных упражнений одновременно. Он сказал, что это возможно. Можно, к примеру, вести беседу и в то же время проводить какое-нибудь оккультное исследование. Но нельзя ожидать от европейцев того, на что способны индийцы. Индийцы могут послать свое тело в город по делам, но одновременно в глубокой медитации оставаться на месте. Наши европейские тела непригодны для подобного расщепления. И при всем том он мог участливо осматривать рану на моей ноге, говорить о жизни в прошлых воплощениях — и через минуту ввязаться в молниеносную духовную битву.

Тогда, осенью 1919 года, он публично заявил: трехчленность все-таки приближается; она Произойдет через пятнадцать-двадцать лет просто потому, что неизбежна; но тогда это будет связано со многими катастрофами.

Поскольку в политической сфере от него не приняли никакой помощи, он обратился к тем областям, где его помощь была востребована. Такими областями были воспитание молодежи, сельское хозяйство и медицина. Он погрузился в эти сферы без малейшего огорчения, без всякой обиды. Уже сама его неутомимость являла собой феномен все-

мирно-исторического масштаба. В сфере культурно-политической перед ним грозно обозначилась проблема: Восток-Запад.

Кроме политических, происходили и другие события, о которых следует здесь рассказать.

В Антропософском обществе состоял тогда один офицер высокого ранга, служивший в Берлине. Он пользовался уважением в военных кругах и в высшем свете. Когда он тяжело заболел, доктор Штайнер, узнав об этом, как-то вечером заметил:

— N. совсем плох. Если не произойдет чуда, к утру он умрет.

Как всегда в таких случаях, Штайнер был сильно опечален.

— Что с ним? — спросил я.

— Если не ошибаюсь, ему нужна операция простаты. Но врачи тянут время. Представляете, каково видеть это человеку, который знает, что, если больного оперировать, ему можно помочь. А врачи на операцию не соглашаются. Я сказал его жене, пусть немедленно хватается за малейшую возможность операции. Больше ничего сделать нельзя.

Его всегда волновали болезнь и смерть членов Общества. Каждый раз он выглядел опечаленным и серьезным:

— Когда я пришел, смерть уже подступила к горлу. Я всю ночь боролся со смертью и проиграл.

— Как? Вы боретесь со смертью даже когда видите, что она уже наступила?

— А как можно иначе?

Тогда, в случае с N., смерть действительно наступила на следующее утро. По поручению Штайнера, который очень сочувствовал одинокой вдове, ко мне пришла одна дама из Антропософского общества. Она попросила меня зайти в середине дня к Штайнеру, он хотел рассказать мне кое-что о покойном, чтобы я мог отслужить панихиду. Я зашел, и вот что рассказал мне Штайнер:

— Сегодня утром (я еще не встал) приходил N., чтобы попрощаться. Через двадцать минут пришел посыльный с известием о его смерти.

Он говорил о своей встрече с покойником как о чем-то само собой разумеющемся. Мне понадобилось некоторое время, чтобы прийти в себя.

— Как это, собственно говоря, происходит? — спросил я, едва опомнившись.

— О, да точно так же, — ответил Штайнер с мудрой улыбкой. — Как если бы в комнату вошел человек. Просто заходит и прощается. В первые часы после смерти это воспринимается совсем легко. Позже становится труднее.

Потом Штайнер сообщил, что заказал вскрытие тела.

— Я сделал это еще и потому, что хочу себя проконтролировать.

В результате вскрытия выяснилось, что причиной смерти была опухоль простаты.

— Врачи считают, что опухоль была неоперабельной. Дескать, подобные операции можно делать только детям. Они не знают, что их можно делать не только детям, но и таким людям, как N., которые долго упражнялись в медитации. Вскрытие подтвердило мое предположение.

Через несколько дней в большом зале одной берлинской ложи, а потом на берлинском кладбище я отслужил панихиду. Среди соборезнующих был и Штайнер. Странно было видеть его сидящим между людьми, не имеющими представления, кто он такой. Когда я возвращался от могилы к машине, он как раз проходил мимо, и мы некоторое время шли вместе.

— А покойники слышат, когда о них произносят поминальные речи? — спросил я. Мне было интересно, что он ответит на столь неожиданный вопрос.

— Когда вы упомянули о слове, утешавшем его на одре болезни, он пришел и оставался до тех пор, пока принц X. вдруг не встал и не распрощался. Потом я его больше не видел.

Я снова едва пришел в себя от изумления. Значит, среди двух сотен прочих сидел один, который испытывал такое переживание. И по нему никто этого не заметил. А если бы внезапно увидели, что происходит? Какие бы мины они скорчили?

— Иногда покойникам может быть неприятно слушать надгробные речи! — продолжал я.

— Никогда этого не замечал, — возразил Штайнер. — Если у них нет внутреннего отношения к тому, что говорится, они не появляются.

Когда я был студентом, мне в руки попала книга «Письма из ада». Там с жуткими подробностями описывалась особая чертовщина, которую дьявол изобрел для приема покойников, сыгравших опреде-

ленную роль в общественной жизни: они должны были читать ту надгробную речь, которую в данный момент произносили в их честь на земле. «...Ныне Отец наш небесный призвал нашего дорогого усопшего в вечные свои чертоги...» и т.д. Я тогда дал себе слово никогда не произносить надгробных речей, которые не стал бы слушать сам покойник. Поэтому родственникам часто казалось, что я в надгробной речи недохвалил их дорогого усопшего. Так что сообщение Рудольфа Штайнера пришлось весьма кстати.

Разумеется, так непринужденно и конкретно Штайнер говорил лишь с теми, кого не боялся шокировать, свести с ума, лишить душевного спокойствия. С теми, в ком был уверен. И тогда ничего жуткого при этом не происходило. А происходило все по-человечески, спокойно и естественно: пробивались «стены» земного мира, и люди с той стороны появлялись среди живущих. И вы сразу ощущали: нет ни «этого света», ни «того света», есть один мир, и в нем — видимое царство и царство невидимое. И это невидимое царство — вот оно, оно — здесь, оно может обнаружиться в любой момент, если есть человек, который к нему восприимчив. При этом Рудольф Штайнер вовсе не требовал «верить» его словам. Он просто рассказывал и предоставлял собеседнику судить о сказанном. И поступать соответственно.

Жизнь Рудольфа Штайнера проходила в том человеческом царстве, к которому принадлежат и мертвые. Опишу событие, в свете которого можно представить, что я имею в виду. Директор одной берлинской гимназии попросил меня осмотреть собрание картин, завещанное гимназии молодым художником, павшим на войне. Говорили, что эта живопись отражает разного рода впечатления сверхчувственного мира, теснившиеся в сознании погибшего юноши.

Я спросил у Штайнера, не хочет ли он составить мне компанию при осмотре картин.

— Я зайду за вами, — ответил он.

И он действительно зашел за мной, посидел немного у меня в комнате, внимательно оглядел всю обстановку и потом, взглянув на меня, сказал:

— А у вас хорошо.

И мы отправились в гимназию вдвоем: он, г-жа Штайнер и я. Прошли по центральным улицам, спокойно, не спеша осмотрели карти-

ны. Меня поразила компетентность всех его суждений о живописных достоинствах собрания. Но еще больше меня поразило то, с какой любовью он рассматривал каждую подробность. Собственно говоря, он оценивал намерение художника, которое тот мог бы осуществить с еще большим совершенством. Поэтому я спросил его:

— Неужели покойник может слышать то, о чем вы сейчас говорите?

— Конечно. Я его почувствовал, вошел с ним в контакт, говорил с ним и пытался ему помочь.

И мне вдруг открылся совершенно новый подход к творениям всех тех, кого уж нет на земле!

В метро, по дороге домой, Штайнер говорил совсем о других вещах.

— Хотелось бы заболеть гриппом, чтобы изучить болезнь.

И на следующий день он загрипповал, отнюдь не слегка. Тем не менее он прочел свою лекцию, хоть и сильно кашлял. Я вспомнил об этой истории через несколько лет, когда заболел гриппом, а он лечил меня, сидя у моей постели. Ведь и Петтенкофер<sup>44</sup> изучал действие болезни на самом себе. Для многих больных целительство Штайнера стало благословением. Пусть же они вспоминают иногда о том, что оно было куплено ценою немалых жертв.

Этот живой контакт Штайнера с миром мертвых не мог остаться тайной в Берлине. Ко мне часто приходили люди, которые в память о своих усопших просили познакомиться их со Штайнером. Помню лишь один случай, когда я сделал это для одного весьма почтенного человека, оказавшегося в очень тяжелом положении. Рудольф Штайнер с готовностью отозвался на его просьбу о помощи. Через несколько недель этот человек пришел ко мне и сказал: Штайнер действительно ясновидящий; он описал такие подробности, о которых можно узнать только благодаря ясновидению. Правда, потом этот человек снова усомнился: а что, если эти истины можно извлечь из подсознания его собственной души?

---

<sup>44</sup> Макс Петтенкофер (1818-1901) — немецкий гигиенист, основоположник экспериментальной гигиены, с 1890 г. президент Баварской академии наук.

Несколько случаев ясно показали мне, как необходима была для Штайнера некоторая скрытность. Она служила ему защитой от наплыва бесчисленных просителей, которые не дали бы ему осуществить его жизненную миссию. Например, приходит ко мне одна дама:

— Вы ведь знакомы с доктором Штайнером? Вы в самом деле верите, что он умеет предсказывать будущее?

— Зачем вам это знать?

— Видите ли, я неудачно вышла замуж. Собственно говоря, я решила развестись. Но тогда я потеряю целое состояние. Если доктор Штайнер может мне предсказать, что мой муж в этом году помрет, я потерплю еще годик. Но не дольше.

В подобных случаях я не давал даже адреса Штайнера, хотя его можно было найти в любой адресной книге. Вся ситуация (на таких примерах это становится особенно ясным) была для него чрезвычайно тяжелой. Он обладал способностями и не имел права скрывать их, если хотел помогать людям. С другой стороны, он хотел, чтобы все, о чем он обязан был сказать, принималось и проверялось по-деловому и беспристрастно. От него требовалась величайшая внутренняя чистота, не допускающая никакого самодовольства или эгоизма.

Не могу вдаваться в подробности того, что помогло мне составить свое суждение о Штайнере. Попытаюсь набросать лишь общую картину, опровергающую ложные о нем представления, и укрепить доверие читателей к собственной спокойной и деловой оценке фактов.

Завершая разговор о череде событий, перескажу все-таки еще одну беседу со Штайнером. После одной из лекций я спросил его: — Не доводилось ли вам встречать в духовном мире мою покойную мать?

— Когда вы приходите на лекцию, — был ответ, — там часто появляется одна индивидуальность, которую я считаю вашей покойной матерью. Она приводит с собой и других. Она немного нервничает и ходит взад-вперед. Но она принимает активное участие в вашей духовной жизни.

Тут он очень дружески обратился к моей жене, которая часто присутствовала при наших разговорах:

— А вот вашего покойного отца мне еще не удалось встретить.

В этом разговоре мне показалось очень важным осторожное выражение «индивидуальность», меткая характеристика моей матери и

упоминание о «других», очевидно, о моей покойной сестре, о которой я никогда Штайнеру не рассказывал. Меня поразило и то, что он обратил внимание на чувства, которые в такие моменты должна была испытывать моя жена.

А еще я подумал: «Что же должен переживать Штайнер во время одной-единственной лекции!» Я слышал и о других примерах, когда он во время лекций испытывал разного рода сверхэмоции с отдельными людьми.

Бывало, что он, судя по некоторым высказываниям, читал свою лекцию для одного-единственного человека. Но бывало и так, что его публичные выступления при большом стечении публики были настоящими сражениями духов. Люди смутно ощущали эти духовные события. Но у них перед глазами был только Рудольф Штайнер, и его-то они и считают «демоном», в то время как он воистину боролся против «демонов». Это можно было понять, если слушать, что он в такие часы говорил, а не полагаться на поверхностные первые впечатления.

Я беседовал со Штайнером и на темы естествознания, хотя и редко. Чтобы вести беседу на соответствующем уровне, мне недоставало знаний. И я охотно уступал место более компетентным лицам, извлекая для себя таким образом двойную пользу. Я отсылал к Штайнеру приходивших ко мне молодых естествоиспытателей и медиков, напутствуя их словами: «Спокойно задавайте ему вопросы из той области, которая известна вам лучше всего. И сами все поймете».

Когда я расспрашивал их потом об их впечатлениях, они говорили: «О да, он разбирается в этом деле и дал мне важные ориентиры». Таких молодых (и пожилых) ученых были десятки, и среди них не было ни одного, кто бы сказал что-то иное или почувствовал себя более знающим специалистом, чем Штайнер.

Кроме того, могу сказать, что теперь, в свете духовных знаний, естественные науки интересуют меня все больше. Ведь мои интересы всегда лежали в религиозной области, а естественные науки с их мертвыми законами представлялись мне чем-то холодным, чуждым, даже враждебным. И когда живой Божественный дух пронизал естествознание, в глубине вещей, воспринявших грандиозное крещение, засияли те же откровения, что были исторически явлены в христианстве: жертва, смерть и воскресение.

Я и прежде, много лет тому назад, предсказывал: когда-нибудь законы физики и химии откроются просвещенному познанию как излучения той же Божественной доброты, которая явлена в христианстве. Внезапно это предстало передо мной — только руку протянуть.

Ныне антропософы говорят исследователям: «Изучайте то, что дает Земля, основательно, бескорыстно и памятуя о духе, и вам повсюду откроется тот же лик, что видим и мы. В принципе есть лишь одна истина, ибо есть лишь одна действительность».

Сюда же относится другая беседа, имевшая место в середине 1918 года. Я тогда сказал Штайнеру:

— Господин доктор, война закончилась. Не пора ли основать исследовательский институт! Необходимо использовать научные средства для продвижения гуманитарных результатов, достигнутых антропософией. Несколько сотен марок и несколько молодых ученых для этой цели у меня найдутся.

Штайнер положил руки мне на плечи и сказал:

— Конечно, мой дорогой доктор, так мы и сделаем.

Я редко видел его в столь радостном настроении, как в тот момент.

Институт возник, правда, не в Берлине, а в Дорнахе и Штутгарте. И будь у него миллионные средства и вместо нескольких сотрудников большое число известных исследователей, он стал бы великим благословием для человечества, даже если сегодня Рудольф Штайнер не может лично руководить исследованиями.

Поскольку я не хотел злоупотреблять вниманием Штайнера, мои вопросы ограничивались общечеловеческой тематикой — специально оккультной, исторической и религиозной.

Для меня как для протестантского теолога это был некий неведомый прежде мир. В этом мире протестантская теология принималась не слишком всерьез и, во всяком случае, не играла важной роли. В первые годы я часто спрашивал себя: знаком ли Штайнер с работами современных авторов? Он был знаком. В ходе наших с ним бесед постепенно выяснилось, что он читал Гарнака<sup>45</sup>, Трельча, Отто<sup>46</sup>, Вайнеля,

---

<sup>45</sup> Адольф фон Гарнак (1851-1930) — евангелический теолог либерального направления, занимавшийся историей церкви.

Хайма<sup>47</sup>. Он знал и Шлейермахера<sup>48</sup>, считал его теологом, но никак не философом. Однажды он мне сказал: — Протестантские историко-критические исследования — самые прилежные и самые проникающие труды последних столетий. В этом смысле они сравнимы с трудами по естествознанию и даже превосходят их. Великая трагедия протестантской теологии в том, что она находится на ложном пути и совершенно проходит мимо Библии. Той Библии, какая она есть на самом деле.

Я был потрясен. «Неужели такое возможно?» — думал я по дороге домой.

Были и частные вопросы, о которых я пытался узнать у Штайнера как можно больше. Однажды я спросил:

— Значит, вы не считаете, что Евангелие от Иоанна передает слова Христа так, как они отразились в особой индивидуальности Иоанна, а в синоптических Евангелиях перед нами собственная манера речи Христа?

— Для меня все как раз наоборот, — был ответ. — Когда я читаю Евангелие от Иоанна, я непосредственно вхожу в тот язык, которым действительно говорил Христос. А читая синоптиков, я должен сначала перестроиться.

Насколько же такое высказывание противоречит всей теологии! И какое избавление оно сулит человеку, погруженному в Евангелие от Иоанна и всегда пытавшемуся в глубине души найти этому оправдание.

— А прощальные слова? Они так и были сказаны?

---

<sup>46</sup> Рудольф Отто (1869-1937) — немецкий теолог и философ религии, профессор. В религиозных философских теориях опирался на Канта и Фриза.

<sup>47</sup> Карл Хайм (1874-1958) — протестантский теолог.

<sup>48</sup> Фридрих Эрнст Даниель Шлейермахер (1768-1834) — теолог и философ. Принадлежал к Йенской школе немецкого романтизма (1798-1801), куда входили также Новалис, Л. Тик, братья Шлегель и др. Создал имеющую протестантский уклон философию созерцательного мышления, связанную с Богом и миром. Утверждал, что религия есть ощущение единства с Вечным и Целым.

— Конечно, они так и были сказаны. Только при прощании были сказаны и многие другие слова, которые не были записаны. —

Штайнер всегда говорил на эти темы с особым благоговением.

— А слова Христа на Кресте — они действительно так и были сказаны?

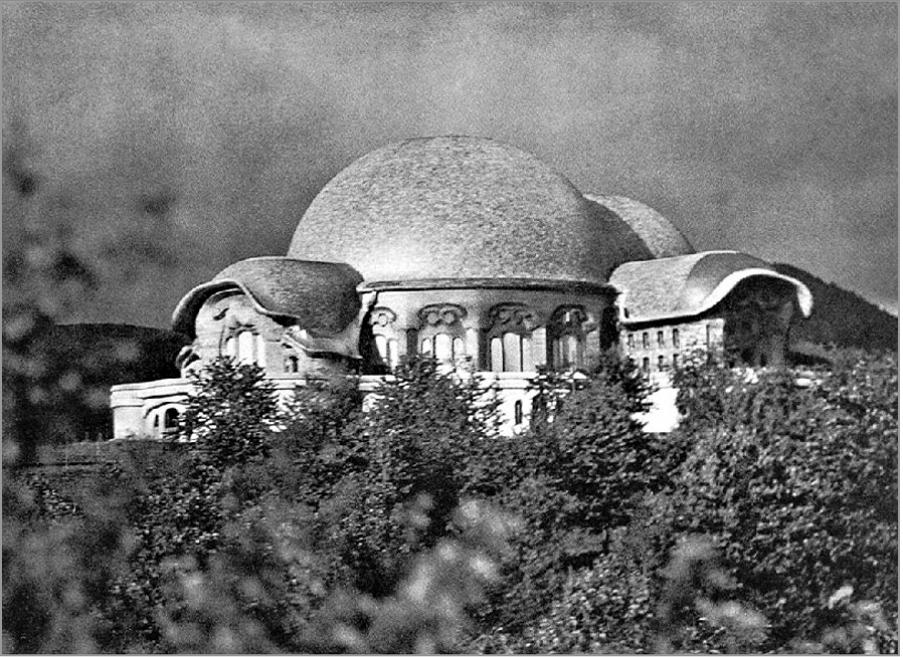
— Конечно, они так и были сказаны.

— Но как же так? Выходит, один Евангелист записывает одно слово, а другой — другое?

— Они же не летописцы. Евангелисты повествуют о том, что виделось им истинным при погружении в события, даже если они сами этих слов не слышали. Поэтому один вспоминал одно слово, а другой — другое, смотря по тому, кто как был подготовлен.

Теологии придется многому переучиваться, прежде чем она сумеет принять как истину такое воззрение. Мне стало понятно, что имел в виду Штайнер, когда я обдумывал то место в Деяниях апостолов, где Лука сообщает о смерти св. Стефана. Три слова Луки об умирающем св. Стефане точно соответствуют трем его словам в Евангелии об умирающем Христе. Таким образом, следует допустить, что Лука часто с волнением слушал рассказы апостола Павла о смерти Стефана. И что душа его пробудилась и приняла в себя как раз эти три слова, произнесенные на Кресте. Современный историк, разумеется, сделает из этой аналогии совершенно другие выводы. Но и эти выводы не должны стать последним словом. Есть еще совсем иные возможности продолжать исследование.

Особенно запомнилась мне интонация Штайнера, когда он однажды говорил о начале Тайной вечери. Я оценил ее не сразу, но она постоянно звучала у меня в ушах. В человеке с чувствительной душой такая интонация воспитывает благоговейное отношение к религиозным истинам. Позже я часто думал: «Если бы мы всегда говорили о них с подобной силой убеждения, мы смогли бы непосредственно перемещать людей в высшую реальность». А вот Штайнер, — шла ли речь о сожжении храмовников или о «Божьем друге» из Оберланда, — всегда говорил так, словно он не нуждался в книгах по истории, словно он был очевидцем событий.





Но как же Лютер? — Однажды, в середине 1917 года, Штайнер пригласил меня на обед. За столом он упомянул Германа Гримма<sup>49</sup> и его замечание о том, что все немцы всегда будут ощущать свое единство благодаря трудам Лютера, Фридриха Великого, Гёте и Бисмарка.

— А теперь, — сказал Штайнер, — труды Фридриха Великого и Бисмарка разрушены. Гёте во всем своеобразии его духа остается недоступным. А Лютер, собственно говоря, мало повлиял на достижение целостности народа.

Я что-то возразил. Но мне, как всегда, было куда важнее узнать мнение Штайнера. Тогда мне показалось, что он еще не нашел повода, чтобы подробно заняться Лютером.

Здесь следует добавить кое-что для тех, кто, оставаясь в границах старого христианства, задает вопросы по антропософии.

В 1917 году, когда отмечался юбилей Реформации, Штайнер неожиданно сам прочел две лекции для узкого круга, посвященные Лютеру. Понятно, что эта тема весьма интересовала меня как

---

<sup>49</sup> Герман Гримм (1828-1901) — поэт и писатель, историк искусства, сын издателя сказок В. Гримма; профессор истории искусств в Берлинском университете.

теолога. Я надеялся обнаружить, чем антропософия отличается от протестантского христианства. И я не обманулся в своих ожиданиях. Я понял: у Лютера речь идет о субъективной заинтересованности в спасении, а у Штайнера — об объективном интересе к реальности. Это принципиально различные мировоззренческие позиции! Штайнера живо интересовала ясновидческая способность Лютера. Штайнер полагал, что стычки Лютера с дьяволом были вполне реальными борениями с надвигающимся духом следующих столетий, с духом материализма, который антропософия называет Ариманом. И еще он считал, что пресловутая грубость Лютера объясняется его видениями, картинками, возникшими в его воображении, которые он не всегда отличал от действительности.

— Значит, — спросил я Штайнера после лекции, — когда Лютер пишет памфлет против коронованной английской свиньи, перед его внутренним взором возникают образы, отражающие суть короля Генриха?

— Да. Но никто из окружения Лютера этого не понимал. Однако Лютер не позволил своим друзьям сбить себя с толку. Он знал, что видит больше, чем они.

Вот так Лютер был взят под защиту аутсайдером. Штайнер оправдал как раз те поступки Лютера, которые сегодня склонны ставить ему в вину даже самые правоверные лютеране: полемические выступления и драки с чертом.

Но как раз то, что Лютер стоял на границе двух эпох, что он нес в себе энергию Средневековья и все-таки предчувствовал будущее, делало его способным создать некий абрис христианства грядущих столетий. Так считал Штайнер. «А как же грех и благодать? — вопрошают теологи. — Ведь это же было главным в учении Лютера! А Штайнер этого совсем не понял». Ну еще бы! Он так слабо в этом разбирался, что говорил о реальности и действительности зла глубже и проникновеннее, чем все его современники. Он проследил историю «грехопадения» и увидел все

последствия грехопадения: с одной стороны, в природе, которая изменилась; с другой стороны, в мышлении, которое стало абстрактным, худосочным и омертвело, даже во всей теологии.

Будущее все расставит по местам и объяснит достопримечательный исторический факт: человека, который, как никто до него, объективно, а не субъективно говорил об ужасной разрушительной силе зла, теологи упрекали в том, что он, дескать, не ведаёт, что есть грех.

А благодать! В ней он разбирался так слабо, что, как никто до него, учил о деянии Христа, об этом не заслуженном нами и непостижном деянии благодати как о самом решающем событии в истории человечества. Он учил, что не будь этого деяния, человечество погибло бы и никогда не смогло бы реализовать себя. Он учил, что на этом деянии зиждется все будущее человечества и все будущее каждого человека. Он так слабо разбирался в этом, что говорил: «Чем выше мы поднимаемся над злобой дня, тем щедрее будет всякая благодать». Собственные искания высших истин были для него не чем иным, как восприятием благодати. Но о себе он говорил мало и не на языке теологов.

Данная книга — не защитительная речь, а воспоминания теолога о судьбоносной встрече с Рудольфом Штайнером. Однако есть еще один момент, который хотелось бы подчеркнуть: карма и реинкарнация, закон судьбы и повторное воплощение. Нам говорят, что они прямая противоположность христианскому переживанию благодати, прямая противоположность библейской Благой вести о спасении. На это следует жестко возразить, что ныне обе эти истины, хоть они и не записаны в Библии, как раз могут быть признаны истинами христианскими. Для меня они являются не столько познавательными результатами гуманитарных исследований, сколько религиозными требованиями правильно понятого христианства.

Представим, что человек вступает в высший мир. Что дальше? Некоторое время он будет радоваться, что покинул земную

юдоль, со всем ее горем и нищетой. Но потом, если он может высказать просьбу, о чем он попросит? Он попросит о встрече со всеми теми людьми, которым в земной жизни причинил зло. Он попросит о возможности творить добро там, где сотворил зло. Это и будет благодатью, милостью Божьей, о коей он будет умолять, если посмеет. Пусть на Востоке закон кармы предстает как неумолимая необходимость. В свете Христа он становится благодатью. А та благодать, о которой обычно всегда идет речь, должна ей предшествовать. Только человек, захваченный реальностью Христа, может иметь такое желание.

Представим себе, что человек в ином мире может высказать вторую просьбу. Чего он пожелает? Он попросит позволения помогать Христу, помогать в самом трудном, самом опасном деле, там, где сам Христос более всего страдает и борется. И это желание, если бы оно осуществилось, привело бы человека снова на Землю.

Желать для себя покоя и блаженства вдали от земной юдоли — это не по-христиански. Христианин носит в себе то умонастроение, которое некогда привело Христа с небес на Землю. Христианин обретает радость в подражании Христу и содействии Ему там, где Он может в нас нуждаться. И, как показывает собственно теологический анализ тезиса, полная истина христианской веры в воскресение при этом сохраняется и даже выигрывает в ясности и величии.

Община христиан, где я служу в настоящее время, не признает никаких догм. И повторное воплощение для нее тоже не догма. В Общине может жить каждый, кто разделяет наше благоговейное отношение ко Христу. Даже если он говорит: «Я все это отвергаю». Но тот, кто предоставляет свободу другому, имеет право требовать свободы и для себя. И во имя этой свободы да будет сказано: «Истина о перевоплощении есть слово Христа, обращенное к современности. Это слово приходит в нужный час, когда следует расчистить путь к христианизации Востока».

Все это относится к судьбе теолога, чей жизненный путь определила встреча с Рудольфом Штайнером.

И вот теперь снова, как вечные звезды, на небеса восходят все старые великие истины, которыми испокон веков живо христианство: Троица, Рождество, Распятие, Воскресение, Страшный суд, обновление мира. Но их не извлекут из Божественного Слова, чтобы потом как-то диалектически обосновать, нет! Они будут явлены в Откровении как глубочайшие реальности мира и раскроются в своем полном жизненном воздействии только тому, кто склонен по-человечески целиком и полностью связать себя с ними. Как часто я говорил прежде — в отличие от других теологов: все эти «догмы» содержат истину, в них больше истины, чем нынче дистиллируют диалектика и этика. Но сегодня мы не можем честно добыть эти истины. Мы должны ждать, пока они встретятся нам на новом пути. И вот ожидание наше сбылось. Стало возможным вновь обрести эти истины, не кривя душой. Даже если не отвергать научную совесть нашего времени, не противостоять ей, но признать за ней относительную правоту. Ведь и научная совесть также есть право Божественное.

Естественнонаучное мышление было отвергнуто как «натуральное», «языческое», «нехристианское». Но дело в том, что не его отвергли, а оно само освободилось от пут. В этом и состоит разница. Христос проник и в мышление, а не только в чувства, желания и волю людей.

Вечные звезды, которые, пусть по-другому, сияли уже в мистериях, снова явились на небосклоне. Не как догмы, не как формулы веры, но как Божественные реальности, в некоем грандиозном духовном сочетании с другими истинами, и излучают свет на новый мир.

Когда же христианские теологи в большинстве своем поймут, что здесь пролегает единственный путь к спасению христианства? В противном случае христианство с его теперешним замутненным мышлением двинется навстречу своему концу. Или по-

вернет вспять к православию или католицизму, с их половинчатым мышлением.

Но и сегодня я не говорю: допустить, принять безоговорочно. Я говорю: принять всерьез. Проверить непредвзято и основательно. И тогда антропософия победит.

Если бы сегодня меня спросили, почему я стал антропософом, я бы ответил: «Не потому, что я на личном опыте проверил все, о чем говорил Рудольф Штайнер, а потому, что в том немногом, что я сумел проверить, я находил все больше подтверждений его правоты. Не потому, что я принял на веру исследовательские результаты его „науки о духе“. Но потому, что она пролила убедительный свет на многие области, которые иначе оставались бы во тьме общего неведения. Не потому, что новый папа выдвинул новые догмы. Но потому, что прогрессивный человек увидел реальные вещи, которые человечеству всегда стоит принимать в расчет, пусть даже всего лишь как возможности. Не потому, что кроме Штайнера мне не доводилось встречать духовно значительных людей. Но потому, что в моих глазах Штайнер намного их превосходит. Не потому, что кроме Штайнера никто на свете не имеет ничего за душой или не умеет делать свое дело. Но потому, что я вижу брешь, пробитую в решающем месте, что ставит перед человечеством величайшие задачи в долгосрочной перспективе. Не потому, что я грезил или думал о вожде, о лидере, ведущем человечество в будущее. Но потому, что я все яснее видел, что Штайнер был таким вождем человечества, а лидеров следует принимать такими, какими они посланы свыше; потому что со временем становилось все более очевидным: своеобразие Рудольфа Штайнера как раз адекватно его исторической миссии. Не потому, что для меня все сложные моменты полученных им результатов якобы устранены. Но потому, что устранены многие из них. Нужно уметь принимать вещи такими, каковы они есть, а не задвигать их в дальний угол, пока не поймешь, что это такое. И самое главное: здесь перед нами картина мира, с кото-

рой христианство может жить и двигаться в будущее. Без такой картины оно не сможет долго и в высшем смысле честно прожить на Земле. Не потому, что я не вижу и не ощущаю нападков на антропософию. Но потому, что я считаю эти нападки старого христианства необоснованными и, в сущности, непонятными. Для меня антропософия — великое достижение человечества, окончательное расставание с материализмом, духовный подвиг избавления. Из Центральной Европы она распространится на все человечество, она спасет христианство от громогласного исследовательского духа времени. Антропософия есть действительное живое слово Христа, обращенное к современности. Именно в нем нуждается сейчас человечество, чтобы не погибнуть».

Куда бы я ни бросил взгляд, я нигде не нахожу ничего, столь же великого и судьбоносного. В частности, в теологии, даже в самой наиновойшей, я не вижу спасения. Пусть помощь выглядит не так, как мы ожидали. Но помощь пришла — зачем же медлить?

Тогда для меня пришло время еще одного сурового испытания. В конце 1919 года я заболел. Напряженная духовная работа стала для меня невозможной из-за болей в желудке. Что произошло? Неужели мои попытки оккультного развития все-таки причинили вред? Что сказал бы на это Штайнер? Я ему не писал, написали мои друзья. А я ведь сам рассказывал многим людям, как точны диагнозы Рудольфа Штайнера и надежна его помощь. Мои знакомые в Берлине возмущались: «Ну, и где ваш доктор Штайнер? Он что, не знает? Не может? Так вам и надо!»

Только через полгода выяснилось, что на самом деле Штайнер дал поручение написать мне, но оно не было выполнено.

Наконец, девятый врач, знаменитый невролог, поставил правильный диагноз: последствия падения, отразившиеся на коре головного мозга. Он прописал терапию, которая должна была медленно привести к улучшению. Пролежав полгода в постели и имея на то особые причины, я через одного знакомого еще раз

обратился к Штайнеру. На этот раз пришло подробное письмо с диагнозом: отдаленные последствия падения; отражаются на коре головного мозга; влияют на нервную систему, ослабленную перегрузками последних нескольких лет. Терапия: та же, что прописал мне невропатолог, только более ритмичная, более тонко направленная на индивидуальный организм. Все это время Рудольф Штайнер меня не видел. Даже если он и слышал что-то о диагнозе и терапии моего врача, его назначения были настолько точными и подробными, что плагиат невозможно было предположить.

Я сам часто был свидетелем подобных случаев, когда Штайнер, не видя пациентов в глаза, ставил точный диагноз и прописывал правильную терапию. Но об этом пусть расскажут те врачи, которые с ним работали.

Однажды я попросил врача, сотрудничавшего со Штайнером в течение двенадцати лет, сказать мне совершенно откровенно, как часто Штайнер ошибался. Врач задумался и ответил: «Не припомню ни одного случая».

Такие истории постоянно обсуждались в окружении Штайнера, повышая доверие к его высшим способностям.

В своем письме Штайнер писал, что болезнь потребует, как минимум, полгода постельного режима. Она продлилась еще девять месяцев, но я, конечно, тогда уже начал писать книгу о Штайнере и хотел ее закончить.

Я увидел Штайнера почти через два года, летом 1921 года, в Дорнахе. Об этом визите стоит рассказать некоторые подробности, дополняющие общую картину.

Штайнер прислал за нами на вокзал машину, но мы опоздали, и он прислал вторую машину к более позднему поезду. Он сам проводил нас на квартиру в общежитии на Дорнахском холме и проверил, все ли там в порядке: есть ли вода в водопроводе, есть ли женщина, которая почистит мне сапоги. Вечером после лекции он еще раз заглянул туда и сказал:

— Я забыл найти женщину вам в помощь. Завтра утром она будет у вас.

Через несколько дней, собравшись уезжать, мы с женой неожиданно встретили его на Дорнахском холме. Увидев, что я несу два чемодана, он сказал:

— Я все-таки забыл прислать вам кого-нибудь, чтобы донести чемоданы.

Он оглянулся и сделал знак оказавшемуся поблизости молодому антропософу. Я стал возражать, но он не стал слушать:

— Для юноши это — одно удовольствие.

Потом он пошел с нами в столовую и сел за столик. Он сам заказал для нас завтрак, а потом еще еду на дорогу. И проводил нас до самого вокзала, непринужденно беседуя по дороге об отдельных людях, но и о солнечных протуберанцах. На вокзале он встал в очередь за билетами (как сейчас вижу его стройную фигуру рядом с каким-то толстым монахом) и, продолжая разговор, оставался с нами до самого отъезда. Он явно не хотел, чтобы я тратил свои обесцененные инфляцией деньги, но сумел как-то между прочим оплатить наш счет. Я был весьма тронут, а он сказал:

— Дело не лично в вас. Хорошо было бы помочь всем людям, но, к сожалению, не получается.

Таким был Рудольф Штайнер в быту. Мне всегда хотелось рассказать об этом эпизоде, хотя кому-нибудь он и покажется незначительным.

Темы наших бесед в то время были самыми различными: от безобидных анекдотов (Рудольф Штайнер обладал юношески непосредственным чувством юмора) до самых серьезных разговоров о будущем человечества.

Через полгода я увидел его совершенно другим. Одно берлинское концертное бюро организовало ему большое турне с лекциями по всей Германии. Если бы он захотел, это турне могло бы сделать его модным гастролером. Но все вышло иначе. Я при-

существовал на его лекции в Берлинской филармонии. В большом зале не было ни одного свободного места. Толпа у входа металась в поисках лишнего билета, цена коего доходила до ста марок. Все пребывали в напряженном ожидании. Люди подсознательно ждали появления пророка. Выйдя на сцену, Рудольф Штайнер безжалостно и дотошно толковал трехтысячной, заставившей дыхание толпе слушателей об имагинации, инспирации, интуиции. Я снова и снова спрашивал себя: «Ведь у него есть уникальная возможность увлечь массу народа, а он ею пренебрегает. Кто и когда в подобной ситуации вел себя с таким достоинством?» Напротив меня в ложе сидел один офицер высокого ранга, весьма почитаемый в кругу поклонников Вагнера. Я сам заинтересовал его Штайнером. Он сидел с благодушным видом, стараясь понять, о чем идет речь. Но постепенно сдал позиции и откинулся на спинку кресла. Потом неодобрительно покачал головой и покинул зал задолго до окончания лекции.

Понимал ли Рудольф Штайнер, что он делает? Понимал ли, что зал, настроенный на сенсацию, попросту скучает? Никто из тех, кто знал Рудольфа Штайнера, не сомневался, что он отлично все понимал. Что им руководило? Смущение перед большим собранием? Неумение говорить с народом? Об этом не могло быть и речи. Он умел придавать своему голосу такое громоподобное звучание, что казалось, вот-вот произойдет землетрясение. Так для кого же он, собственного говоря, читал свою лекцию? Я тогда примерно подсчитал, сколько человек в зале были склонны и в какой-то мере способны уловить ее содержание. Если не считать антропософов, таких слушателей нашлось человек пять, от силы десять. Вот для них он и говорил, совершенно сознательно. Он прямо-таки жестоко подавлял все, что могло бы стать сенсацией дня. Ни единая искра желаний понравиться не проскочила между ним и залом. Он стремился пробудить духовный, интеллектуальный интерес у тех десяти-двадцати слушателей, которые могли

оценить деловую серьезность, дотошную основательность и тематику, чуждую большинству людей.

Иоганн Мюллер как-то сказал мне: «Нужно уметь говорить с полным залом, но нужно уметь говорить и с опустевшим залом».

В тот раз Рудольф Штайнер превосходно продемонстрировал это умение. Во время его следующего турне по Германии залы были полупустыми. А мюнхенское выступление, когда хулиганы, науськанные какой-то газетой, набросились на него, угрожая расправой, завершило краткий период его популярности.

Лишь немногие действительно поняли, что произошло. Немногие оценили человеческое величие Рудольфа Штайнера и его исторический подвиг. Я оценил его лишь спустя соответствующее время. Как в библейской истории: некто, кого хотели поставить царем, намеренно оставляет свой народ и удаляется на высокую гору, ожидая там тех, кто последует за ним. Так ли поступает «в погоне за дешевыми эффектами» человек, жаждущий власти?

Я много раз был свидетелем подобных ситуаций, пусть не такого масштаба. Аутсайдеру, в самом деле, требуется сохранять дистанцию, чтобы не обмануться. Даже умные и, казалось бы, открытые для новых подходов люди этого не понимали.

В 1921 году несколько молодых людей пришли к Штайнеру за советом: как им организовать религиозную деятельность не в рамках традиционных церквей, но в русле новой духовности? Они не нашли в своих университетах того, что искали, и теперь с доверием и надеждой обращались к антропософии. По некотором размышлении Штайнер с готовностью отозвался на их просьбу. Ведь он всегда подчеркивал, что Антропософское общество — не церковь и не собирается учреждать новую церковь. Скорее, оно считает, что каждый волен по-своему обустроить свою религиозную жизнь. Каждый волен проявить религиозную активность и взять на себя ответственность за новое учреждение. Вот тогда Рудольф Штайнер выражал готовность прийти на по-

мощь. И действительно помогал, предлагая доброй воле то, что могло превратить ее в поступок.

Эти молодые люди только начинали приобщаться к антропософии. С большинством из них я был знаком. И теперь передо мной встал серьезный вопрос: «Должен ли я участвовать в их замысле?» С одной стороны, у меня было много работы в берлинском приходе, подготовленной всей моей двадцатипятилетней деятельностью. Приход процветал, и работа могла бы удовлетворять меня до конца моих дней. Я располагал самой полной свободой, какой только мог желать. С другой стороны, я видел, что мало кому удастся достичь успеха, что старые церковные методы не приближают новых времен, что требуется совсем новая религиозная активность, что убогая современность все настойчивее зовет на помощь. Откуда мне было ожидать этой помощи, как не от антропософии?

«Ваша задача — дела религиозные» — эти слова Штайнера соответствовали моему собственному ощущению жизни. Признаюсь, я боялся спастись, не справиться с новым делом, которое начиналось под эгидой антропософии. Несколько месяцев я жил в таком настроении. С другой стороны, я понимал, что если здесь происходит нечто правильное и необходимое, если я убежден в этом, то пора принимать решение. Но пусть сперва Штайнер изложит все, что он хочет сказать на сей счет. Одно дело, когда молодой человек с восторгом посвящает себя новому проекту, и совсем другое — когда пятидесятилетний мужчина бросает все, чтобы начать все сначала. Так что я, прежде чем принимать решение, дождался, пока Штайнер закончит оба курса лекций о возможностях религиозного обновления, которые он читал летом и осенью 1921 года. По состоянию здоровья сам я не мог на них присутствовать.

И вот, разложив наконец перед собой записи этих многочисленных лекций и консультаций, я в очередной раз поразился Штайнеру. Несмотря на весь мой опыт общения с ним, содержа-

ние лекций явилось для меня неожиданностью. Он великолепно разбирался не только в теологии, Библии и библеистике, но и в церковной истории и в специфике конфессий, а потому мог сказать о духовных и нравственных глубинах христианства вещи столь новые и значительные, что они ясно указывали путь в будущее. Прежде всего, мне показалась весьма важной и поучительной конкретность, уверенность и продуманность его подхода к религиозной практике. Это производило сильное впечатление. Но я все никак не мог найти общего знаменателя, подвести черту, принять окончательное решение. И тут мне прислали текст ритуала Таинства освящения человека<sup>50</sup>. Я основательно обдумал его со всех сторон и включил в медитацию. Преодолев некоторые языковые трудности, я испытал мощное воздействие чистого, возвышенного духа. И мне подумалось, что на этом материале можно создать литургию, которая объединит всех настоящих христиан, станет ядром воистину христианской общинной жизни, новой, многообразной, постоянно растущей религиозности. И постепенно во мне сформировалась убежденность: нельзя утаивать это от человечества! «Теперь, — сказал я себе, — ты не имеешь права малодушничать, если не хочешь сам быть виноватым перед человечеством и Божественным Откровением! И если нельзя донести твою убежденность до человечества в традиционных церковных формах, значит, нужно дерзнуть на нечто новое!» Хочу лишний раз подчеркнуть, что Штайнер долго выяснял, нельзя ли начать нашу деятельность в традиционном формате церковной организации. Но, кроме молодых друзей, только я сказал ему: «Ничего не получится, так как новые инициативы будут подавлены старыми формами!»

Но окончательное решение пришло неожиданно и совсем с другой стороны. Мне было видение о том, что в хлебе алтаря к

---

<sup>50</sup> Таинство освящения человека — одно из семи таинств, осуществляемых в Общине христиан, во время которого происходит причастие. (Подробнее см.: Шрёдер Х.-В. Община христиан. Калуга: Духовное познание, 1994.)

людям действительно приходит живой Христос. Он появился в несказанной чистоте и сиянии. Это было чисто духовное впечатление — не во время евангелической вечерней литургии, которую я так часто служил в ощутимой близости Божественного мира, но в момент медитации над ритуалом Таинства освящения человека. Впечатление было настолько надежным и сильным, что на нем можно было основать целую жизнь. То, что я почувствовал в тот момент, не поддается описанию. Видение сказало мне: «Твоя деятельность в евангелической церкви закончена! Если тебе открылась истина, то в центре религиозной жизни, мышления и проповеди все должно быть поставлено совершенно иначе». Значит, в евангелической церкви — той, которую она нынче стала, сделать это невозможно. Значит, мне был голос о новой литургии, новой общине, новом воздействии Христа и новом Благовещении. До сих пор я не рассказывал об этом никому, даже самым близким моим друзьям-священникам.

Ведь речь идет не о моих видениях и переживаниях, а о том, что существует объективно и открывается более или менее ясно каждому и каждому по-своему. С того момента, с того часа, когда мне было видение, я понял, что должен быть всегда готов воспринять действительность, отбросив все прежние сомнения, порвав другие связи. Так я покинул свою евангелическую церковь в самом центре Берлина и перешел в новую Общину христиан. Я рад, что могу рассказать об этом. Последнее слово произнес не Рудольф Штайнер, а Некто высший.

Всего этого я никогда не рассказывал даже Штайнеру. Мы мало беседовали с ним о таких видениях. По крайней мере, я, касаясь этой темы, всегда был краток и сдержан. Если вы преодолели начальные стадии приобщения к антропософии, вам это не нужно.

Хочу упомянуть о другой беседе. Тогда были произнесены всего две фразы, но в них содержалось бесконечно много. Точно так же, во время медитации, меня посетила мысль о том, что

можно действительно воспринять Христа в хлебе и вине, даже не имея хлеба и вина. Дело в том, что духовные и душевные впечатления сильно влияют на мое физическое состояние, и это в течение многих лет доставляло мне крупные неприятности. И вдруг это свойство нашло чудесное объяснение. Я понял, что оно подготовило меня к посетившему меня видению. Христос, когда Он действительно является людям в Откровении, всегда проникает в плоть и в кровь, всегда дает человеку из Самого Себя новую плоть и новую кровь. И узнать, пережить, ощутить это — означает собственное и личное преодоление материализма времени!

В той краткой беседе с Рудольфом Штайнером я спросил:

— Возможно ли причаститься плоти и крови Христа без вина и хлеба, только в медитации?

— Возможно. На языке тот же вкус.

В тот момент невероятная, конкретная реальность этих слов шокировала меня. Это часто бывало в беседах со Штайнером. Он мгновенно выдавал импульс такого высокого накала, что собеседник еще долго осмыслял сказанное. Но сегодня я знаю, что он был прав. Христос — это хлеб жизни в более реальном и сильном смысле, чем обычно полагает большинство христиан.

И тут я спросил себя: «Пусть так, пусть возможно как бы телесно войти в Христа. Но сколько людей способны на это? Что, если бесконечно большому количеству людей необходима торжественная обстановка, праздник, во время которого они на свой манер придут к переживанию Христа как реальности?»

С тех пор мне стало понятным соотношение между антропософским движением и Общиной христиан. Если бы Антропософскому обществу соответствовал религиозный культ, то он мог бы в значительно большем объеме опираться на детали нового мировоззрения. Но это новое антропософское мировоззрение должно прежде завоевать позиции во всех областях. Ему предстоит тяжелые конфликты, споры и столкновения с традиционной религиозностью. Между тем человечеству в целом некогда

ждать. Однако множество людей вообще не заинтересовано в распространении нового мировоззрения. Для них для всех может иметь место культ, полностью согласованный с духовным познанием, предлагаемым антропософией. Но этот культ не будет учить антропософии или считать ее непременной предпосылкой веры во Христа. Он непосредственно даст людям то, что свяжет их с высшей реальностью.

Что может дать людям Община христиан? Высшее знание о живом Христе во всей Его реальности и жизненной энергии. Ничего более высокого не существует. Но это высшее знание необходимо в определенную эпоху, ибо отвечает определенной человеческой потребности.

Если бы Община христиан состояла только из антропософов, Штайнер считал бы, что она не выполняет своей миссии. У Антропософского общества есть свои собственные великие задачи. Это культурное движение, столь необходимое материалистической современности, должно вести достаточно тяжелую борьбу прежде всего против интеллектуализма. Поэтому оно не могло взять на себя бремя ответственности, в том числе и финансовой, за новую общину. Однако, несмотря на это, Штайнер мечтал сформировать новый тип человека, который постепенно распространится в будущем. Люди этой породы станут искать единения в духе. Благодаря всему тому, что им дал Штайнер, они придут к тем же высоким истинам, которые несет людям Община христиан. Ибо цель антропософского движения — полное единение со Христом, единение до плоти и крови. Его можно испытать, пусть даже подсознательно, достичь как через медитацию, так и через культ.

Чем отличается антропософское движение от Общины христиан? Штайнер говорил: — Антропософское движение отвечает потребности познания и дает познание. Община христиан отвечает потребности Воскресения и дает Христа.

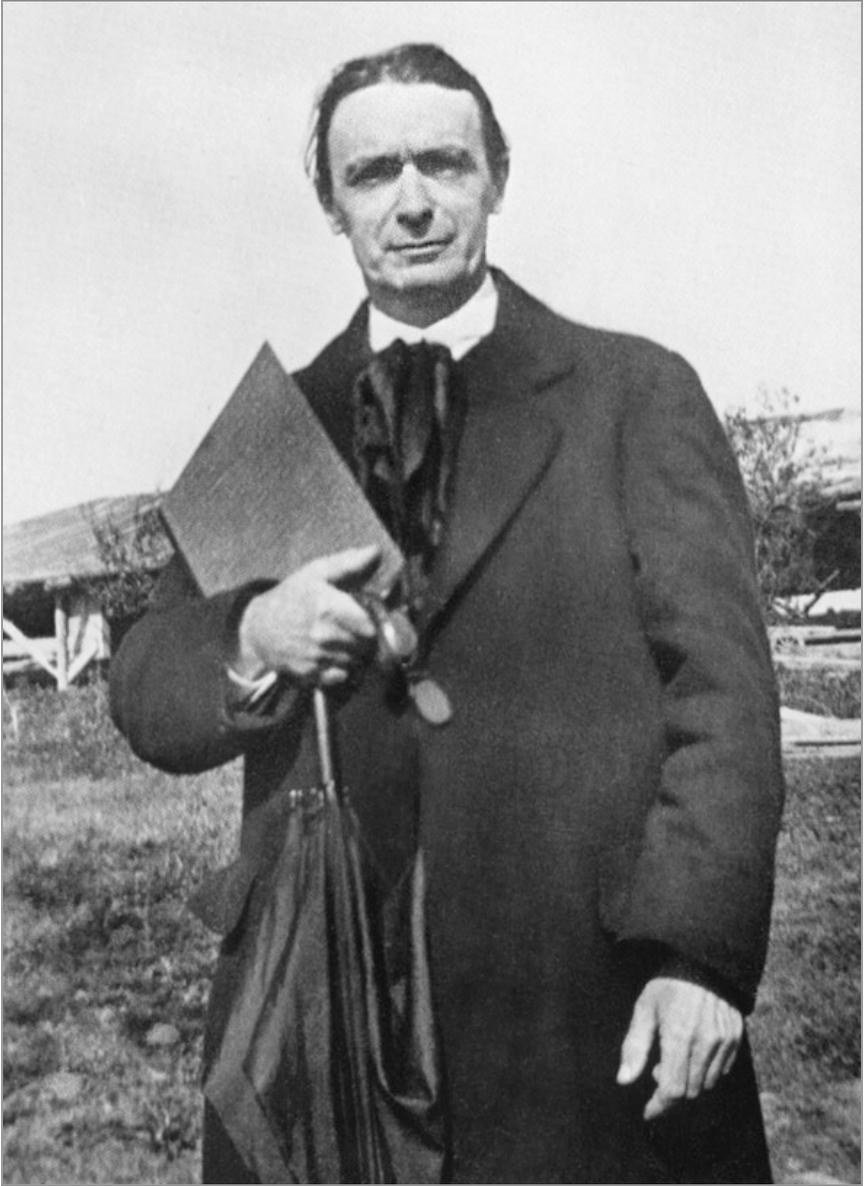
Тот, кто живет в Общине христиан, может при отправлении культа непосредственно почувствовать присутствие Христа. У члена Общины есть пища для души и помощь по жизни, такая большая и сильная, какой он только может желать. Ему нет необходимости вдаваться в подробности антропософских исследований. Если же у него есть потребность в познании, то мы, руководители Общины христиан, сами щедро одаренные антропософией, поможем ему сформировать антропософское мировоззрение. Но это дело совершенно свободного выбора как для священника, так и для члена Общины. Антропософия не признает никаких догм, и для Общины христиан они тоже не существуют. Ее членов объединяют великие основополагающие истины и факты христианства, рассматриваемые с точки зрения новой духовности. История современности ясно показывает, что без нее христианству грозит гибель. Именно она, новая духовность, говорит об объективных фактах избавления человечества. Антропософское общество как культурное движение охватывает все сферы. Община христиан — церковь избавления, которая может вместить всех людей.

Все это нужно ясно видеть и высказывать открыто, не впадая в свойственные людям крайности. И тогда каждый сможет определить, где его место, сделать правильный выбор, стать помощником человечества, сотрудником Христа.

В этом смысле Рудольф Штайнер стал «советником и помощником» в деле основания Общины христиан. Его миссией, помимо создания самой антропософии, было учреждение Антропософского общества. Но должна была возникнуть такая общность людей, которая поможет всем людям нашей эпохи стать истинными христианами. Антропософия, с ее богатым новым миром, не стремится стать содержанием культа. Она подождет, пока о ней спросят, и будет служить даже тем, кто о ней пока не спрашивает. Она просто хотела бы стать здесь посредницей, хотела бы способствовать тому, чтобы Христос в чистом и высоком духе

явился всем нашим современникам. После того как было признано воистину здоровое отношение между духом и природой, возникла необходимость в таинстве и культе. Только при их наличии истинная Община христиан смогла достичь единения, воспитывать себя и позитивно развиваться. С новой силой прозвучала Благая весть о том, что Христос явится в Откровении, помогая людям и Земле материалистической эпохи. Впрочем, все это ныне говорит само за себя.

Я говорю об этом не только потому, что многие люди требуют от меня ясности, но и потому, что во всем этом Рудольф Штайнер является нам в Откровении.





Итак, я оставил службу в церкви. Из лона церкви, в отличие от большинства моих друзей, я не вышел. Мы никого не побуждаем к такому шагу. Решение вопроса о том, отвергать ли, выталкивать ли нас по своему усмотрению, мы предоставляем церквям. Беседы мои со Штайнером, касавшиеся этого шага, протекали просто и по-деловому. Он никогда не пытался повлиять на меня. Я сказал ему, что чувствую себя еще достаточно гибким, чтобы оставить службу в церкви; но все зависит оттого, убедит ли меня то, что он скажет на лекционных курсах. На это он ответил:

— Будь я на вашем месте и пожелаю я присоединиться к движению, я, наверное, возглавил бы его.

Я возразил, что физически не смог бы справиться с этой задачей. Позже он вернулся к этой теме:

— Если вы оставите службу в церкви, найдется какой-нибудь фонд, который вас поддержит.

Вот и все, о чем мы говорили на предмет моего перехода из старой традиции к новому движению. Знал ли он, что такого фонда нет, мне неизвестно. В чистой атмосфере наших бесед не было места ни сентиментальности, ни рисовке.

\*\*\*

История основания Общины христиан сама по себе могла бы составить содержание целой книги. Учреждение общины во главе с первым священнослужителем есть таинство, происходящее в святой святого храма, о нем не следует кричать на площадях. Можно лишь упомянуть о нем при случае, в подходящем контексте. Но картина, которую я хочу описать в данной книге, была бы неполной, если бы я умолчал о двух моментах. Рудольф Штайнер находился среди нас и отвечал на все наши вопросы как целый университет, но университет нового стиля. Он действовал как непосредственно уполномоченный посланец, который должен был передать нам дар свыше, не запятнав чистоты этого дара. Никто из нас не сомневался, что в эти дни мы пребывали в некоем святилище. Если каждому из нас не сказал бы об этом голос совести, ему сказал бы это взгляд Рудольфа Штайнера.

Беседы со Штайнером в последние два года отступили на второй план. Коль скоро мы получили право посягать на его время, мы тратили это время на обсуждение насущнейших вопросов, касавшихся Общины христиан. Мы же видели, что на его плечах лежало бремя, достойное Атласа. Стоило ему приехать в Штутгарт, где находился центр Общины, как у его дверей выстраивались в очередь люди, представлявшие вальдорфскую школу, «Грядущий день», клиничко-терапевтический институт, естественно-научный исследовательский институт, издательство, редакцию газеты, молодежное движение. Антропософское общество. И все просили у него совета. Во всем жил и действовал его дух. Там, где слабые, несовершенно люди с чем-то не справлялись, в чем-то ошибались, он всегда умел поправить их, наставить на путь истинный. Все задавали ему единственный вопрос: что нужно сделать в первую очередь? Вспоминаю один час, когда я хотел задать ему сугубо личный вопрос. Но я взглянул ему в глаза, увидел эти глазные яблоки, совершенно сухие от бессонницы и горящие от сухости, — и слова застряли у меня в горле. И еще у меня было такое чувство, что мы, старшие, получили от него воистину слишком богатые дары; все, что он еще успевал подарить эпохе, принадлежит младшему поколению. Молодые должны узнать его так же, как узнали мы. Так что я удовольствовался одним его замечанием:

— Человеческие взаимоотношения остаются прежними, хотя внешние обстоятельства не позволяют людям общаться, как прежде.

Но зато я узнал Штайнера с еще одной стороны: как председателя и участника всех заседаний, к которым меня теперь привлекли как члена правления Антропософского общества<sup>51</sup>.

Это были весьма интересные собрания. Рудольф Штайнер часто казался безучастным — сидел, подперев рукой усталую голову, и вроде бы дремал. Он предоставлял говорить другим. Сначала они робели в его присутствии, но потом все оживленнее вступали в дискуссию. Все они были людьми, одаренными в самых различных областях. Штайнер слушал их с непроницаемым видом. И внезапно брал слово. И речи других ораторов сразу представляли в их жалкой убогости. Его превосходство было настолько неопровержимым, настолько мощным, что в духовном смысле оно выглядело как божественный спектакль, но в личном плане часто оборачивалось катастрофой. Эти талантливые люди переживали жесточайший кризис самооценки. В течение десятилетий я принимал участие во многих собраниях. Но никогда не был свидетелем подобного превосходства одного-единственного человека по сравнению со всеми остальными. Стоило Штайнеру заговорить, как все многолюдное сборище превращалось в единое целое. Противоречить ему было бессмысленно и бесполезно. Все не сводили с него взгляда как с чего-то никогда прежде не виданного.

Штайнеру редко предоставлялась возможность кого-то похвалить. Хотя я и имел удовольствие слышать его похвалы, но расскажу лучше о том, как он однажды упрекнул меня. Ведь и это относится к моей судьбоносной жизненной встрече с ним. Среди ближайших сотрудников Штайнера не было, пожалуй, никого, кто не испытал бы на себе его острой критики. Ибо Рудольф Штайнер ожидал от каждого беззаветной самоотверженности и деловитости.

Выполнение его всемирной миссии сталкивалось с огромными трудностями, и он требовал от своих соратников, людей несовершенных, максимальной отдачи, не прикрывая любезностями их очевидные недостатки и промахи.

Тогда, примерно год спустя после основания Общины христиан, я написал одну статью в защиту Штайнера. Он считал, что эта статья

---

<sup>51</sup> Фридрих Риттельмайер с 1922 года был членом правления Антропософского общества в Германии.

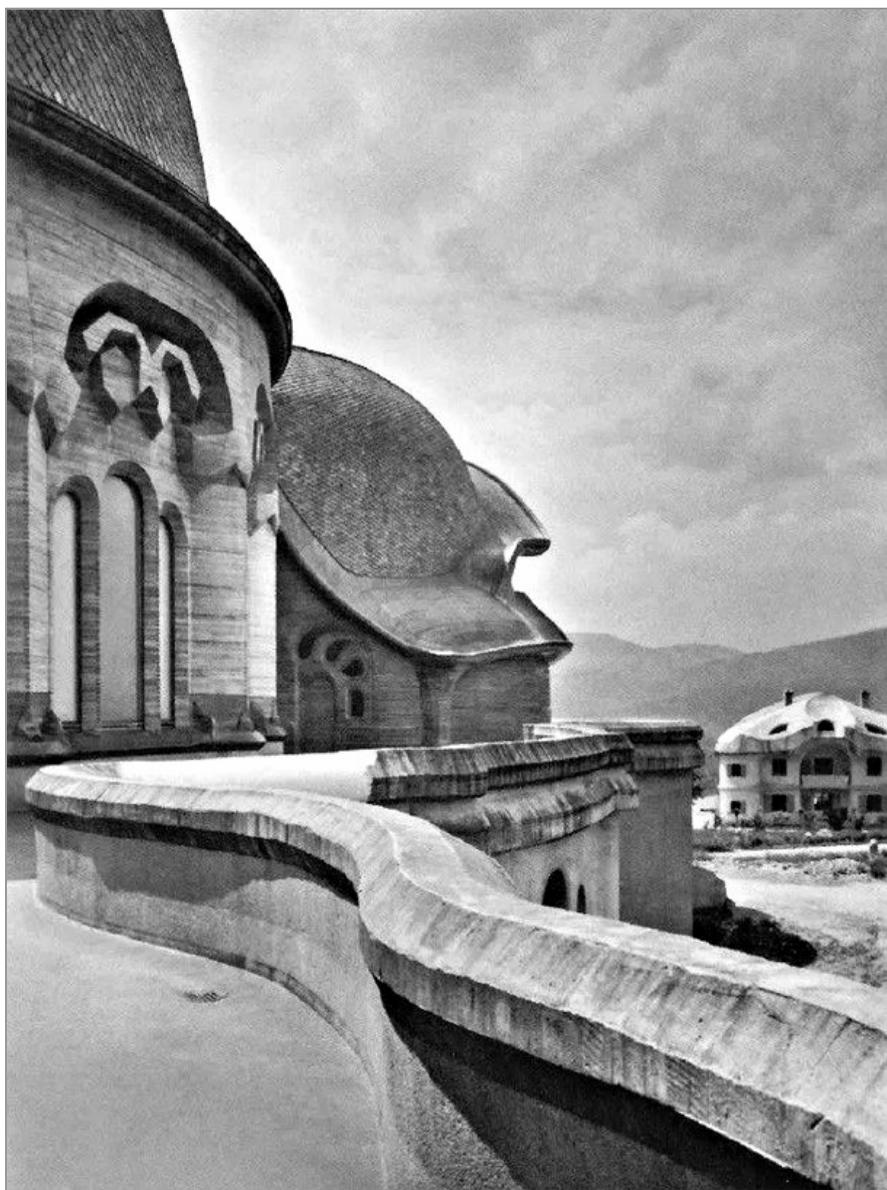
слишком снисходительна к его противникам. Правда, на заседании он не менее пяти раз оговорился, что не собирается упрекать меня за это сочинение. Но он предъявил упреки редакции журнала и правлению Антропософского общества за его публикацию, и я почувствовал себя задетым. Хотя я ничего не знал о переговорах, когда он высказал свои пожелания в этом направлении. По-человечески суть конфликта мне была не очень понятна. И вообще не все и не всегда понятно. Но даже эти тяжелейшие моменты ссоры в самом узком кругу не дали мне ни малейшего повода уменьшить мое восхищение человеческими качествами Рудольфа Штайнера.

Вскоре я понял, что неправильно рассчитал воздействие таких статей, что они иначе, чем хотелось, влияют и на сознание, и на подсознание не только неантропософов, но и антропософов, о чем мне как-то сказал Рудольф Штайнер.

Но кое-что мне стало ясно тогда и полностью открылось после его смерти: намного сильнее, чем мы думали, он страдал оттого, что антропософы по-настоящему не взяли его под защиту, не оградил от нападков. Противники засыпали его издевками и насмешками, а антропософы, наслаждаясь его лекциями, спокойно на это взирали. Он думал не о себе лично, но о влиянии глумливых нападков на свою работу. Он знал, что противники, обливая грязью его личность, стремятся уничтожить дело всей его жизни. И он видел, что антропософы этого не понимали. Они укрывались в антропософской крепости, не замечая, что крепость осаждена и враг готовится ее поджечь. Именно этими словами я однажды описал ситуацию в присутствии Штайнера, и он со мной согласился. Но в те годы он не мог высказать то, что чувствовал. Он должен был ждать, как проявится понимание и свобода других участников движения, потому что считал унижительным требовать защиты для себя лично. Позже кто-то сказал мне, что в то время он был «одной сплошной открытой раной». В это трудно поверить, ощущая просветленное спокойствие и доброту, с которой написана его «Биография»<sup>52</sup>. Так пусть же и моя книга поспособствует тому, чтобы Рудольф Штайнер появился наконец перед общественностью в истинном свете!

---

<sup>52</sup> Имеется в виду книга Рудольфа Штайнера «Мой жизненный путь».





Три самых последних месяца принесли мне еще три личные встречи с Рудольфом Штайнером. Он сам их назначил. Когда я в 1924 году приехал в Дорнах, он подошел ко мне после одной из лекций. Он шагнул мне навстречу как олицетворение доброты. Когда я думаю, что есть благо, у меня перед глазами возникает картина: он стоит передо мной в сиянии духа и доброты. В беседах я, к своему изумлению, увидел, что он откровенно говорит о том, что огорчало его в Антропософском обществе. Его угнетало малодушие соратников. Потом он как ни в чем не бывало обсуждал мои проблемы. Поскольку физически я чувствовал недомогание, он подробно расспрашивал меня о моих ощущениях. Когда я уклонился от его настойчивых вопросов (мне жалко было тратить драгоценное время), он сумел все понять из легких намеков.

Только после его смерти я сообразил, что последний личный разговор с ним был воистину прощальным. Он касался более широкого круга вещей, чем те, которые тогда занимали сознание собеседников. Он сказал мне кое-что обо мне самом, подводя итоги нашей жизненной встречи. Его мнение слишком для меня священо, чтобы приводить его здесь. Я поблагодарил его за советы, которыми он издали помогал мне во время болезни. С выражением величайшей доброты он отклонил мою признательность:

— Нет, дорогой доктор, это я благодарю вас за то, что вы дали мне возможность оказать помощь.

Это были последние слова, с которыми он обратился лично ко мне, когда еще жил на Земле. Я не мог себе представить, что завершение нашей жизненной встречи будет столь многозначительным и прекрасным. Это было как разговор с самим человечеством, и в тот момент я имел право считать себя представителем человечества. А человечество? Даст ли оно ему «возможность оказать помощь»?

При мысли о масштабах, которые приняло дело его жизни, захватывает дух. За две с половиной недели, несмотря на длительную болезнь кишечника, он прочитал примерно семьдесят лекций. Доклад для медиков и теологов, доклад для актеров и художников, доклад только для теологов, доклад в собрании членов Антропософского общества, кроме того, раз в два дня доклад для рабочих Гётеанума. Все эти доклады, эти лекции читались для профессионалов, и во всех областях звучало нечто новое, никогда прежде неслыханное. Казалось, достаточно пробурить Рудольфа Штайнера в любом месте, и на слушателей обрушится поток сверхчеловеческого знания. Кстати, все лекции сохранились в его письменном наследии. Пусть грядущее время составит свое суждение о том, что тогда произошло. День за днем в Гётеануме происходило так много всего, что каждый день заслуживает отдельного изучения. Снова и снова я спрашивал себя: когда и где во всемирной истории имело место нечто подобное? Неужели видеть это — означает слепое восхищение? Скорее, не видеть этого — означает слепую тупость. Приходя на лекцию, Рудольф Штайнер часто казался обессилевшим, но во время лекции он чувствовал себя хорошо, он прямо-таки снова оживал. Но ведь, кроме лекций, он дал аудитории двум сотням просителей (их сосчитал консьерж, сам Штайнер никогда не стал бы вести такие подсчеты или говорить о них). Это уже превосходило даже его силы. Но люди беспощадно (я мог бы привести тому множество примеров) использовали его для свода личных дел.

Много лет назад, наблюдая мою душеспасительную деятельность, куда более скромную, он сказал моей жене:

— Столько визитов, столько гостей ему не выдержать. То, что говорят ему эти люди, уже сидит у него внутри. От этого он и болеет.

Для истинного духовного наблюдения и консультирования нужно самоотвержение, значительно большее, чем то, которое обычно называют «любовью». Тот, кто понимает, о чем я веду речь, пусть предста-

вит себе масштабы тогдашних событий. Рудольф Штайнер во время своей последней болезни признался, что его доконали не лекции, а личные беседы. Но правда и то, что однажды, когда один из членов правления Антропософского общества попросил слушателей из любви к Штайнеру не слишком обременять его личными просьбами, тот возразил:

— Любовь ко мне проявляется в том, что меня зовут на помощь днем и ночью, если во мне нуждаются.

Но последние слова этой фразы были восприняты его приверженцами недостаточно ответственно. Так что с религиозной точки зрения можно было бы сказать: Рудольф Штайнер умер от человеческого «греха». Грех внешней и грех внутренний действовали вместе. Его самоотверженная помощь людям стоила ему жизни.

\*\*\*

Через полгода я стоял у его гроба. Никто из нас не ожидал, что Штайнер поддастся болезни. И вот его брэнная оболочка, только что покинутая духом, покоилась на смертном одре у подножия изваяния Христа, которое он почти завершил. Тот, кто рассматривал лицо покойника, видел, как дух преображает плоть великого человека. Духовная высота и чистота черт выдержала бы любое сравнение и любое испытание. Возможно, посмертная маска, если ее когда-нибудь запечатлеют на полотне, произведет на многих людей незабываемое впечатление и убедит их в его правоте. Мой взгляд снова и снова перемещался от брэнной плоти к высокой фигуре Христа, изображенной в энергичном движении к будущему. Ученик упал к ногам Мастера. Казалось, что Христос, неудержимо шагающий навстречу грядущему, бережно принимает его в Себя. Миссия ученика завершилась.

Божественные мировые цели светились на челе Мастера.

По желанию г-жи Марии Штайнер я совершал похоронную требу по ритуалу Общины христиан в благоговейно убранном зале, где Рудольф Штайнер прочел большую часть своих лекций. Капля ритуальной воды, упавшая на чело усопшего, сияла, как бриллиант, в течение всей церемонии. Свет множества свечей отражался в этом сияющем бриллианте — так откровения высших миров всю жизнь отражались в этом

духе. И с этим драгоценным камнем на челе тело опустили в саркофаг. Мне казалось, что высшие духи в некоем земном образе указали нам на то, что мы переживали в тот момент.

Эта церемония навеки запечатлелась в моей душе. Его дело завершилось. Оно остается великим вопросом к человечеству. Если все, кто ему привержен, вложат всю свою энергию в единение, — оно станет реальностью!